

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР.
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТРУДОВ

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР.
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТРУДОВ

Раздел А: Сочинения
III. Публикации из наследия

Изданы
Управлением наследия Рудольфа Штайнера

Том GA 45

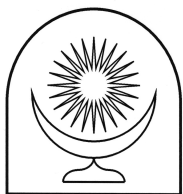
РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Антропософия

Фрагмент

Перевод с немецкого

Л. Б. Памфиловой

ТИТУРЕЛБ

МОСКВА

2005

УДК 141.333

ББК 87.2

Ш 87

Штайнер Р.

Антропософия. Фрагмент 1910 г.

М.: Титурель, 2005. – 504 с.

Впервые на русском языке издаётся том № 45 Полного собрания трудов основателя духовной науки (антропософии) Рудольфа Штайнера. Учение о чувствах является одним из центральных его открытий. Публикуется перевод последнего, наиболее полного, переиздания незавершённой работы автора, название которой было определено им самим исходя из представленного в ней учения о связи конкретного телесного строения человека с душевным и духовным содержанием, о взаимодействии двенадцати областей сознания с десятью органами чувств. Подробнее о данной книге можно узнать в *Предисловии ответственного редактора (немецкого издания), в приложении и в примечаниях.*

Книга предназначена для широкого круга читателей. Особый интерес данная работа должна вызвать у врачей, физиологов, психологов, педагогов и других специалистов для углублённого изучения существа человека.

© Памфилова Л. Б., перевод.

© Елин Г. Я., оформление.

© Издательство «Титурель» 2005

ISBN 5-902490-01-4

Перевод с немецкого по изданию

RUDOLF STEINER. Anthroposophie. Ein Fragment.

RUDOLF STEINER VERLAG. 2002.

ISBN 3-7274-0452-3

Содержание

	<i>Стр.</i>
<i>Предисловие ответственного редактора</i>	7
I. Характер антропософии	13
II. Человек как организм чувств	22
III. Мир, лежащий в основе чувств	34
IV. Жизненные процессы	42
V. Процессы во внутреннем мире человека	54
VI. Я-переживание	60
VII. Мир, лежащий в основе органов чувств	64
VIII. Мир, лежащий в основе жизненных органов	74
IX. Высший духовный мир	84
X. Форма человека	87

Приложение

1. <i>Варианты корректурных редакций глав IV – VII</i>	101
2. <i>Рукописные наброски</i>	117
3. <i>Отдельный лист «к Антропософии»</i>	170
4. <i>Запись на листке (из записной книжки) о десяти чувствах между чувством осозания и переживанием «Я»</i>	176
5. <i>О слушании и говорении – незавершённое исследование</i>	178
6. <i>Личные высказывания об «Антропософии»</i>	190

<i>К данному изданию</i>	203
<i>Основы текста</i>	209
<i>Исправления текста</i>	217
<i>Примечания</i>	221
<i>Именной и предметный указатели</i>	229
<i>Дальнейшие высказывания</i>	
<i>к учению о чувствах и к двенадцати чувствам</i>	
<i>в трудах Рудольфа Штайнера</i>	239
<i>Библиографический список прежних изданий</i>	241
<i>Обзор Полного собрания трудов</i>	
<i>Рудольфа Штайнера</i>	244

Далее: полный текст издания «Антропософия» (GA 45) на немецком языке с собственной нумерацией страниц, приблизительно соответствующей нумерации страниц в русском переводе (точное соответствие невозможно из-за разницы в размерах предложений и абзацев перевода и изначального текста. Поэтому номера страниц в содержаниях совпадают, а номера страниц, относящиеся к конкретным словам, предложениям и абзацам внутри глав, приложения и примечаний, могут не совпадать).

Печатается с издания:

Rudolf Steiner. ANTHROPOSOPHIE. Ein fragment.
© 2002. Rudolf Steiner Verlag. ISBN 3-7274-0452-3

*Предисловие ответственного редактора
(немецкого издания)*

Фрагмент «Антропософия» принадлежит к работам, не опубликованным при жизни Рудольфа Штайнера. Некая загадка окружает незавершённое сочинение. В 1910 году Штайнер безусловно хотел его опубликовать, он уже начал сдавать рукопись в печать. Основополагающее название книги вскоре после этого должно было стать наименованием для всего его духовнонаучного движения, когда оно отделилось от теософского общества. Годом раньше он в четырёх докладах устно изложил это содержание, чтобы открыть им некое новое измерение своего творения: предстояло установить конкретное телесное строение человека в его связи с душевным и духовным миром. Началом послужило открытие двенадцати областей переживания человеческого сознания с десятью — так видел это Штайнер в этот период времени — областями чувств, связывающих человека как с телесным внутренним миром, так и с физическим и душевно-духовным внешним миром. Однако ему не удалось привести письменное изложение в некую удовлетворяющую его форму. Наряду с остающимися открытыми вопросами исследования и

изложением, которое должно было отвечать научным требованиям, Штайнер был перегружен другими многочисленными задачами. Так получилось, что сочинение, уже в значительной мере напечатанное, осталось незавершённым. Прочитав об этом в личных высказываниях Штайнера, в конце настоящего издания, убеждаешься, что с одной стороны, это изложение невозможно было привести в некую обоснованную форму, с другой стороны, Штайнер ещё в 1920/21гг. обозначил его как «подлинную антропософию», которую всё-таки следует завершить.

В то время как работа Рудольфа Штайнера продолжала развиваться дальше, открывались новые горизонты исследования. Понимание человека, в принципиально новой форме опиравшееся в 1909/10 гг. на десять чувств, в 1916/17гг., в годы Первой мировой войны развилось до учения о двенадцати чувствах человека в их совокупности. Учение о чувствах остаётся одним из центральных открытий Штайнера, которое касается не только непосредственно физиологии, психологии и философии человека, но и ставит всё отношение человека к современному миру на новое основание: процессы речи, мышление и другое «Я» — «Я» ближнего — выступают как непосредственные чувств-

венные восприятия, события органов чувств и души. В 1917 году Штайнер опубликовал краткий очерк своего воззрения на двенадцать чувств в своём сочинении «О загадках души» (GA 21). То есть, в том же сочинении, в котором он эскизно представил сделанное им после тридцатилетнего исследования открытие трёхчленности человеческого организма, выявляемой в нервно-чувственной системе, ритмической системе и системе обмена веществ в соответствии с душевными функциями представления, чувствования и желания. Более поздняя антропософия Штайнера в теории и практике немыслима без этих результатов познания.

Фрагмент «Антропософия» необходимо рассматривать как существенную, но всё же временно оставленную ступень исследовательского пути и труда Рудольфа Штайнера. Даже по своей форме текст основывается на сложном статусе рукописи, который исключает окончательный вид текста. Впервые фрагмент был опубликован в 1951 году и позже включён в раздел литературного наследия полного собрания трудов. На основании изданий, выпущенных ранее под редакцией Хендрика Кнобеля и Иоганна Ваегера, а также подготовительной работы Давида Хофмана это новое расширен-

ное издание содержит: текст фрагмента в соответствии с последней сохранившейся стадией текста, впервые со всеми вариантами и всеми без исключения рукописными набросками; незавершённое исследование о слушании и говорении; пояснения к текстовой основе и виду текста; личные высказывания Штайнера по поводу своего незавершённого сочинения.

АНТРОПОСОФИЯ.

Фрагмент.

I. ХАРАКТЕР АНТРОПОСОФИИ.

С давних пор имелось чувство, что рассмотрение человека является самой достойной отраслью человеческого исследования. Кто ныне находится под влиянием познания человеческого существа, накопленного в ходе времён, тот может быть легко обескуражен. Предлагается множество мнений как ответы на вопрос: что есть человек и в каком отношении находится он ко вселенной? Относительно этой проблемы существуют самые разнообразные суждения. Отсюда может возникнуть ощущение, что человек не призван к такому исследованию и что он должен отказаться достигнуть того, что названному чувству могло бы принести удовлетворение.

Справедливо ли такое ощущение? Оно могло бы иметь место только при условии, что наличие различных взглядов на объект свидетельствовало бы о неспособности человека узнать что-либо истинное об объекте. Кто хотел бы допустить такое свидетельство, тот должен был бы поверить, что вся суть объекта должна открываться человеку сразу, если вообще может идти речь о познании. В настоящее время с человеческим познанием дело обстоит не так, что суть вещи может ему открыться сразу. Напротив, с ним происходит скорее так, как с картиной, которую, нарисовав или сфотографировав, воспринимают с одной определённой стороны, например, какое-либо дерево. Эта картина вполне правдиво даёт вид дерева с некоторой определённой точки зрения. Если избирают другую точку зрения, то картина становится совсем иной. И только ряд картин с

различнейших точек зрения может дать благодаря взаимодействию общее представление о дереве.

Лишь таким образом человек может наблюдать вещи и существ мира. Всё, что он может о них сказать, он *должен* сообщать в виде воззрений, соответствующих различным точкам зрения. Таково положение вещей не только при наблюдении объектов в чувственном мире, но также и в духовном. Только в отношении последнего нельзя позволить сбить себя с толку вышеупомянутым сравнением и, в случае разницы точек зрения, представлять себе что-либо, как что-то пространственное. — Каждый взгляд может быть истинным, если он точно передаёт наблюдение. И только тогда он опровергнут, когда доказано, что, исходя из *той же самой* точки зрения, ему противоречит другой, справедливо доказанный. Разница, представленная взглядом, данным с другой точки зрения, как правило, ни о чём не говорит. Кто понимает эти вещи так, тот защищён в отношении легковесной отговорки, что при таком понимании *каждое* мнение должно казаться справедливым. Как картина дерева с одной точки зрения должна иметь совершенно определённую форму, так и духовный взгляд с одной точки зрения должен иметь нечто подобное. Однако же ясно, что ошибка в воззрении может быть доказана только тогда, когда уясняют себе точку зрения, из которой оно дано.

Если бы это всегда учитывали, то в мире человеческих мнений всё обстояло бы гораздо лучше, чем это обычно происходит. Тогда обнаружили бы, что различие мнений во многих случаях происходит лишь от разницы точек зрения. А приблизиться к сути вещей можно только через различные истинные взгляды. Ошибки, возникающие в этом направлении, происхо-

дят не оттого, что люди сформировали себе различные взгляды, а оттого, что каждый хочет видеть свой взгляд как пользующийся исключительным правом.

Возражение против всего этого представляется лёгким. Можно было бы сказать, что человеку, желающему изложить истину, следовало бы не ограничиваться одним мнением, а подняться над возможными воззрениями к пониманию соответствующей вещи в целом. Это требование может звучать приемлемо. Однако оно неосуществимо. Так как то, что является вещью, должно быть как раз охарактеризовано с различных точек зрения. Выбранная картина дерева, изображённого с различных точек зрения, оказывается правильной. Кто хотел бы этим пренебречь и не желает придерживаться различных изображений, чтобы получить общую картину, тот мог бы, вероятно, написать нечто совсем расплывчатое, туманное; но в такой расплывчатой картине однако не покоилась бы истина. Впрочем, никакую истину так добывать нельзя – через познание, стремящееся охватить объект одним взглядом; истина достижима только через объединение истинных воззрений, которые даны, исходя из различных позиций. Вероятно, это мало отвечает человеческому нетерпению, но соответствует фактам, которые учатся познавать, если развивают интенсивное стремление к познанию.

Немногое может так близко подвести к подлинной оценке истины, как такое стремление к познанию. А истинной эта оценка может быть названа лишь потому, что она не может повлечь за собой малодушия. В стремлении к истине она не ведёт к отчаянию, потому что признаёт истину как таковую в ограничении; но она предохраняет от бессодержательного высокомерия,

которое полагает, что может охватить всеобъемлющую суть вещей в пределах своего обладания истиной.

Кто принимает такое в достаточной мере, тому будет понятно, что познания человека следует добиваться, пытаясь приблизиться к его сути с различных точек зрения. *Одна* такая точка зрения должна быть избрана, исходя из следующего указания. Её следует охарактеризовать как такую, которая располагается как бы в середине между двумя другими. И не надо утверждать, что наряду с этими тремя, которые приняты здесь во внимание, не могли бы быть даны ещё и многие другие точки зрения. Здесь должны быть выбраны всё же три как особенно характерные.

Первая точка зрения, учитываемая в такой связи, есть *антропология*¹. Эта наука собирает то, что происходит из очевидных наблюдений, касающихся человека, и стремится получить разъяснения их сути из результатов своего наблюдения. Например, она рассматривает организацию органов чувств, форму строения костей, связи нервной системы, процессы движения мышц и т. д. С помощью своих методов она проникает в точное строение органов и стремится познакомиться с условиями процессов восприятия, представления и т. д. Она исследует также подобие человеческого существа животному и пытается добыть представление о связях человека с другими живыми существами. Она идёт дальше и исследует жизненные соотношения нецивилизованных народов, являющихся отставшими в развитии относительно цивилизованных народов. По тому, что она наблюдает у таких народов, она составляет себе представление о том, какими когда-то были ныне более развитые народы, прошедшие через тот уровень развития, на котором остались стоять нециви-

лизованные народы. Она исследует остатки людей древних времён в слоях Земли и составляет представления о том, как продвинулось вперёд культурное развитие. Она исследует влияние климата, морей и других географических условий на человеческую жизнь. Она стремится получить воззрение об условиях развития рас, жизни народов, о правовых отношениях, формировании письменности, языка и т.д. Тут наименование «антропология» используется для общих физических сведений о человеке; к антропологии причисляется не только то, что часто относят к ней в узком смысле, но также морфология, биология человека и т.д.

Антропология в настоящее время держится, как правило, внутри границ, которые сегодня обусловлены естественнонаучными методами. Благодаря ей собирается огромный фактический материал. Несмотря на различные способы представлений, обобщающих этот материал, в нём имеется кое-что, что может плодотворнейшим образом воздействовать на познание человеческого существа. И этот материал беспрестанно увеличивается. Он соответствует воззрениям современности, возлагающим большие надежды на то, что может быть получено с этой стороны для прояснения загадок человека. И вполне естественно, что многие считают точку зрения антропологии настолько же достоверной, насколько сомнительной они должны считать ту, которую можно здесь следом охарактеризовать.

Эта другая точка зрения есть *теософия*². Удачно или неудачно выбрано такое название, исследовать здесь не надо. Необходимо только охарактеризовать эту вторую точку зрения в отношении наблюдения человека в сравнении с антропологической. Теософия ис-

ходит из того, что человек прежде всего является духовным существом. И она стремится познать его как такового. Она имеет в виду, что человеческая душа не только, как в зеркале, показывает видимые вещи и процессы и перерабатывает это, но что она в состоянии вести собственную жизнь, имеющую свои побуждения и своё содержание со стороны, которую можно назвать духовной. Душа предназначается для того, чтобы человек мог проникать в духовную область так же, как он проникает в видимую. В последнем случае познание человека расширяется благодаря тому, что он свои органы чувств направляет на всё большее число вещей и процессов и на основании этого образует себе свои представления. Разумеется, в духовной области познание развивается по-другому. Там осуществляют наблюдения во внутреннем переживании. Видимая вещь располагается перед человеком; духовное переживание зарождается во внутреннем, а именно поднимаясь из центра самого человеческого существа. Пока человек будет верить, что такой подъём может быть лишь внутренним делом души, теософия для него должна быть весьма сомнительной. Ибо такая вера находится совсем недалеко от другой, полагающей, что такие переживания являются лишь дальнейшей внутренней переработкой видимых наблюдений. В такой вере можно пребывать до тех пор, пока не убедишься благодаря веским основаниям, что внутренние переживания, так же как и видимые факты, с некоторого момента определяются чем-то, являющимся по отношению к человеческой личности внешним миром. Если достигли этого убеждения, то приходится признать внешний духовный мир так же, как признают физический. И тогда станет понятным, что человек связан с духовным ми-

ром в отношении своего духовного так же, как он коренится в физическом благодаря своему физическому. Тогда найдут понятным, что из этого духовного мира можно брать сведения для познания человека подобно тому, как из физического наблюдения антропология берёт данные для физического человека. Тогда уже не будут сомневаться в возможности исследования в духовном мире. – Духовный исследователь так преобразует своё душевное переживание, что в его душевные переживания вступает духовный мир. Он формирует определённые душевные переживания так, что этот духовный мир обнаруживается в них. (Как это происходит, пишущий этот очерк представляет в своём сочинении «Как достигнуть познания высших миров?»³). Об этой сформированной таким образом жизни души можно говорить благодаря «ясновидящему сознанию». Только от этого понятия надо держать на расстоянии весь вздор, который в настоящее время связывают со словом «ясновидение».

Чтобы прийти к внутреннему переживанию, непосредственно открывающему душе те или иные факты духовного мира, требуются долгие, неустанные напряжённые душевные упражнения. Но было бы губительным предрассудком, если бы поверили, что такие душевные переживания могут принести плоды только тому, кто непосредственно переживает их благодаря таким душевным упражнениям. С этим дело обстоит совершенно иначе. Когда духовные факты стали откровением благодаря соответствующим душевным упражнениям, тогда они словно захвачены человеческой душой. И если духовный исследователь, после того как он нашёл их, сообщает их, они могут быть понятны каждому человеку, который вслушивается в них со

здоровым чувством истины и непредвзятой логикой. Не следует думать, что о фактах духовного мира может иметь обоснованное убеждение только ясновидящее сознание. Каждая душа настроена признать истину, найденную духовным исследователем. Если духовный исследователь будет отстаивать что-либо неистинное, то это всегда может быть определено через отказ здорового чувства истины и непредвзятой логики.

Непосредственное переживание духовных познаний требует сложного душевного пути и душевных упражнений; овладеть такими познаниями должна каждая душа, желающая получить полное осознание своей человечности. И с определённого момента бытия без такого осознания человеческая жизнь будет больше невозможна.

Если даже теософия теперь в состоянии предоставить познания, которые удовлетворяют важнейшим потребностям человеческой души и могут быть признаны благодаря естественному чувству истины и здоровой логике, то между нею и антропологией всё же будет оставаться некая пропасть. Хотя всегда возможно следующее. Можно показать выводы теософии относительно духовного существа человека, а затем суметь показать, как антропология подтверждает *всё*, высказанное теософией. Однако от одной области познания к другой путь будет далёким.

Но есть возможность заполнить пропасть. В известном отношении это должно происходить здесь при изложении в общих чертах некой *антропософии*. Если антропология позволяет сравнить себя с наблюдениями путника, который идёт по равнине от места к месту, от дома к дому, чтобы получить представление о сути местности; если теософия напоминает обзор, который по-

лучают о той же местности с вершины холма, то антропософию следует сравнить с обзором, который могут получить со склона холма, где частное ещё различимо глазами, но однако это разнообразие уже начинает соединяться в целое.

Антропософия рассматривает человека таким, каким он предстаёт для физического наблюдения. Однако она ведёт наблюдение так, что из физических фактов ищет указание на духовную подоснову. Так антропософия может перевести из антропологии в теософию.

Особо следует подчеркнуть, что здесь должен быть показан только совсем краткий очерк антропософии. Обстоятельное изложение отняло бы много времени. Очерк задуман так, что затрагивает только телесное человека, поскольку оно является проявлением духовного. И в более узком смысле антропософия подразумевается в этих границах. Непосредственно за ней должна следовать *психософия*, которая рассматривает душевное, и *пневматософия*, которая занимается духом⁴. С ними антропософия затем вливается в собственно теософию.

II ЧЕЛОВЕК КАК ОРГАНИЗМ ЧУВСТВ.

Начало антропософии должно быть осуществлено с рассмотрения человеческих чувств. Благодаря чувствам человек достигает связи с неким внешним миром в одном направлении. Говоря о чувствах, следует принимать во внимание двойное. Прежде всего надо оставить без внимания то, как человек проникает во внешний, а именно в духовный внешний мир, другим, обозначенным выше путём. А затем, следует сперва совершенно отвлечься от того, находится ли духовное позади наблюдаемого чувствами. Когда речь идёт о чувствах, в отношении духовного следует иметь в виду, что необходимо ждать, каким образом, согласно природе, из наблюдения чувств придёт *указание* на духовное. Духовное не может быть предпослано, но от него нельзя и уклониться; нужно *ждать* его проявления.

Тут имеются в виду не предметы чувственного наблюдения, а сами чувства как человеческие органы. — На основании того, что сообщают человеку его чувства, он образует свои представления о внешнем мире. Так возникает познание этого внешнего мира. В отношении познания можно говорить об истине и заблуждении. Возникает ли заблуждение уже в области чувств или только там, где по высказываниям чувств образуются представления посредством суждения, памяти и т.д.? Есть некоторое право говорить об обмане чувств. Если из-за неправильности в ухе или глазе звук и световое впечатление кажутся другими, чем они представляются при нормально сформированном соответствующем органе, то налицо, к примеру, обман чувств.

Поэтому, не обоснованно ли то, что сказал Гёте⁵: «Ты можешь смело чувствам доверять, фальшивое созерцать они тебе не позволят, когда бодрым сохраняется разум твой»? Высказывание Гёте тотчас обнаруживает свою правоту, если обдумать следующее. Заблуждение, вызванное рассудком или памятью, по характеру является другим, нежели обман чувств. Ведь последнее может быть исправлено посредством здорового рассудка. Если кому-нибудь из-за ошибки его зрения стоящее перед ним дерево представится человеком, то он будет заблуждаться лишь в том случае, если не исправит ошибку зрения и усмотрит, например, врага в обманчивом человеке, против которого начнёт защищаться. Иначе происходит с заблуждением рассудка, так как тут присутствует сам этот рассудок, который заблуждается и поэтому не может в то же время исправить свои собственные ошибки. – Только через рассудок ошибки чувств превращаются в действительные заблуждения. Это различие вызвано не педантичностью, а необходимостью.

Многие люди привыкли, говоря о чувственных восприятиях, перечислять пять видов самих чувств: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание (или ощупывание). Здесь нельзя останавливаться на этом перечислении, потому что существует и нечто такое, благодаря чему человек вступает в другое отношение с внешним миром, нежели, например, в случае слуха или зрения. В настоящее время и антропологическая наука говорит о других чувствах, кроме тех, которые перечислены выше. Здесь нет необходимости останавливаться на перечислении, данном антропологией. Следует только заметить, что здесь находится один из весьма отрадных моментов, когда наука, опирающаяся исключительно

на чувственно-физические факты, пробивается благодаря своим собственным наблюдениям к воззрениям, частично совпадающим с тем, что должен утверждать духовный исследователь. С течением времени такие точки соприкосновения будут выявляться всё больше; а если различными сторонами будет управлять добрая воля, то возможно всё-таки вскоре настанет время, когда будет царить взаимное признание естественного и духовного исследования.

В антропософском освещении человеческим чувством может быть названо всё, побуждающее человека признать бытие предметов, существ или процессов таким, чтобы он был вправе отнести это бытие к физическому миру.

Таким, например, является самое неопределённое и самое общее чувство, которое можно назвать *чувством жизни*. Человек, собственно, только тогда по-настоящему замечает бытие этого чувства, когда благодаря ему воспринимает в себе что-либо нарушающее порядок в телесности. Человек чувствует в себе слабость, усталость. Он не слышит слабость и усталость, он их не обоняет, однако воспринимает их в том же смысле, в каком воспринимает запах и звучание. Такое восприятие, касающееся собственной телесности, должно быть приписано чувству жизни. Оно, по сути говоря, всегда присутствует и у бодрого, здорового человека, хотя весьма ощутимым становится только при каком-либо нарушении. Благодаря чувству жизни человек ощущает себя как телесное «я», заполняющее пространство.

От этого чувства отличается другое, благодаря которому человек воспринимает, например, выполняемое им движение. Двигают ногой и это движение воспри-

нимают. Чувство, благодаря которому это происходит, следует назвать *чувством собственного движения*. Отличие этого чувства от первого обнаруживается, если подумать, что посредством чувства жизни воспринимают лишь нечто, существующее во внутренней телесности без того, чтобы с этим что-либо делать самому. Чувство собственного движения воспринимает то, в чём предполагается деятельность, подвижность.

Третье чувство появляется, когда замечают, как человек может удерживать себя в определённом положении в отношении верха и низа, правого и левого и так далее. Это чувство можно назвать *чувством равновесия* или *статическим чувством*. Его особенность выявляется при понимании, что надо иметь восприятие собственного положения, если хочешь держаться в нём как сознательное существо. Когда чувство равновесия не действует, у человека кружится голова, он падает. Не осознающий себя предмет поддерживается в этом положении без восприятия своего положения. У него не может кружиться голова. Антропология, говоря об этом чувстве, указывает на маленький орган в человеческом ухе. Здесь существует три канала полукруглой формы, расположенные в так называемом лабиринте уха. Если они повреждены, то наступает состояние головокружения.

Прослеживая особенность трёх перечисленных чувств, находят, что человек благодаря каждому из них воспринимает что-либо, имеющее отношение к собственному физическому бытию. Благодаря чувству жизни он получает общее ощущение своей телесности; через чувство собственного движения он воспринимает в этой своей телесности изменения; через чувство равновесия он воспринимает своё отношение к простран-

венному внешнему миру. Однако это восприятие он получает так, что оно ему открывается как состояние собственной телесности, как ощущение своего собственного положения. – Благодаря этим трём чувствам человек получает ощущение своей собственной телесности как единого целого, которая является основой самосознания для него как физического существа. Можно сказать, что душа открывает свои врата в отношении собственной телесности посредством чувства жизни, чувства собственного движения и чувства равновесия и ощущает эту телесность как физический внешний мир, стоящий к ней ближе всего.

Со следующими чувствами человек выступает на встречу внешнему миру, относящемуся к нему самому по-другому. Первое принимаемое здесь во внимание чувство – это то, посредством которого человек входит в ближайшее соприкосновение с тем, что называют *материей*. Близкое соприкосновение с материальным допускают лишь воздушные или газообразные тела. И это соприкосновение осуществляется через *чувство обоняния*. Но быть воспринятым с помощью чувства обоняния вещество может, если только оно раздроблено до тончайшей степени и газообразно распространено.

Следующей ступенью восприятия органов чувств является тогда та, посредством которой воспринимается уже не только вещество как таковое, а воздействия (действия) вещественного. Это происходит благодаря *чувству вкуса*. С помощью этого чувства может восприниматься только водное тело, либо такое, которое для отведывания его вкуса растворяется в жидкости рта. Благодаря чувству вкуса человек проникает во внешнюю материальность одной ступенью глубже, чем

с помощью чувства обоняния. В последнем само вещество подходит к человеку и проявляет себя своим характерным свойством; в чувстве вкуса то, что ощущается есть воздействие вещества на человека. Это различие можно почувствовать лучше всего, если представить себе, что в чувстве обоняния вещество должно подходить к человеку готовым, в газообразном виде, чтобы он мог его воспринять таким, какое оно есть; в чувстве вкуса, чтобы проникнуть в те свойства вещества, которые оно само не открывает человеку, он своей собственной жидкостью растворяет вещество, то есть этим растворением изменяет его. Так чувству обоняния присуще воспринимать внешнюю сторону вещественного; чувство вкуса глубже проникает во внутреннее материальной вещи. А чтобы это внутреннее побудить к проявлению, человек должен изменить внешнюю сторону вещи.

Ещё глубже человек проникает во внутреннее физического внешнего мира благодаря следующему чувству. Это *чувство зрения*. Видит ли человек тело красным или синим, это раскрывает ему внутреннее содержание тела больше, чем при воздействии, передаваемом чувством вкуса. Всё зависит от сущности тела – предстанет оно красным или синим под влиянием бесцветного солнечного света. – Цвет проявляется как поверхность тела. Но можно сказать: то, как тело открывает себя тут, на своей поверхности, есть обнаружение его внутренней сущности благодаря посредничеству света.

Ещё глубже, в известной степени под поверхность тела, проникает *чувство тепла*. При ощупывании куска льда или тёплого предмета выясняется, что холод или тепло не являются чем-то, предстающим только сна-

ружи на поверхности, как цвет, но целиком пронизывают тело. Заметим, что градация чувств, охарактеризованных здесь, такова, что с каждой следующей ступенью человек погружается глубже во внутреннее тел внешнего мира.

Дальнейшее погружение представлено *чувством слуха*. Оно достигает более высокой степени продвижения во внутреннее тел, чем чувство тепла. Тон* вызывает вибрацию внутри тел. Это больше чем только образ, когда говорят о том, что душа какого-либо тела приводится к откровению через тон. Через тепло, которое тело несёт в себе, узнают нечто о его отличии от окружения; через тон наружу выступает и сообщается восприятию собственная природа тела, его индивидуальное начало.

Если здесь, в соответствии с сутью дела, говорить о чувстве как о таком знании, которое осуществляется без содействия разума, памяти и так далее, то, кроме перечисленных, надо согласиться с существованием ещё других чувств. Принимая за основу это различие, легко увидеть, что в обычной жизни слово «чувство» часто используют неправомерно. Так происходит, когда говорят о чувстве подражания, о чувстве утаивания и т.д. В том, что выступает как подражание, утаивание и т.д., уже участвуют рассудок и суждение. Одной только чувственной деятельностью это осуществить невозможно.

Но совсем по-другому обстоит дело, когда в речи мы воспринимаем то, что открывается через звук.** Само собой разумеется, в восприятии высказывания

* der Ton – звук (музыкальный), звучание

** der Laut – звук вообще (прим. переводчика)

непрерывно принимается во внимание сложная деятельность суждения, как и обширные функции души, которые совершенно не могут быть связаны со словом «чувство». Однако, в этой области также есть простое, непосредственное восприятие, представляющее собой точно такое же восприятие *прежде* всякого суждения, какими являются цвет и степень тепла. Звук воспринимается не только в отношении своей высоты звучания, но с ним захватывается нечто более внутреннее, чем это происходит с тоном. Если говорят, что в тоне живёт душа тела, то можно также сказать, что в звуке это душевное обнаруживается так, что оно появляется с некоторой самостоятельностью, отдалённым, освобождённым от телесного. Так как восприятие звука предшествует суждению, то ребёнок учится воспринимать звуковое значение слова прежде, нежели он приходит к использованию суждения. В речи ребёнок учится судить. Вполне справедливо говорить о некотором особом *чувстве звука* или *чувстве речи*. Признание этого чувства затруднено лишь по той причине, что к непосредственному восприятию того, что открывается в звуке, как правило добавляется самая разнообразная деятельность суждения. Однако точное осознание показывает, что в основе всякого слышания того, что дано в звучании, лежит такое же непосредственное, свободное от суждения отношение к существу, от которого исходит звук, как это происходит, когда воспринимается цветное впечатление. Понимание этого факта облегчается, если представить себе, как звук страдания может заставить нас непосредственно пережить боль существа, хотя в восприятие вначале и не вмешивается какое-либо суждение или тому подобное. — Принимается во внимание, что слышимый звук не есть то един-

ственное, благодаря чему человеку открывается такая внутренняя сущность, которая являет себя в звуке речи. Также жест, мимика, физиогномическое, в конце концов, наводят на то простое, непосредственное, что точно так же должно приниматься в расчёт в области чувства речи, как и содержание слышимого звука.

У следующего чувства, которое необходимо охарактеризовать, чувственный характер скрыт в ещё более высокой степени. Если человека, сообщаящего что-либо с помощью звуков речи, жеста и так далее, понимают, то в этом понимании действуют, правда, преимущественно суждение, память и прочее. Однако даже здесь правильное осознание этого факта приводит к признанию того, что существует непосредственное восприятие, понимание, которое может предшествовать всякому обдумыванию, суждению. И лучше всего можно почувствовать этот факт, если уяснить себе, как можно понять даже то, к чему ещё вовсе не дошли со способностью суждения. То есть существует совершенно непосредственное восприятие даже того, что открывается в понятии, так что необходимо сказать о *чувстве понятия*. Переживаемое в собственной душе как понятие человек может также получить, открывая его в чужом существе. Через восприятие понятия ещё глубже погружаются в существо, в его внутреннее, чем через восприятие звука. Ощутимым способом невозможно продвинуть погружение в другое существо дальше, чем до восприятия того, что живёт в этом существе в виде понятия. Чувство понятия является тем, что проникает во внутреннейшее внешнего существа. С понятием, живущим в другом человеке, человек воспринимает то, что душевно живёт в нём самом.

Совсем иным, чем у перечисленных десяти чувств, представляется характер того чувства, которое обычно называют осязанием⁶. Оно передаёт внешнее давление, сопротивление, твёрдость и мягкость. Следует представить себе сущность того, что характеризуется как «давление». Процесс вовсе не является таким уж простым. В действительности непосредственно воспринимают не само тело, которое давит, а тот факт, что оно побуждает кожу отступить в том или другом месте, или что необходимо сделать большее или меньшее усилие, чтобы надавить на тело. Есть примечательное отличие между этим восприятием и восприятием, например, степени нагрева, которая обнаруживается в каком-либо теле. Хотя абсолютно верно, что разогревшемуся человеку холодная ванна покажется имеющей другой уровень тепла, чем замёрзшему, что, следовательно, в восприятии тепла как бы соучаствует субъективное состояние, правильным всё же остаётся то, что в тепле по-существу открывается свойство внешнего объекта. Это выявляет непосредственное отношение воспринимающего человека к тому, каков объект. Дело обстоит иначе, когда говорится, что нужно приложить большее или меньшее усилие, чтобы на теле сделать вмятину, или преодолеть сопротивление, оказываемое телом благодаря своей твёрдости или мягкости. То, о чём говорится тут, есть проекция переживания, имеющегося в собственном теле. И если даже факты скрыты, всё же верно то, что при таком восприятии словно втайне возникает *мнение*: «Я обнаруживаю сильное сопротивление, следовательно тело твёрдое». И как верно то, что, например, у чувства речи восприятие может быть вполне непосредственным без всякой деятельности суждения, так же верно и то, что в основе чувства осяза-

ния всегда лежит суждение, даже если оно и сильно скрыто. Непосредственно воспринимаемое чувством осязания всегда может быть обнаружено внутри области трёх чувств, перечисленных здесь вначале. Тело, которое давит на меня, вызывает, например, смещение положения внутри моей телесности; это воспринимается чувством жизни, или чувством собственного движения, или чувством равновесия.

Необходимо придерживаться точного различения отдельных областей чувств. У каждого чувства отношение, в которое вступает человек с внешним объектом, другое, чем у остальных органов чувств. Благодаря чувству жизни, чувству собственного движения и чувству равновесия человек погружается в собственную телесность и ощущает себя как существо внешнего мира. Благодаря чувству обоняния, чувству вкуса и чувству зрения обнаруживается телесное, поскольку оно проявляется наружу. Через чувство тепла оно обнаруживает внутреннюю сущность, однако ещё внешним образом. С помощью чувства слуха, чувства речи и чувства понятия человек воспринимает чужую, внешнюю для него, внутреннюю жизнь. Если принимают во внимание это различие в сфере чувств, то не будут пытаться слишком много говорить в общем и целом о том, чем является чувство, чувственное восприятие и так далее. Напротив, обратят внимание на особое отношение, в которое вступает человек с внешним миром благодаря каждому чувству. Немногое можно сказать тем, что, например, восприятие чувств характеризуется как впечатление, вызываемое в душе непосредственно раздражением нерва органа чувств. Через такие определения можно лишь довольно легко утратить в туманных общих представлениях отличи-

тельное свойство каждого отдельного чувства. А между тем, впечатление, переживаемое от теплового состояния какого-либо тела, совсем другого рода, чем то, которое вызывает световое впечатление. Если это не принимают во внимание, то легко соблазняются придавать гораздо большую ценность такому суждению, как например это: «Человек благодаря органам чувств воспринимает внешний мир и на основе восприятий органов чувств образует себе представления и понятия». Тут восприятие органов чувств просто помещают напротив абстрактного мышления. Таким суждением затуманивается необходимая свободная перспектива на тот факт, что, например, ощущение запаха весьма далеко отстоит от переживания понятия, но чувство слуха как чувственное восприятие уже приближается к тому, что существует во внутреннем души как такое переживание.

III. МИР, ЛЕЖАЩИЙ В ОСНОВЕ ЧУВСТВ.

В восприятиях органов чувств дана основа дальнейшей жизни души. Из совместной жизни человека с внешним миром на основании восприятия трёх первых чувств, и кроме того, запаха, вкуса, цвета, тона и так далее создаются представления, благодаря которым данное извне отражается в душе. Возникают суждения, благодаря которым человек ориентируется внутри этого внешнего мира. Образуются переживания симпатий или антипатий, в которых формируется эмоциональная жизнь; развиваются желания, страсти, стремления. Если искать отличительный признак этой внутренней жизни человеческой души, то должны направить внимание на то, как внутренняя жизнь удерживается и как бы пронизывается тем, что называют своим собственным «Я». Чувственное восприятие превращается в переживание души, когда его из области чувства поднимают в сферу «Я». Об этом факте можно получить обоснованное представление, если привлечь следующее простое рассуждение. Например, ощущают тепло какого-либо объекта. Пока прикасаются к этому объекту, между «Я» и внешним миром существует взаимоотношение. В этой взаимосвязи в «Я» образуется представление о тепловом состоянии указанного объекта. Когда от объекта удаляют руку, то в «Я» остаётся представление. Это формирует теперь внутри душевной жизни нечто реальное. Не следует упускать из виду, что представление является тем, что отделяется от чувственного переживания и продолжает жить в душе. – Внутри определённых границ человек может теперь назвать *своим миром* переживания, созданные им с по-

мощью чувств и потом продолжающие оставаться в душе.

Но кто теперь задумается о том, как этот мир проникает в его сферу, тот вынужден будет предположить этому миру другое бытие. Ибо благодаря чему этот мир может быть переживанием души; благодаря чему человек может что-либо знать о нём? Исключительно благодаря тому, что он имеет чувства. Прежде чем мир в виде чувственного восприятия предстанет перед человеком, из этого мира должны быть рождены сами эти чувства. Мир для человека был бы безмолвным, если бы человек не имел чувства слуха; мир для него не имел бы тепла, если бы человек не имел чувства тепла. Хотя это и верно, однако также ясно и другое, что в мире, в котором нечего было бы слышать, не могло бы возникнуть чувство слуха; в мире, не содержащем тепла, не сформировалось бы чувство тепла. Нужно лишь представить себе, как у существ, которые живут во тьме, не развиваются глаза; или как у существ, которые развили глаза под влиянием света, зрение приходит в упадок, если их носитель сменит пребывание в свете на пребывание во тьме. – Ничего больше не нужно, как только продумать это с полной ясностью, чтобы сказать себе, что в основе мира, который дан человеку благодаря его чувствам и с помощью которого он строит свою душевную жизнь, лежит другой мир, который делает возможным сам этот мир чувств только благодаря тому, что он позволяет из себя возникнуть чувствам. И этот мир не может спуститься в область видимого, так как он всецело должен ему предшествовать.

Так для размышления открывается перспектива на лежащий позади чувственного мира другой мир, кото-

рый сам не может быть воспринят чувственно, но из которого чувственный мир поднимается, как из моря бытия, лежащего позади него. Чувство тепла воспринимает тепло, за теплом лежит нечто, что образует чувство тепла. Глаз воспринимает благодаря свету, за светом лежит нечто, что формирует глаз. Следует различать между миром, который дан человеку благодаря чувствам, и тем, который лежит в основе этого. – Однако, может быть об этом последнем мире ничего нельзя сказать, исходя из одного только размышления? Кое-что сказать можно, если припомнить следующее. Благодаря взаимоотношению человека с внешним миром, как оно передаётся чувственным восприятием, внутри человека возникает мир представлений, мир эмоций и мир страстей. Совершенно так же можно думать об отношении к человеку другого, предполагаемого мира. Благодаря ему в человеке возникают органы чувственного восприятия. Во всём переживаемом в чувственном мире человек участвует своим «Я», в котором на основании чувственных переживаний созидает себя душевный мир. Создание чувственных органов, обязательно предшествующее всякому чувственному восприятию, должно происходить в сфере той реальности, в которую чувственное восприятие проникнуть уже не может. (Едва ли следует останавливаться на возражении, которое могло бы мимоходом прийти на ум каждому, что человек всё же мог бы наблюдать создание органов чувств в другом существе. То, что он может тут воспринимать, он ведь воспримет именно с помощью чувств. Пожалуй, можно наблюдать, как возникает молоток, не воспользовавшись при этом молотком, однако, очевидно, что нельзя наблюдать, как возникает орган чувств, не пользуясь чем-то подобным.)

Совершенно справедливо сказать о том, что органы чувств должны быть построены из некоего мира, который сам является *сверхчувственным*. А охарактеризованная сущность чувственных восприятий дает отправные точки для дальнейшего размышления об этом мире. Так как в конце концов органы чувств оказываются результатом деятельности этого мира, можно говорить о том, что эта деятельность является разносторонней. Она как бы воздействует на человека со стольких же сторон, сколько существует органов чувств. Потоки этого мира изливаются в родники, находящиеся в органах чувств, так что человек может черпать из этих родников для своей душевной жизни. И так как черпаемое из этих родников в конце концов собирается в «Я», оно должно, несмотря на то, что приходит с различных сторон, первоначально всё же вытекать из чего-то неразделённо действующего в себе. В «Я» смыкаются в некое единство различные чувственные восприятия. Они в этом единстве представляются как одно целое. — Из чувственных восприятий в душу ударяет то, чему позволяет от них оторваться внутренняя жизнь «Я». Отсюда ясно, что позади чувственного мира существует столько же сверхчувственных источников деятельности, сколько имеется органов чувств. Эти источники деятельности открываются благодаря своему *действию*, состоящему в созидании органов чувств.

Таким образом, область таких источников деятельности охватывает количество этих источников, равное количеству органов чувств. И можно сказать, что самые внешние границы этой области могут быть обозначены через «Я», с одной стороны, и через чувство осязания, с другой стороны, хотя как чувство осязания, так и «Я» в малой степени могут быть отнесены к соб-

ственной жизни чувств⁷. То, что принадлежит «Я», отделилось от восприятия чувств, следовательно, являясь всецело внутренним переживанием, оно больше не может быть причислено к восприятию чувств. Но всё же оно принадлежит к существованию *всякого* восприятия чувств, так что восприятие может становиться Я-переживанием. Значит каждый орган чувств, исходя из сверхчувственного мира, должен быть предрасположен поставлять нечто, способное стать Я-переживанием. – А чувство осязания в некоторой степени поставляет переживания противоположного рода. Высказываемое об объекте благодаря этому чувству представляет собой нечто, расположенное совсем вне человека. Следовательно, человек как целое должен быть построен, исходя из сверхчувственного мира, так, чтобы он противопоставлял себя лежащему вне его миру на основе переживания осязания.

Если проследить формирование душевной жизни человека на основе чувственных переживаний, то органы чувств окажутся в виде устойчивых точек на окружности; а «Я» явится подвижным, добывающим душевные переживания в своём разнообразном прохождении этой окружности. Это полное строение человеческого организма, поскольку оно выявляется в органах чувств, указывает на свои причины в сверхчувственном мире. Сколько областей чувств, столько же таких причин. А внутри области этих причин – единый сверхчувственный принцип, выявляющийся в организованности, направленной на Я-единство.

Дальнейшее наблюдение показывает, что сверхчувственная деятельность, проявляющаяся в строении органов чувств, творит различным образом. В трёх областях: чувства жизни, чувства собственного движения и

чувства равновесия – действие исходит изнутри человеческой телесности и проявляется вплоть до границы кожи. У чувств обоняния, вкуса, зрения, тепла и слуха этот род деятельности так же существует, однако совместно с ним действует другой, которому нужно приписать направление извне внутрь телесности. Орган слуха, например, является членом человеческого организма. Внутри этого организма должны действовать силы, которые формируют существо общей телесности соответственно этому органу. Но извне навстречу должны приходиться сверхчувственные силы, скрытые в мире звука, которые формируют этот орган именно так, что он является восприимчивым для звука. Таким образом, у пяти названных органов чувств как бы намечена встреча сил на поверхности человеческого тела: силы по направлению изнутри тела наружу действуют и формируют отдельные органы чувств согласно существованию общего организма; силы, приходящие им навстречу, действуют извне внутрь и так вчekanивают органы в тело, что они приспособляются к различным проявлениям внешнего мира. У чувства жизни, чувства собственного движения и чувства равновесия существует лишь одно из этих двух направлений, устремляющееся изнутри наружу. – Далее оказывается, что у чувства речи и чувства понятия направление изнутри наружу отпадает, и эти чувства встраиваются в человека снаружи внутрь. Для них охарактеризованная таким образом сверхчувственная деятельность проявляется так, что она в отношении их формирования подступает уже к внутренней жизни души. Поскольку «Я» теперь необходимо видеть в охарактеризованном выше роде также предрасположенным к сверхчувственным силам, занимающимся созданием чувств, можно сказать, что

в «Я» эти силы лучше всего обнаруживают свою собственную природу. Однако, в «Я» эта собственная природа словно сжалась в одну точку. Если созерцают «Я», то оно в одной точке показывает некую сущность, которая, распространившись во всей полноте, покоится в сверхчувственном мире и оттуда раскрывает себя только в своих действиях, в созидании чувств. Чувство осязания даже в этом отношении оказывается противоположностью «Я». В чувстве осязания проявляется то из сверхчувственного мира – или, если хотите, из внешнего сверхчувственного мира, что не может стать внутренним переживанием человека, но через что соответствующие внутренние переживания раскрываются.

Антропология описывает органы чувств как видимые явления. Ну а этому вполне соответствует, что она всё ещё не указывает на особые органы для чувств жизни, собственного движения и равновесия. Охарактеризованные силы, действующие изнутри наружу, формируют человека как раз как общий организм чувств, сохраняющий себя и сам себя переживающий. Органы этих трёх областей чувств некоторым образом простираются в общей телесности. Только у чувства равновесия антропология указывает на три канала полукруглой формы как на признак особого органа чувств, так как с этим чувством человек вступает в элементарное отношение с внешним миром, а именно с пространственными направлениями. Для пяти расположенных посередине чувств существуют обособленные органы, в отношении которых должно быть легко признано, что в их формировании действуют совместно различными способами извне внутрь и изнутри наружу охарактеризованные способности. (Если даже в

отношении чувства тепла у антропологии ещё существует некоторое сомнение по поводу внешнего органа чувств, то это сомнение наверняка будет снято прогрессивной наукой.) Для чувства звука* и чувства понятия внешние органы не могут быть описаны в таком же роде, как для других чувств, потому что эти органы располагаются уже там, где телесная жизнь погружается в душевное. А органу чувства осязания наука всегда придаёт большую роль, чем это должно быть в смысле вышеобозначенных рассуждений. Он действует так, что человек, соприкасаясь с объектами, в известной степени отступает в себя и замыкается во внутреннем телесном переживании перед областями внешнего мира, соответствующими этому чувству. Таким образом, в распространяющихся по всей телесной поверхности структурах, которые принимают за органы осязания, необходимо признать нечто, связанное по существу с отходом телесной поверхности от прикоснувшегося внешнего мира. Следовательно, на самом деле органы осязания являются формирующими для внутренней части человеческой телесной формы. Они дают телу форму, благодаря которой оно замыкается в себе от внешнего мира, соприкасающегося с ним со всех сторон. (В местах, где органы осязания проявляют большую чувствительность, человек к внешнему миру относится иначе, чем в местах с меньшей чувствительностью. Он словно ставит против внешнего мира один или другой заслон большей или меньшей степени. Отсюда замечают, что в определённом отношении форма тела есть результат своеобразия органов осязания в различных местах поверхности тела.)

* Здесь: чувство звука – der Lautsinn (прим. перевод.)

IV. ЖИЗНЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ ⁸

Теперь в жизнь чувств человека вляется другое. В этом другом также можно различить несколько областей. Тут, прежде всего, напрашивается мысль о процессе, благодаря которому извне поддерживается внутренняя жизнь тела, – это *дыхание*. В этом процессе телесная жизнь соприкасается с внешним миром; она выступает навстречу внешнему миру в той мере, в какой не может продолжать существование, не получая от него силу. Этими словами приблизительно выражено то, что открывается человеку в процессе дыхания, хотя и не вникает в результаты внешней науки. Последние принадлежат антропологии. А охарактеризованное здесь человек переживает непосредственно в жизни в своей жажде воздуха, при наблюдении прекращения жизни, когда не хватает воздуха, и так далее. – Следующий процесс этой области можно обозначить как *согревание*. Этим процессом человеку дано развивать для устойчивости своей телесной жизни совершенно определённую степень тепла внутри своего тела, зависящую не от тех процессов, которые определяют теплоту его окружения, а от тех, которые имеют место в его внутреннем и там удерживают собственное тепло внутри определённых границ, как бы ни формировалось внешнее тепло. – Третьим процессом такого рода является *питание*. Благодаря ему телесная жизнь вступает с внешним миром в такое отношение, что потребляемые ею вещества снова возмещаются. – К питанию, когда оно происходит, нужно присоединить четвёртый процесс. Уже во рту принятый продукт питания должен вступать во взаимодействие со слюной, выделен-

ной из тела. Такой же процесс происходит и дальше в пищеварительном тракте. Его можно обозначить четвёртым процессом этой области – это *секреция*. – Тут самосозерцание в теле показывает, что к этому процессу примыкает другой. В секреции, служащей пищеварению, выделенное способно преобразовывать продукты питания только так, что они могут быть восприняты жизнью тела. Но, кроме того, человек должен выделить то, что может вступать в эту телесную жизнь. Он должен так преобразовать питательные вещества, чтобы они могли служить для построения его тела. В основе этого лежит процесс, выходящий за пределы уже охарактеризованной секреции. Этот процесс следует назвать *процессом сохранения*. – Следующий процесс выявляется, если направить внимание на рост человека. Это превышает одно лишь сохранение. К процессу сохранения, который оставил бы тело таким, каким оно является в некий определённый момент времени, добавляется другой, который может быть обозначен как *процесс роста*. Своего завершения процесс сохранения и процесс роста достигают тем, что в человеке готовое тело представляет собой совершенно определённую форму. Это формирование человека изнутри в совершенно определённое формообразование следует назвать *порождением*. – Размножение тогда представляется как повторение этого порождения. То, что принадлежит собственному телу, порождается так, что остаётся соединённым с человеком; при размножении порождённое выступает наружу. Так как здесь речь идёт прежде всего о человеке как о телесной индивидуальности, заключённой в себе, процесс размножения во внимание не принимается.

К процессам, обозначенным здесь как дыхание, согревание, питание, секреция, процесс сохранения, процесс роста и процесс порождения, в человеке примыкают внутренние переживания подобно тому, как в «Я» внутренние переживания примыкают к процессам чувственного восприятия. К дыханию, согреванию и питанию примыкают эмоциональные переживания, которые мало замечают в их умеренных состояниях, но которые тотчас выступают, если эти состояния нарушаются в ту или иную сторону. Если дыхание не может происходить надлежащим образом, то наступает состояние страха и тому подобное. Нарушение состояния тепла возвещает о себе в ощущении озноба или жара. Нарушение питания проявляется в голоде и в жажде. Можно сказать, что с дыханием, согреванием и питанием связаны внутренние переживания, которые проявляются как род хорошего самочувствия, приятности и так далее. Эти переживания существуют тут всегда; они лежат в основе того, что при каком-либо нарушении проявляет себя во всей полноте в виде недомогания, плохого самочувствия, голода и так далее. — Однако истинное осознание показывает, что подобные эмоциональные переживания тесно связаны также с секрецией, процессом сохранения, процессом роста и порождения. Следует вспомнить о том, как состояния ужаса и страха проявляются в чрезмерном выделении пота; и можно также согласиться, что выделение такого рода, протекающее в соответствующих границах, тесно связано с некой эмоцией, которая выражается в общей приятности, равно как можно признать, что всякое выделение сопровождается каким-либо состоянием эмоции, которое уклоняется от внимания сознания до тех пор, пока оно протекает нормально. — А дальнейшее

осознание показывает, что подобные эмоциональные переживания тесно связаны также с процессом сохранения, процессом роста и порождения. Можно, например, ощутить, что эмоция энергии юности является выражением того, что во внутренних переживаниях примыкает к росту.

Эти внутренние эмоциональные переживания являются чем-то таким, что в человеке противостоит процессам дыхания, согревания, роста и т.д. подобно тому, как внутренние переживания, примыкающие в «Я» к чувственным восприятиям, противостоят процессам этих восприятий. Отсюда можно говорить о том, что подобно тому как, например, дыхание в человеке тесно связано с переживанием, также и слух тесно связан с переживанием, которое характеризуется как тон. Только степень отчётливости, с которой внутренне переживаются внешние чувственные восприятия, гораздо выше, чем степень, соответствующая вышеуказанным внутренним переживаниям. В определённой мере под «Я-человеком» или в «Я-человеке» таится другой, создающий себя из внутренних переживаний, равно как Я-человек созидает себя из переживаний внешних чувственных восприятий. Но этого человека, расположенного под «Я-человеком», по-настоящему замечают в жизни лишь тогда, когда нарушением своих переживаний он заявляет о себе в Я-человеке. Однако, как нельзя смешивать процесс чувственного восприятия с отделившимся от него процессом в «Я», так же нельзя это делать в отношении, например, процесса дыхания и внутренних переживаний (эмоциональной природы), смыкающихся с этим процессом. Довольно соблазнительно было бы вовсе не признавать своеобразия этих внутренних процессов и сказать, что между ними и те-

ми, которые развиваются под влиянием чувственных восприятий, вообще нет существенного различия. Необходимо признать теперь, что различие между обоими видами внутренних переживаний не имеет никакой особой отчётливости, например, для чувства жизни и для внутреннего эмоционального переживания у процесса дыхания или процесса согревания. Однако благодаря более точному наблюдению оно должно быть легко обнаружено, если фиксируют следующее. Чувственному переживанию требуется, чтобы суждение могло к нему присоединиться только через «Я». Всё, что человек осуществляет под влиянием суждения, если это относится к чувственным восприятиям, должно происходить так, что суждение выносится внутри «Я». Например, воспринимают цветок и выносят суждение: этот цветок прекрасен; в таком случае между чувственным восприятием и суждением вдвигается «Я». Ну а то, что вызывается во внутренних переживаниях процессами дыхания, согревания, питания и так далее, это само по себе, без вмешательства «Я», указывает на некое подобие суждения. В переживании голода непосредственно лежит указание на что-либо, соответствующее голоду, и оно связано с ним так, как человек связывает с чувственным восприятием то, что возникает после вынесения суждения в ответ на это чувственное восприятие. Как во время суждения деятельность «Я» соединяет нечто с чувственным восприятием, так вид чего-то внешнего оказывается соединённым с голодом, хотя «Я» этого соединения и не организует. Поэтому это соединение может быть названо обнаруживающим себя инстинктивно. И подобное имеет место для всех внутренних переживаний, которые тесно связаны с процессами дыхания, питания и роста. Поэтому

необходимо различать между удовольствием дыхания, хорошим тепловым самочувствием, поскольку они являются внутренними инстинктивными процессами, и между соответствующими им восприятиями чувства жизни. Чтобы достичь области чувства жизни, волна инстинктивного должна до некоторой степени сперва пробиться к «Я-человеку». – Так структура внутренних переживаний, которые посредством указанных процессов разыгрываются позади «Я-человека», должна быть приписана «астральному человеку». Снова с названием «астральный человек» в настоящий момент не должно быть связано ничего другого, кроме того, что здесь указано. И как «Я-человек» берёт из «чувственного мира» свои переживания благодаря органам чувств, так и «астральный человек» – из мира, который дан ему благодаря процессам дыхания, роста и так далее. Этот мир следует пока назвать «жизненным миром».

Но чтобы «жизненный мир» мог быть дан, жизненные органы, вероятно, должны быть построены исходя из мира, располагающегося выше всякой жизни подобно тому, как силы для созидания органов чувств располагаются за пределами видимого мира. Этот мир вновь обнаруживает себя своими воздействиями – построением жизненных органов. Отдельные области жизненных процессов – дыхание, согревание, питание и так далее – могут быть обозначены как указание на столь же многие области этого мира. – Можно лишь заметить, что области жизненных процессов менее строго разделены друг с другом, чем области чувственных восприятий. Область чувства вкуса, например, строго отделена от чувства зрения; области жизненных процессов располагаются ближе: они больше переходят друг в друга. Дыхание переходит в согревание, послед-

нее – в питание. – Отсюда антропология для чувственных восприятий показывает по существу разъединённые органы чувств; для жизненных процессов она показывает органы, которые сливаются. Так лёгкое – самый главный орган дыхания – тесно связано с органами движения крови, которые служат нагреванию; эти в свою очередь сливаются с органами пищеварения, соответствующими питанию, и т.д. – Это является указанием на то, что соответствующие области того мира, в котором находятся силы, созидающие жизненные органы, также стоят друг к другу в ином отношении, чем силы для построения органов чувств. Первые по отношению друг к другу должны быть до некоторой степени подвижнее последних. Например, переживания чувства вкуса могут встречаться с переживаниями чувства слуха лишь в общем «Я», которому они принадлежат. Зато ощущение роста уже само по себе встречается с тем, которое проявляется в процессе дыхания. Ощущение энергии роста обнаруживается в приятности дыхания, согревания и так далее, благодаря усиленной внутренней жизни. Каждое эмоциональное переживание этого рода может совпадать с другим того же рода. Области же чувственных восприятий оказались такими, что для них можно было бы использовать образ окружности, на которой пребывают покоясь отдельные области, между тем как «Я» движется над всеми. Для жизненных процессов из сказанного проистекает другой символ. Их можно представить так, что все они являются подвижными и каждый может пробегать над каждым.

Однако, между чувственными восприятиями и жизненными процессами существуют также чёткие отношения. Возьмите процесс дыхания и соотнесите его с

восприятием слуха. В обоих случаях внешнему миру противопоставляется соответствующий телесный орган. Это указывает на то, что во внешнем мире проявляется нечто, имеющее отношение и к одному и к другому органу. Вот только выясняется, что в воздухе, например, проявляется двоякое: первое относится к формированию органа дыхания, который поставлен на службу телу; второе касается построения органа слуха. Можно признать, что силы, формирующие орган слуха, должны быть изначальнее, чем образующие орган дыхания. Ибо в сформированном человеческом теле всё находится в обоюдной зависимости. Человеческий орган слуха может развиваться изнутри наружу только тогда, когда орган дыхания имеет именно такую склонность, которая как раз и обнаруживается. Из организма навстречу внешнему миру развивается орган дыхания и орган слуха тоже. Так вот орган дыхания служит только внутренней телесной жизни, а орган слуха должен быть приспособлен к внешнему миру, к области звука. Следовательно, в вырастании органа дыхания из тела стоит обращать внимание только на свойство самого тела; орган слуха должен вырастать так, чтобы соответствовать внешнему звуковому миру. Нет необходимости ни в чём другом, предшествующем закладке органа дыхания: он развивается в соответствии с внутренними формирующими силами. Однако орган слуха должен прорасти навстречу уже существующему зачатку. Его приспособление к внешнему миру должно предшествовать его вырастанию из внутренней телесной жизни. — Этим обнаруживается, что силы, формирующие орган слуха в орган восприятия, принадлежат миру, предшествующему и более высокому по отношению к другому, в котором находятся

силы, обнаруживающиеся как таковые и формирующие из тела, как орган слуха, так и орган дыхания. – Подобное может быть показано также на других чувственных восприятиях и жизненных процессах. Обратите внимание на чувство вкуса. По отношению к нему секреция может быть поставлена в подобное же отношение, как и процесс дыхания к чувству слуха. В слюне рта содержится то, что растворяет продукты питания и делает их благодаря этому ощутимыми на вкус. Размышление, подобное представленному, может выявить более позднее возникновение сил, формирующих органы секреции, по сравнению с силами, благодаря которым возникает чувство вкуса.

Следовательно в человеке можно воспринять в смысле таких размышлений сверхчувственное высокое существо, силы которого, например своими воздействиями, обнаруживают себя в созидании человеческих органов чувств. Аналогично можно воспринять другое существо, воздействия которого проявляются при строительстве человеческих жизненных органов. Последний мир ощущает «астральный человек» как свои инстинктивные внутренние переживания; первый – известен «Я – человеку» как видимая реальность (чувственный мир). Однако нельзя прийти непосредственно к откровению ни первого мира через органы чувств, ни второго в астральном человеке.

Было сказано, что в «Я» сверхчувственный мир проявляется в его своеобразии как бы сжатым в одной точке; именно в этом же смысле можно признать, что второй из указанных миров проявляется в эмоциональных переживаниях «астрального человека», которые можно обозначить как жизненные инстинкты. В этих переживаниях обнаруживается нечто, с чем сливаются

в одно другие инстинктивные переживания «астрального человека» и являют образ сверхчувственного мира в том же смысле, в каком образ подобного же мира представляет Я-человек.

«Я-человек» и «астральный человек» представляют собой две части человеческого существа, изживающие себя во внутренних процессах. Чтобы осуществить «Я-человека», силы сверхчувственного мира строят органы чувств. Итак, поскольку человеческое тело является носителем органов чувств, оно оказывается построенным исходя из сверхчувственного мира. Теперь этот носитель органов чувств следует назвать *физическим телом человека*. «Я-человек» пронизывает его, чтобы с его помощью жить в чувственном мире. Согласно этому в физическом теле человека необходимо видеть некое существо, которое построено силами, по своей самобытности родственными самому «Я». Внутри чувственного мира физическое тело человека может показываться только в своём видимом проявлении. В соответствии со своей внутренней реальностью оно является существом сверхчувственного рода. – Чтобы мог осуществиться «астральный человек», другой мир, присоединяющийся как «жизненный мир» к охарактеризованному сверхчувственному миру, строит жизненные органы. Силы этого мира оказались родственными тем из переживаний, которые «астральный человек» имеет в жизненных инстинктах. То, что строит физического человека, обнаруживает себя в указанном выше смысле в чувственном мире. Те силы, которые строят жизненные органы, могут обнаруживаться в физическом мире только в жизненных процессах. Ибо они создают жизненные органы и только через таковые может проявляться жизненный процесс. Сами жизнен-

ные органы не являются органами восприятия. Отсюда не только силы, строящие жизненные органы, остаются чувственно не воспринимаемыми, но и проявление этих сил в самом человеке не может стать видимым, а может быть только эмоциональным инстинктивным переживанием. Это проявление должно быть названо теперь *«эфирным телом человека»*. (Под «эфирным» необходимо подразумевать только упомянутое здесь, но отнюдь не то, что в физике имеет название «эфир».) Как физическое тело человека относится к «Я-человеку», так и «эфирное тело человека» относится к «астральному человеку». – Физическое тело по своей сути устроено так, что оно передаёт «Я» чувственные переживания; «эфирное тело» может быть переживаемо «астральным человеком» непосредственно только эмоционально. Должно быть такое соотношение: «Я» к физическому телу человека относится так же, как «астральный человек» – к «эфирному телу человека». – Так жизненные процессы предполагают наличие сил, которым они сами не служат, но к которым приспособляются, формируя, исходя из тела в смысле переживаний, органы чувств, например орган слуха; а органы чувств, наоборот, предполагают жизненные органы, сохраняясь благодаря их процессам.

Итак, можно различать: 1. Сверхчувственный мир, в котором располагаются силы для созидания органов чувств. 2. Сверхчувственный мир, в котором находятся силы для созидания жизненных органов. Этот мир предполагает первый; отсюда первый мир может быть назван высшим духовным миром, а последний – низшим духовным миром. 3. Мир, в котором астральный человек находится в таком отношении к жизненным процессам, что последние проявляются в нём в виде

жизненных инстинктов. Жизненные инстинкты предполагают жизненные процессы, следовательно, второй мир. Этот третий мир следует назвать астральным миром. 4. Мир, в котором благодаря органам чувств проявляются чувственные переживания «Я-человека». Этот мир является физически-чувственным миром.

Из высшего духовного мира образовано физическое тело человека, поскольку оно является носителем органов чувств. Из низшего духовного мира сформировано эфирное тело человека, поскольку оно вновь выстраивает жизненные органы. В астральном мире астральный человек вступает в отношение с жизненными процессами, так как они проявляются в жизненных инстинктах. В физическом мире «Я» человека вступает в отношение с чувственными переживаниями, представляющими собой внешний мир (звук, тон, тепло, свет и т.п.), поскольку чувственные переживания обнаруживаются как чувственный мир.

V. ПРОЦЕССЫ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ВНУТРЕННЕМ.

В вышеизложенном «астральный человек» был рассмотрен лишь со стороны его эмоциональных переживаний как способа отражения процессов, происходящих в жизненных органах. Однако эти переживания не являются тем единственным, что свойственно ему. К этим переживаниям прежде всего примыкает *способность движения* человека. Своё тело человек передвигает не только по требованию побуждений, разыгрывающихся на основании жизненных процессов. Импульсы к движению заключены во внутренней жизни и в случае её независимости от жизненных процессов. Однако осознание этого показывает, что эти импульсы отнюдь не всегда должны следовать побуждениям «Я-человека»; начинаются они как инстинктивные переживания и этим принадлежат той же области, что и инстинктивные переживания, смыкающиеся с жизненными процессами, то есть принадлежат «астральному человеку». — Затем предстают как такие переживания «астрального человека» те, которые можно обозначить как инстинктивные *желания (вожделения)*. Желания возникают на основе чувственных восприятий. Однако самоосознание в отношении чувственных восприятий показывает следующее. Чувственное восприятие, когда оно воспринято «Я-человеком», прежде всего ведёт к суждению. Это суждение, если оно ведёт к желанию, действует затем на «астрального человека». В «Я-человеке» образуется переживание: чувственное восприятие является весьма ценным; к нему пробуждается интерес. Если интерес должен теперь превратиться в желание, то суждение должно быть захвачено импуль-

сом «астрального человека». Кроме того, желания образуются на основе переживаний, связанных с жизненными процессами. Однако эмоциональные переживания, указанные выше, ещё не являются желаниями. Переживание голода ещё не есть желание. Оно в форме, подобной суждению, только указывает на жизненный процесс. Желание – это самостоятельное переживание, которое «астральный человек» присоединяет к ощущению голода. Наряду с этим существуют желания, коренящиеся в «астральном человеке», не стимулированные жизненными процессами или внешними восприятиями. Некоторые склонности (стремления) принадлежат к области, выросшей из таких желаний. – Третий род самостоятельных переживаний астрального человека выявляется, если обдумать, как между процессом восприятия органов чувств и переживанием «Я-человека» включается ещё кое-что. Это есть «образ», возникающий в ходе взаимодействия между переживанием чувств и «Я» на основе первого. Переживание чувств преходяще. Оно продолжается до тех пор, пока орган чувств направлен на объект. «Образ» остаётся. Но этот «образ» ещё не принадлежит суждению, самой деятельности «Я». И всё же судить можно только на основе этого «образа». В «образе» содержится переживание «астрального человека», а не «Я-человека». Этот «образ» можно назвать также *ощущением*, если это слово отнести не к самому чувственному переживанию, а к его содержанию. *Ощущения* в этом смысле являются третьим родом самостоятельных переживаний «астрального человека». – Как для физического человека говорят об органах чувств, для «эфирного человека» о жизненных органах, так для «астрального человека» следует говорить об импульсах движения, о же-

ланиях и об ощущениях. Органы для этих переживаний не могут происходить из самого «астрального человека», так как «астральный человек» должен сперва их иметь, прежде чем он сможет переживать. Эти органы должны быть образованы из мира, расположенного вне «астрального человека». Но так как «астральный человек» в ощущении, желании и движении имеет такие переживания, импульс которых коренится в нём самом, и он до некоторой степени является наблюдателем того, что должно разворачиваться в нём самом, то и силы, образующие соответствующие органы, могут происходить только из сферы, из которой происходит весь «астральный человек». Сообразно с этим должен быть предпологаем мир, который хотя и располагается вне «астрального человека», но однако сущностно подобен ему. – Какого рода этот мир, может также открыться тут из того переживания «астрального человека», которое является наивнутреннейшим. Таковым можно признать переживание «ощущений» или «ощущений образа» – в вышеназванном смысле. В желаниях и в импульсах движения, напротив, имеют кое-что, выводящее за внутреннее переживание. И желания, и импульсы движения наверняка возбуждены из мира, подобного миру образов «астрального человека», при построении которых он присутствует как «астральный человек». – Теперь можно различать между «астральным человеком», как он переживает самого себя в «образах», в желаниях и в импульсах движения, и «астральным человеком», который является откровением мира, расположенного вне импульса движения и желания. Этот «астральный человек» в отличие от первого должен быть назван «астральное тело» человека. Оно так же мало может быть воспринято чувственно, как и

«эфирное тело», потому что оно создало не органы для физического восприятия, а только подобные в ощущении, желании и импульсе движения. Относительно импульса движения и желания ясно и так, что никакое видимое восприятие они не могут передать; однако признать это следует даже в отношении ощущения, поскольку оно одинакового рода с силами, создающими «астральное тело». Впрочем, даже образ, возникающий благодаря чувственному переживанию, отделяется от этого переживания и остаётся в качестве содержания «астрального человека». Такими же, как и отдельный «образ» (не такими, как чувственное переживание), должны мыслиться силы, создающие органы «астрального человека». Разумеется, пока этот «образ» представляют так, как будто его содержание пришло из чувственного переживания, нельзя также правильно представить себе силы, из которых образовано «астральное тело». Ибо для возникновения *такого* образа необходим орган чувств. Здесь же следует думать об образе подобного рода, но другого происхождения. Образом такого рода является образ фантазии. Пока образ фантазии происходит из одного лишь личного произвола «Я-человека», его, естественно, нельзя принимать во внимание для характеристики названного мира. Он должен происходить из *реальности*, лежащей вне «Я-человека», а также вне «астрального человека». – Принимая во внимание всё сказанное, можно составить себе представление о том, как должно было создаваться «астральное тело». В соответствии с выявленными указаниями, оно является телом образов, коренящимся в реальности и возбуждающим из себя силы желания и движения.

В областях, соответствующих переживаниям чувств, было дано образное представление в виде окружности, по которой распределены отдельные силы, проявляющиеся в органах чувств как их действия. В областях, соответствующих жизненным процессам, образ мог быть выбран так, что отдельные соответствующие силы движутся друг над другом. *Следует* сказать «движутся друг над другом», так как отдельные процессы *не проникают друг в друга*. Дыхание, например, приближается к процессу сохранения, потому что через последний должен непрерывно воссоздаваться орган дыхания. Но тем, что орган дыхания испытывает такое влияние процесса сохранения, сам процесс дыхания остаётся неизменным. Оба процесса – дыхания и сохранения – действуют, таким образом, минуя друг друга. – У процессов движения, желания и «ощущения образа» это происходит по-другому. Эти три процесса действуют следующим способом. Ощущения образов действительно проявляют себя в желаниях, желания продолжают жить в импульсах движения. Отсюда будет справедливо сказать: когда ощущение образа встретится с силой желания, тогда первое проникает в последнее, и содержание ощущения-образа продолжает жить в желании. Таким же образом в движении желание живёт вместе с ощущением образа дальше. Итак, силы того мира, из которого образовано астральное тело, можно наглядно показать, мысля их как три формации сил: формация, соответствующая ощущению образа, влияющая на формацию, изливающую желания, и формация для движения, в которой продолжают жить воздействия обеих первых формаций.

Теперь легко признать, что мир, о котором здесь сказано, что из него происходит «астральное тело», ра-

вен охарактеризованному в предыдущей главе «астральному миру». Разве только жизненные процессы должны вначале переместиться в жизненные инстинкты, чтобы быть импульсами в «астральном человеке». Таким образом, жизненные инстинкты, ощущения образов, желания и импульсы движения принадлежат «астральному человеку», поскольку этот «астральный человек» уже предполагает низший духовный мир, а сам происходит из астрального мира.

VI. Я-ПЕРЕЖИВАНИЕ.

В переживании человеком самого «Я» нет ничего, что возбуждено чувственным процессом. Напротив, «Я» воспринимает результаты чувственных процессов в свои собственные переживания и из них создаёт себе структуру своего внутреннего, непосредственного «Я-человека». Таким образом, этот «Я-человек» целиком состоит из переживаний, имеющих своё происхождение вне «Я» и всё же продолжающих существовать в «Я» согласно соответствующим чувственным переживаниям. Стало быть, они могут быть преобразованы в Я-переживания. Представление о том, как это происходит, можно получить, если рассмотреть переживания так называемого чувства осязания. При чувстве осязания в Я-переживания ничего не входит от предмета внешнего мира. «Я» до некоторой степени излучает своё собственное существо до места соприкосновения с внешним объектом и затем по мере прикосновения заставляет это собственное существо вернуться в себя. Отражающееся собственное существо образует содержание восприятия осязания. Почему «Я» не сразу осознаёт восприятие осязания как собственное содержание? Потому что это содержание получило контрудар с другой стороны, извне, и теперь возвращается таким, каким отчеканил его этот удар внешнего мира. Итак, Я-содержание возвращается с отгиском, полученным извне. Таким образом «Я» воспринимает некоторую особенность внешнего мира как свойство своего содержания. Убедиться в том, что это действительно внутреннее Я-переживания, которые лишь восприняли в свою форму особенность внешнего мира, можно только че-

рез суждение. – Теперь допустим, что переживание «Я» могло бы не дойти до соприкосновения с внешним объектом. Тот излучает свою сущность, и Я-переживание должно отразиться до момента соприкосновения. Тогда внутри «Я» должно возникнуть переживание, подобное переживанию осязания; только благодаря более слабому сопротивлению «Я» в процесс его переживания вступает нечто, например проникновение внешнего. Процесс обоняния действительно может быть охарактеризован как такой процесс. – Если же удар извне так силён, что внешнее излучение вгрызается в процесс переживания «Я», тогда извне произойдёт проникновение, и если только внутренний процесс переживания оказывает некоторым образом сопротивление, он может и замкнуться от своеобразия внешнего мира. Но в том случае, когда процесс Я-переживания воспринял в себя извне поток, он теперь несёт его в себе как собственную внутреннюю сущность. В таком роде можно охарактеризовать чувство вкуса. – Но вот если «Я» несёт навстречу внешнему бытию не свой собственный изначальный поток переживания, а такое существо, которое само «Я» восприняло снаружи, в этом случае внутреннему переживанию может быть напечатлено извне некое свойство, которое извне само первоначально было внесено во внутреннее. Тогда во внутреннем переживании, которое само сперва переместилось внутрь из внешнего мира, запечатлевается внешний мир. Таким представляется чувство зрения. В связи с ним происходит так, как если бы внешний мир должен был совершить это с самим собой внутри Я-переживания. Как если бы он сначала послал в человека некий элемент своего существа, чтобы потом этому элементу напечатлеть свою

особенность. – Теперь допустим далее, что внешний мир словно целиком заполняет процесс Я-переживания тем, что он послал во внутреннее с помощью органа чувств; тогда внутреннее продолжает переживать в чувственном восприятии характерное свойство внешнего, несмотря на то, что внутреннее переживание и внешний мир противостоят друг другу. И проникновение со стороны внешнего мира затем обнаружится как нечто однородное с внутренним. «Я» переживает внешнее и внутреннее как однородное. Так происходит в чувстве тепла. – Теперь сравним переживание чувства тепла с жизненным процессом согревания. Впечатление тепла следует признать чем-то подобным теплу, пережитому в самом внутреннем и заполняющему это внутреннее.

У чувств обоняния, вкуса и зрения можно говорить о некоем проникновении внешнего мира в Я-переживания. Через чувство тепла внутренняя жизнь наполняется своеобразием внешнего мира. У чувств равновесия, собственного движения и жизни возвещает о себе чувственное восприятие изнутри. Через них «Я» переживает своё внутреннее физическое осуществление.

У чувства слуха имеет место другое. Тут внешнее существо позволяет Я-переживаниям подходить к себе уже не так, как, например, у чувства осязания. Внешнее существо не внедряется внутрь Я-переживаний, как у чувств обоняния, вкуса и зрения, а словно бы озаряется Я-переживаниями, оно позволяет им приблизиться к себе. И только тогда оно противопоставляет им собственные силы. «Я» благодаря этому должно пережить нечто подобное расширению себя во внешний мир, а именно перемещение этого Я-переживания наружу.

Такое соотношение можно признать у чувства слуха. (Кто сопоставляет не абстрактно, тот не будет возражать, что, например, подобное расширение себя имеет место также у чувства зрения. Восприятие тона существенно отличается от зрительного восприятия. В цвете Я-переживание как таковое содержится в ином смысле, чем в тоне.) В ещё более высокой мере это расширение Я-переживания в окружающий мир дано в чувстве звука и в чувстве понятия.

VII. МИР, ЛЕЖАЩИЙ В ОСНОВЕ ОРГАНОВ ЧУВСТВ.

Чтобы охарактеризовать астрального человека, следует указать на триаду: ощущение-образ, желание и импульс движения. «Я-человек», насколько он переживает себя непосредственно в процессах своих чувств, проявляет себя как единство. Все чувственные переживания, как показывают предшествующие рассмотрения, являются лишь различными модифицированными или разделёнными на категории Я-переживаниями. Человек в процессе переживания самого «Я» находится в непосредственном отношении со сверхчувственным миром. Другие Я-переживания ему сообщаются посредством органов. И в многообразии чувственных областей с помощью органов обнаруживаются Я-переживания. – На примере двух органов – чувства понятия и чувства звука – можно теперь до известной степени легко проследить развитие чувственной способности. В процессе восприятия какого-либо понятия оказывается, что это новое понятие воспринимается понятием, приобретённым человеком в предшествующей жизни. Человек оказывается смыслённым в отношении понятия, которое подошло к нему, в той мере, в какой он прежде воспринимал то или иное понятие. Итак, процесс узнавания понятия заключается в раскрытии человеком себя и в погружении воспринятого в структуру уже имеющегося понятийного организма. Развивающаяся тут жизнь распускается вовне, а коренится в понятийном организме. – Подобное имеет место и для чувства звука. Человек открывается новому звуковому значению по мере того, как он уже усвоил другие значения. Человек действительно несёт в себе понятийный и звуко-

вой организмы. Прежде чем могут развернуться Я-переживания благодаря понятийному и звуковому организмам, оба уже должны существовать. Я-человек не может влиять на построение этих звукового и понятийного организмов посредством сил, заложенных в жизни чувств. И необходимо ещё третье. Свой процесс переживания «Я» развивает до некоторой степени во все стороны. В этом процессе переживания оно не может переживать само себя. Его собственное переживание должно противиться самопереживанию. Самому себе оно противопоставляет ощущение себя. Видно: Я-ощущение, переживания чувств понятия и звука приносятся навстречу «Я» через три организма. К двум другим можно причислить ещё организм «Я». Если придерживаться избранного выше образа, то можно сказать, что Я-переживание развивается всесторонне; на одной стороне оно коренится в равном ему сверхчувственном мире и устремляется в организм понятия и в организм звука так, что его собственное переживание развивается ему навстречу, как если бы оно приводило к развёртыванию, подобно цветку, организм «Я», организм понятия и организм звука. – Если теперь представить себе человека существом чувственного мира, к которому присоединено указанное направление, то следует думать о противоположности сверху и снизу. «Сверху-вниз» – это одно направление, по которому разворачивается Я-переживание; «снизу-вверх» этому развёртыванию противопоставляет себя Я-организм, навстречу которому прорастает Я-переживание. Как у растения листья присоединяются с помощью черенка листа, распускаясь снизу вверх, так сверху вниз образования организмов понятия и звука присоединяются к организму «Я». – Теперь после вышеупомянутого справедливо сказать: если изначальное Я-пережи-

вание развивается из сверхчувственного мира, то для образования организмов «Я», понятия и звука можно принять, что в их осуществлении работают силы, имеющие одинаковый материал, находящийся в Я-переживании. Только используют они этот материал для строительства в тех образованиях, которые должны уже присутствовать тут, когда чувственно воспринимается Я-переживание. Отсюда сразу вытекает, что Я-переживание человека происходит из сверхчувственного мира, но его можно воспринимать только при условии укоренения в организме, являющемся по своему устройству организмом «Я», организмом понятия и организмом звука. Можно даже сказать – один организм, развивающийся в эти свои три органа чувств. – В дополнение к этому следует учесть данное выше описание астрального тела. На его сущность указывают ощущение-образ, желание и импульс движения астрального человека. Теперь можно легко согласиться, что в Я-организме дан ощущение-образ, возникший не через чувственное переживание. Ибо Я-организм – это ведь само Я-переживание, противопоставленное себе в противоположном направлении. В организме понятия можно обнаружить силы, раскрывающиеся как желание во внутреннем человеке – в астральном человеке. При точном осознании легко заметить в притяжении, которое имеет этот организм понятия для вновь приходящего понятия, желание этого организма понятия. Подобное же справедливо для организма звука. Он развивает это желание для новых значений. Отсюда в осуществлении организмов «Я», понятия и звука можно познавать деятельность «астрального тела».

Допустим, существо, переживающее «Я» не во внутреннем, как например человек, а наблюдающее его снаружи, могло бы проследить возникновение Я-орга-

низма, организма звука и организма понятия. Вероятно, такое существо воспринимает сам процесс Я-переживания так, что оно не позволяет войти в себя ничему от этого процесса переживания «Я», но только доходит до границы и на этой границе отражает реально существующее «Я» в реально существующее «Я». Видно, что этим дана противоположность так называемому чувству осязания. В чувстве осязания касаются внешнего мира и ничего от его сущности не принимают. Так и в отношении вымышленного существа к «Я». Однако, в то время как в чувстве осязания «Я» через прикосновение возбуждает только свои собственные переживания, следовательно, переживает только своё собственное содержание, то предположенное существо вдвигает в Я-переживания собственное содержание, так что это содержание внутри Я-переживаний превращается в Я-восприятие. Итак, если «Я» воспринимает само себя, то происходит это вследствие его деятельности, которая одинакова по содержанию с его собственным переживанием и отличается от собственного переживания только тем, что она показывает ему его собственное существо снаружи, в то время как «Я» может переживать это существо лишь в самом себе. – У чувства понятия то вымышленное существо при соприкосновении с «Я» теперь не только отражает переживание понятий, но и отодвигает их назад в процесс Я-переживания, так что они тут формируются в структуру понятийного организма. К этим понятийным переживаниям ничего не нужно добавлять, а нужно только сохранять их внутри процесса переживания понятий. – Однако у организма звука сохранения было бы недостаточно. К понятию необходимо кое-что присоединить, если оно должно стать звуком. Гипотетически вымышленное существо долж-

но было бы переправить кое-что от своего собственного содержания в процесс Я-переживания. – Обзор указанных отношений показывает, что в организм «Я» извне отражается только собственное существо «Я»; в организме понятий собственное Я-переживание в другом виде может направляться назад само в себя через внешнее; тогда как в организме звука в процесс Я-переживания переливается кое-что из самой сущности внешнего мира. То вымышленное внешнее существо должно было бы воспринять образование Я-организма как перевёрнутое переживание осязания. А формирование организма понятия оно должно было бы ощутить, как человек ощущает свои собственные жизненные процессы благодаря чувству жизни. Различие существовало бы только в том, что в чувстве жизни ощущают внутреннюю структуру; а то вымышленное существо своим соответствующим чувством должно было бы ощутить тот способ, каким это встраивается в Я-переживание человека. В таком случае в чувстве звука имеет место вливание извне. Если бы это должно было пережить вымышленное внешнее существо, то это произошло бы через перевёрнутое чувство собственного движения. Через чувство собственного движения человек воспринимает собственные движения; через переворачивание чувства собственного движения то существо ощутило бы продвижение собственной реальности в процесс Я-переживания. Оно пережило бы *себя* в исполнении внешнего движения Я-человека.

Так собственные жизненные процессы в человеке должны лежать в основе чувства жизни. Жизненные процессы, как было показано, можно разделить следующим образом: дыхание, согревание, питание, выделение, сохранение, рост и порождение. Теперь процесс при образовании органа понятия, в самом деле, можно

представить себе как порождение, направленное снаружи внутрь, а образование организма звука как вращение в Я-переживание некой части вымышленного внешнего существа. Только необходимо представить себе, что сами Я-переживания используются как материал для этого порождения и роста.

Теперь через расширение принятого способа рассмотрения можно также *объяснить* и другие чувственные переживания относительно того, что за ними стоит. – Для чувства слуха переживание представляется так, что тон указывает на внешний объект, а сам орган слуха – на деятельность, благодаря которой он образован подобно тому, как организм понятия образован с помощью перевёрнутого чувства жизни, а организм звука – через перевёрнутое чувство собственного движения. Теперь допустим, что в своём перевёрнутом бытии обнаруживается чувство равновесия. Оно вместо того, чтобы способствовать в человеке процессу поддержания равновесия по отношению к трём внешним направлениям пространства, своим переворотом создало бы направленное внутрь некоего другого существа сопротивление по отношению к трём направлениям пространства. Если же предполагаемое выше внешнее существо по отношению к человеку действительно установило себя так, что излило бы в него свою собственную природу и внутри него привело бы к сопротивлению по отношению к трём пространственным направлениям, тогда оно могло бы действовать таким образом: сущность, излитая во внутреннее Я-переживания, воспринимается как внутреннее переживание, но деятельность перевёрнутого чувства равновесия не ощущается, а действует подобно силе, формирующей перевёрнутым чувством жизни организм понятия и перевёрнутым чувством собственного движения – орга-

низм звука. Перевёрнутое чувство равновесия в таком случае действует органообразующе в устройстве слуха. Так тон указывает на внутреннее внешнего, которое вливается в Я-переживание; орган слуха указывает на перевёрнутое чувство равновесия, которое в человеке собрало и органически включило образы его собственного существа подобно тому, как, например, перевёрнутое чувство жизни собирает и присоединяет переживания понятий. Если затем предполагаемое внешнее существо согласно его природе действительно воспринимается как тон, который внедрён перевёрнутым чувством равновесия, то можно также представить, что в основе возникновения устройства слуха лежит процесс, который делает орган способным воспринять внешнее существо согласно его собственному содержанию, вливающемуся во время контакта с человеком в качестве тона в Я-переживание, тогда как перевёрнутое чувство равновесия представляет деятельность, которая лежит в основе тона и которая навстречу переживанию тона сформировала, исходя из организма, устройство слуха.

Чтобы объяснить чувство тепла, следует представить себе переворачивание переживания обоняния. В чувстве обоняния в человека проникает внешнее вещество, а переживание обоняния – это непосредственное взаимоотношение с веществом. Переворот имел бы место, если бы предполагаемое внешнее существо состояло из содержания ощущения тепла и было бы пронизано деятельностью, вступающей с человеком в непосредственную взаимосвязь. Тогда позади содержания ощущения тепла находилась бы деятельность, формирующая зачаток тепла. Характер её таков, что ею изливается тепло, как пахнущим веществом – запахом. – Как запах распространяется во внешний мир во все

стороны, так и ту деятельность следует представить устремляющейся во все стороны из человека и в этом устремлении развёртывающей органообразующую силу для чувства тепла. И как чувством обоняния проявляется внешнее вещество, так и этой деятельностью должно обнаруживаться внутреннее человека. Такое обнаружение имело бы место, если бы в основе деятельности, стремящейся наружу, лежал бы некий род жизненного процесса, то есть, если бы эта деятельность наполняла человека своей собственной сущностью. С этим в основе чувства тепла лежит некий род питания человека веществом, которое обнаруживается в соответствии со своим содержанием в переживании чувства тепла.

Для разъяснения чувства зрения нужно представить переворачивание переживаний вкуса. Если бы через внешнюю деятельность существа, гипотетически принятого выше, осуществлялся орган зрения так, что, например, цвет наполнял бы это существо, но при этом он был бы всецело пронизан деятельностью, представляющей собой перевернутый вкус, то эту излучающую вкусовую деятельность можно было бы помыслить как органообразующую силу чувства зрения. Дело, пожалуй, обстоит так, что действие внешнего вещества ощущают не как при переживании вкуса, а таким образом, что то существо изливает лучащийся вкус навстречу самому себе из человеческого внутреннего. Как у вкуса происходит изменение вещества, осуществлённое человеком, так и то внешнее существо должно было бы заниматься изменением человеческого внутреннего. Однако такое имеет место во внутренних жизненных процессах, например в согревании. Согревание в человеке должно получаться от вкуса, излучающегося из внутреннего. Только это согревание про-

являлось бы не так, как внешний тепловой процесс, потому что оно имеет в веществе не внешнее тепло, а кое-что равное по своему содержанию переживанию чувства зрения. Видно, что в *этом* согревании, которое дано через деятельность, основанную в цвете вымышленного существа и излучающуюся из внутреннего человека, заключена сама внутренняя природа света. Не зрительное переживание, а *внутренняя* природа света, лежащая позади зрительного переживания, возбуждает согревание, живущее в органообразующей силе чувства зрения, как в переживании вкуса живёт вещество в обменной связи с чувством вкуса.

Чувство вкуса можно также охарактеризовать как перевёрнутое чувство обоняния. Только здесь превращение имеет другое значение, чем при сравнении чувства вкуса и чувства зрения. Представьте себе, что в органе обоняния имеет место такой переворот, который не посылает во внутреннее человека запах ни от одного вещества, а при соприкосновении может отпрянуть, в таком случае на самом деле был бы дан аналог человеческого органа вкуса. Однако, само человеческое внутреннее надо бы поместить на место принятого выше внешнего существа. То есть, для чувства обоняния во внутреннем человека необходимо предположить существо одинаковое с тем вымышленным внешним. Но в то время как то гипотетическое существо заставляет свою природу приблизиться к человеку извне, для чувства обоняния его копия уже должна быть заключена в человеке. Поскольку человеческий организм представляется возбудителем обоняния, он полон чуждого, по-существу внешнего для него. Внешнее превратилось во внутреннее и развило из внутреннего такие силы, которые и были деятельными в образовании органов зрения, слуха и тепла. — Ясно, что в чувстве

обоняния должно обнаруживаться кое-что, что само может быть приравнено внутренней реальности внешнего. И если чувство вкуса является переворотом этого, то правомерно сказать: то, что врывается в человека при переживании вкуса как откровение извне, есть то же, что действует во внутреннем в органе обоняния. Но тогда между чувством вкуса и чувством обоняния существует место, где внешний и внутренний миры проявляются как равные. И можно представить себе, что за переживанием запаха стоит нечто, проявляющее себя во внутреннем человека действительно органообразующе как *вещество* внешнего мира, а именно в созидании органа вкуса. Итак, орган вкуса создается *веществом* внешнего мира. – А в органе обоняния следует тогда представить только само вещество, улетающее наружу, которое как таковое воспринимается непосредственно в переживании запаха. Ощущение запаха соответственно является как бы самовосприятием вещества, а орган вкуса – самооживлением вещества.

Эти рассуждения должны указать на то, что за переживаниями чувств не следует представлять больше ничего материального, а только духовно реальное. Тогда переживания чувств являются проявлением духовного. Чувственным наблюдением непосредственно обнаруживается чувственное переживание, а не духовное, стоящее позади него.

VIII. МИР, ЛЕЖАЩИЙ В ОСНОВЕ ЖИЗНЕННЫХ ОРГАНОВ.

Если из рассмотрения Я-переживания в организме «Я», в организмах понятия и звука проявился образ, подобный некой растительной форме, которая устремляется сверху вниз, то всего остального человека можно представить противопоставляющим себя снизу вверх процессу Я-переживания, а оно своим течением сверху вниз задерживает его, до некоторой степени загоняет обратно в самого себя. В этом остальном человеке дано существо, вступающее в бытие через рождение. Это существо является временной предпосылкой того, что – в вышеуказанном образе – стремится сверху вниз. Итак, можно сказать, что противопоставляющее себя снизу вверх процессу Я-переживания вступает на Землю с рождением. Следовательно, в этом человеческом существе уже должны быть развёрнуты описанные выше виды деятельности, образующие чувственные органы. Кроме того, образование этих чувственных органов можно представить только в следующем виде: силы, формирующие чувственные органы, вонзаются, как потоки, в человека, стремящегося снизу вверх. В это время является лишь образ сил, устремляющихся с различных сторон. Эти силы окружают человека и вновь должны со своей стороны встретить препятствие, подобное препятствию, которое Я-переживание, изливающееся сверху вниз, встречает во всём человеке, стремящемся снизу вверх. Это препятствие дано, если представить себе силы, образующие органы чувств, противопоставленными тем силам, которые существуют в жизненных процессах. Представьте себе

перевернутое чувство равновесия стремящимся навстречу деятельности силы тона, и вы получите устройство органа слуха; чтобы получить устройство органа тепла, следует представлять себе перевернутое чувство обоняния стремящимся навстречу силе переживания тепла. Орган тепла простирается по всему человеку. Этот факт складывается в образ, если перевернутому чувству вкуса дают протекать в противоположном направлении, как и перевернутым чувствам обоняния и равновесия. Кроме того, перевернутое чувство обоняния пересекает всё тело, а с другой стороны протекает перевернутое чувство вкуса, чтобы оказаться силой переживания света в качестве органообразующего для чувства зрения. Тогда в самом чувстве вкуса органообразующе действует вещество, проявляющееся в чувстве обоняния и находящее своё препятствие в организме, который созидался посредством остальных чувств. В чувстве обоняния внутреннее вещества устремляется навстречу внутреннему веществу. Тут приходят к образу окружности, из которой исходят органообразующие силы, чтобы действовать в человеке, как в центре окружности. Если бы действовали органообразующие *только* эти силы, то должна была бы получиться совсем другая форма и другое устройство органов чувств, чем это имеет место в действительности. – И это возможно только тогда, когда органообразующие силы вновь затормаживаются в самом своём развёртывании. – Допустим, что органообразующая сила устройства слуха в одном месте усиливается, в другом ослабляется, затем в каком-либо месте она даёт о себе знать особенно сильно. Однако такое случается тогда, когда на сами органообразующие силы действуют ещё и другие силы. Теперь возникает вопрос: указывает ли

что-либо в человеке на то, что вне его существуют ещё и такие силы? Нечто особенное обнаруживается тут прежде всего в жизненных процессах. Они продолжают, даже если переживания чувств покоятся во сне. Это показывает, что в их органах должны быть образующие силы, действующие даже в том случае, когда чувства выключены. Следовательно, силы, образующие органы чувств, в известной степени являются только одной стороной органообразующей деятельности. Жизненные процессы, прежде чем они смогут существовать, должны быть подготовлены органообразующими силами жизненных органов. Таким образом силы, лежащие в основе жизненных органов, в человеческом сознании стоят ещё глубже, чем силы, строящие органы чувств. В органах чувств силы показывают свои действия, выявляющиеся через органы чувств. А в жизненных органах обнаруживаются не строящие их силы, а только их результаты, то есть сами органы. Через орган тепла ощущают тепло, через чувство жизни – жизненные органы. Значит, возникновение жизненных органов предполагает другой мир, нежели образование органов чувств. Однако же органы чувств должны всё-таки гармонично приспособиться к жизненным органам. То есть, чтобы могли возникнуть органы чувств в их соответствующей форме, в силах, строящих жизненные органы, уже должны быть задатки для чувств. Этим вновь дано указание на мир, в котором формирующие силы жизненных органов действуют так, что закладывают органы чувств в эти жизненные органы, но сами органы чувств в них ещё не формируют. Только после того, как жизненные органы сформированы, в облик этих жизненных органов они напечатлевают органы чувств. Однако не следует счи-

тать, что все органы чувств подобным образом уже находятся в органообразующих силах жизненных органов. Органы так называемого чувства осязания вовсе не нуждаются быть расположенными внутри. Ведь они только отражают переживания жизненных органов в самих себя. Но и чувство жизни, чувство собственного движения и чувство равновесия не нуждаются в чём-либо, имеющем значение только тогда, когда органы чувств напечатлены жизненным органам. Итак, то, что в самих органах чувств относится к эмоциональным переживаниям чувства жизни и чувства собственного движения, в обозначенных задатках не содержится. Но этим указывается на мир, в котором находятся органообразующие силы жизненных органов и *зачатки* органообразующих сил чувств слуха, тепла, зрения, вкуса и обоняния. – Однако, если органы чувств напечатлеваются уже существующим органам жизни, то, вероятно, формирующие силы органов жизни должны заложить основу в эти жизненные органы. На основании этого жизненные органы развивают жизненные процессы, а в эти жизненные процессы органообразующие силы чувств излучают свои потоки. Таким образом, в жизненных органах эти органообразующие силы имеют препятствие. Их деятельность наталкивается на это препятствие. Чувства могут развиваться только там, где это позволяют жизненные органы. Изображение человека показывает, что в противоположности «слева-направо» и «справа-налево» дано то, что принимается во внимание при размещении названных органов чувств. И по симметричному строению человека в этих направлениях вновь обнаруживают, что жизненные органы и органы чувств относятся друг к другу двояким образом. Стоит только рассмотреть органы чувств че-

ловека относительно направления «вперёд», как можно получить, например в отношении уха, картину, согласно которой правое ухо сформировано слева направо, поскольку оно своим происхождением обязано той стадии, на которой господствуют силы, образующие жизненные органы, и превратилось потом в орган чувств благодаря тому, что справа налево только что охарактеризованному формообразованию противостоят силы, образующие органы чувств. Обратное следует отнести к левому уху. И подобное необходимо принять во внимание для других симметрично расположенных органов чувств.

Поскольку человек является существом, имеющим благодаря органам чувств переживания, его происхождение можно искать в том мире, о котором выше сказано, что из него происходит астральный человек. Если учесть теперь, что сами перевёрнутые переживания чувств являются силами, образующими органы чувств, то можно допустить, что о мире, из которого происходит астральный человек, говорится тогда, когда предполагают существо, формирующее органы чувств посредством сил, ударяющих до некоторой степени извне. Затем выяснилось, что при образовании органов чувств перевёрнутые переживания чувств вливаются во внутреннее человека. Следовательно, этими силами возбуждаются ощущения образов. Но ощущения образов наряду с желанием и импульсами движения являются тем, что указывает на астральное тело человека. Теперь представьте себе силы, образующие органы чувств, уже как переворачивание импульсов движения и желаний, и вы получите представление о том, как астральное тело человека в качестве создателя организма чувств взято сюда из чувственно невоспринимаемого

мира. – Этим предполагается мир, лежащий в основе мира чувственных переживаний, названный «астральным миром». В таком случае всё, что человек переживает чувственным образом, необходимо принять в качестве непосредственной реальности и предположить скрывающееся в этом астральное. Первое следует назвать *физическим* миром. В основе его лежит *астральный* мир. Теперь выяснилось, что в основе последнего лежит ещё другой. В этом другом коренятся органообразующие силы жизненных органов и задатки для чувств слуха, тепла, зрения и вкуса. Так как этот мир содержит формообразующие силы для жизненных органов, то можно сказать, что даже сам человек, поскольку он в своём теле имеет формообразующие силы жизненных органов, происходит из него. Если теперь сумму сил (в смысле стр. 52), формирующих в человеке жизненные органы, назвать «эфирным» телом человека, то можно признать, что это эфирное тело получает своё начало в мире, лежащем выше астрального. Так вот этот мир назван «низшим духовным миром», причём для этого названия вновь не следует воображать ничего другого, кроме указанного здесь.

Среди жизненных процессов есть три, органы которых указывают на мир, в котором, согласно изображённому выше, следует искать источник жизненных органов. В порождении живое физическое тело повторяет свои собственные образы, в росте оно добавляет к существующему новое из вещества этого существующего; в сохранении существующее действует на существующее, а в выделении оно отделяет из жизненного процесса кое-что из того, что имело в себе вначале. Итак, это те жизненные процессы, которые разыгрываются внутри самих жизненных органов. У питания,

согревания и дыхания это происходит не так. Эти процессы возможны лишь тогда, когда жизненные органы воспринимают что-либо из внешнего для них мира.

Среди чувственных переживаний существует пять, органы которых подобным образом указывают на мир, в котором следует искать происхождение органов, соответствующих другим чувственным переживаниям. В соответствии с вышеизложенным чувство вкуса является перевёрнутым чувством обоняния в таком роде, что орган вкуса поворачивает внутрь переживание, ощущаемое чувством обоняния во внешнем веществе, так что чувствуют запах вещества, находящегося уже во внутреннем тела. Таким образом, чувство вкуса предполагает вещество, находящееся уже в организме. Орган обоняния однако предполагает вещество внешнего мира. Для чувства зрения из вышеуказанного рассуждения вытекает, что его орган возникает, когда в этом возникновении действует существо, которое с цветовыми переживаниями обращается не так, как это происходит при восприятии их чувством зрения, а приводит цветовые переживания к деятельности противоположной той, из которой строится орган вкуса. Итак, если в организме существует расположение к такой деятельности, то может возникнуть орган зрения благодаря тому, что существующая прежде склонность к органу вкуса преобразуется в орган зрения. Следовательно, в то время как орган обоняния немислим без контакта с внешним веществом, и орган вкуса является органом обоняния, обращённым внутрь, то есть предполагает вещество, существующее во внутреннем, орган зрения может осуществиться, если орган вкуса, находящийся в зачатке, не доводится до конца как таковой, а преобразуется во внутреннем. Тогда

должно излиться и вещество на внутреннем пути к этому органу. С органом тепла это происходит таким же образом. То же самое возможно по такой же причине, которая указана для органа зрения, когда во внутреннем рассматривают орган обоняния, удержанный и преобразованный в своём формировании. (Вместе с тем, орган вкуса следовало бы рассматривать просто *перевёрнутым*, стало быть, к концу своего формирования вывернутым наизнанку, а орган тепла *преобразованным* органом обоняния.) Орган слуха в подобном смысле оказался бы преобразованным органом равновесия, орган звука – рано задержанным в своём формировании органом чувства собственного движения, а орган понятия – немедленно по возникновении преобразованным органом чувства жизни. Итак, образование этих органов не предполагает наличия никакого внешнего вещества, но только оказывается необходимым захватывание вещества, устремляющегося во внутреннее, высшими формирующими силами, какими являются силы, господствующие в чувстве обоняния.

Для органа обоняния, напротив, необходим контакт с внешним веществом. Чувство равновесия предполагает, правда, не контакт с внешним веществом, а пожалуй – связь с тремя направлениями пространства. Но если бы эти направления были такими в пустом пространстве, то чувства равновесия не было бы; оно может существовать только в случае заполнения пространства веществом и пронизания этого заполненного веществом пространства силами, с которыми приводится в связь человеческое тело. Но к этим силам, если взаимосвязям следует осуществиться, должны иметь отношение другие силы. Итак, тело человека в себе

должно противопоставлять три силы в своём собственном веществе трём силам вещества, заполняющего пространство. Следовательно, человеческое тело должно иметь орган, не только состоящий в таком отношении с внешним веществом, как орган обоняния, но с помощью которого могут ощущаться три силовых направления этого вещества. Выше уже было показано, что перевёрнутое чувство равновесия можно представить деятельным при образовании органа слуха. Теперь предположите, что это перевёрнутое чувство равновесия выводит за пределы образования органа слуха существующий зачаток слуха, то есть это формирование не заканчивается в тот момент, когда оно стало органом слуха, а развивается дальше. Тогда из зачатка слуха возник бы орган равновесия. Подобно этому можно теперь представить, что перевёрнутое чувство собственного движения выводит зачаток органа звука за пределы свойств звукового устройства. Тогда через соответствующий орган человек воспринимает не звук, а ощущает существующие связи с силами внешнего вещества. И если перевёрнутое чувство жизни вывело бы орган понятия далеко за пределы его формирования, то через соответствующий орган ощутилась бы связь собственного вещества с внешним веществом. А чтобы такое было возможно, вещество должно не только оказаться действенным в человеческом теле, но оно должно суметь, не касаясь тела, в нём же извне внутрь пустить в ход свои силы. Тогда в чувстве равновесия, чувстве собственного движения и в чувстве жизни были бы даны три органа, которым для их возникновения был бы необходим внешний мир. Но у чувства осязания это ясно без лишних слов, так как оно ведь посредством скрытого суждения познаёт внешний

мир, значит, внешний мир предполагается как непрерывное условие. – Таким образом, можно сказать, что в органах вкуса, зрения, тепла и слуха даны органы, которые в организме могут быть образованы благодаря силам вещества, струящегося *в нём*; внешнее вещество со своими силами оказывается предпосылкой для чувств обоняния, равновесия, собственного движения, жизни и осязания.

Как жизненные органы в дыхании, согревании и питании, так и органы названных органов чувств указывают на материальный внешний мир. Зато выделение, сохранение, рост, порождение, организмы вкуса, зрения и слуха, звука, понятия и «Я» предполагают внутренние принципы образования, которые могут действовать только в погружённом внутрь веществе.

IX. ВЫСШИЙ ДУХОВНЫЙ МИР.

Если теперь предположить, как это сделано выше, что образующие силы для жизненных органов и зачатки для сил органов чувств находятся в низшем духовном мире, то для формирующих сил жизненных органов, господствующих в этом мире, существует различие между теми, которые предполагают вещество, погружённое внутрь, и теми, которые формируют свои органы для приёма вещества извне. Легко увидеть, что последние вновь являются предпосылкой первых. Так как не будь в самом веществе возможности погрузиться внутрь, оно не смогло бы прийти к деятельности в самом себе. Значит в веществе должны господствовать силы, делающие его способным вызывать самому себе противодействия из внешнего. И вышеприведённое изложение показало такие противодействия вещества самому себе. Перевернутые чувства жизни, собственного движения и равновесия, чтобы вызвать внутренние формирования, несут в себе скрытую возможность действовать активно, как само вещество, без использования внутренних принципов формирования как таковых. Они ведь действуют не только *внутри*, но и *вне* их предела. Если теперь представить себе эти три перевернутые чувственные деятельности действующими так, что они не наталкиваются ни на один сформированный внутренне орган, а напротив, характер их действия не изменяется, тогда они достигают границы, где они должны вернуться в самих себя. Значит, у этой границы вещество как бы отбрасывается назад само в себя; оно себе препятствует в самом себе. У этой границы как бы дано то, что, вероятно, можно назвать бы-

тием вещества в бытии вещества. А этим указано на возможность того, что органы, использующие внутреннее вещество, возникают из мира, в котором вещественно-внешнее превращается в вещественно-внутреннее. В этом мире должны бы покоиться первые задатки как для тех органов жизненных процессов, которые обеспечиваются погружённым внутрь веществом, так и для тех, которые используют внешнее вещество. А в силах, приводящих внешнее вещество к погружению внутрь, уже должны бы существовать задатки для этого погружения. Как силы в самих жизненных органах указывают на мир других сил, из которого сначала формируются жизненные органы, так жизненные органы с внутренним вещественным потоком указывают на зачатки из ещё более высокого мира, исходя из которого они формируются. Мы подведены к тому, чтобы указать на внешний мир, который может разжигать в себе самом внутренний мир через противоположность чувства жизни, чувства собственного движения и чувства равновесия. Этот мир, конечно же, можно назвать «высшим духовным миром». Что же в нём следовало бы искать? Не те силы, которые вообще формируют жизненные органы, а те, которые насаждают их образам задатки стать жизненными органами. Однако эти силы необходимо представлять себе как противоположности чувства равновесия, чувства собственного движения и чувства жизни. Если эти силы, прежде чем они доберутся до границы своей деятельности, удерживаются внутренними процессами формирования в органах, уже охваченных формообразованием, то они из таких задатков органов создают органы слуха, звука и понятия. Что же происходит, если они доходят до границы той деятельности, которая заклю-

чена в их собственном характере? Если в органе понятия навстречу перевёрнутому чувству жизни не выступило бы нечто, что перевёрнутым чувством жизни может быть только преобразовано, тогда, по-видимому, перевёрнутое чувство жизни отвело бы переживание понятия назад в само себя. И в своём отражении переживание понятия подошло бы непосредственно к самому себе. Этим было бы дано подобие того, как это происходит в чувственном переживании, но это имело бы самостоятельное бытие без органа чувств, лежащего в основе. Подобное можно было бы высказать для перевёрнутых чувств собственного движения и равновесия. Таким образом, в высшем духовном мире следовало бы искать покоящиеся в самих себе чувственные переживания, оказавшиеся родственными тем чувственным переживаниям, к которым в физическом мире человек стоит своим «Я» ближе всего – переживаниям чувств понятия, звука и слуха. Однако покоящиеся в самих себе чувственные переживания существуют так, словно человеческое «Я» не находится перед ними, а воспринимает их, но так, как будто за ними располагается существо, создающее их собственной деятельностью.

Х. ФОРМА ЧЕЛОВЕКА.

Если теперь положить в основу вышеприведённые рассмотрения, тогда для человека в отношении его формирующих принципов выявляется следующее.

В наличии предполагают:

1. *Высший духовный мир*; в нём находятся силы, формирующие образы, которые представляют собой живые чувственные переживания в самостоятельной субстанции. А этим образам напечатлены *задатки* для жизненных органов.

2. *Низший духовный мир*; в нём находятся формообразующие силы жизненных органов. Силы, действующие в первом мире, формируют образы, питающиеся из уже погружённого внутрь вещества. Силы же самого этого мира присоединяют к ним такие образы, которые вначале погружают внешнее вещество. Это выявляет различие жизненных органов в органах порождения и в органах питания. Образы, сформированные из первого мира, преобразуются в такие задатки органов чувств, которые питаются погружённым внутрь веществом. Формирующие же силы самого этого мира присоединяют к этим задаткам чувств такие, которые имеют взаимосвязь с внешним веществом.

3. *Астральный мир*; в нём находятся формообразующие силы органов чувств. Но и жизненные органы должны быть сформированы, исходя из этого мира, так, чтобы они могли принимать в себя органы чувств.

4. *Физический мир*; в нём находятся чувственные переживания человека.

Теперь необходимо признать, что эти четыре мира действуют друг в друге, так что силы каждого высшего

продолжают существовать в низшем. Благодаря тому, что названные органы выведены из сил высших миров, можно сказать одно – эти органы находятся под влиянием высших миров, даже если они появляются в низших мирах. Из физического мира силы высших миров воздействуют не на органы чувств; из астрального мира силы обоих духовных миров влияют не на жизненные органы; и из низшего духовного мира силы высшего мира воздействуют не на задатки жизненных органов, охарактеризованных выше. Отсюда следует, что силы высших миров должны проявлять свою активность из физического мира иным способом, чем при воздействии непосредственно из своего мира. Силы высшего духовного мира могут воздействовать на человека, наделённого органами чувств, жизненными органами и зачатками органов только как формообразующие силы. Они могут устанавливать форму и расположение органов. Так из воздействия высшего духовного мира сюда в физический проистекают форма и расположение органов человеческого тела. «Я» переживает понятия в восприятиях понятий; чувство жизни своим перевёрнутым способом приносит живые понятия высшего духовного мира. В физическом мире они могут действовать только как формообразующие силы. Вполне понятно, что способностью восприятия понятий человек обязан своей прямостоящей фигуре. Ни одно земное существо, кроме него, не имеет восприятия понятий, никто не имеет такого рода прямостоящую фигуру. (Несложное размышление может показать, что у животных, имеющих якобы прямостоящую фигуру, это кажущееся прямостояние должно объясняться другим, нежели внутренними силами.) Так в направлении снизу вверх можно видеть то, что связано с восприятием понятий, когда в этом не участвует пере-

вёрнутое чувство жизни. Отсюда для перевёрнутого чувства жизни можно сделать заключение о направлении сверху вниз. Ещё правильнее было бы говорить о направлении почти сверху вниз. Так как в направлении роста снизу вверх следует видеть нечто такое, что противопоставлено перевёрнутому чувству осязания. Поскольку в смысле вышеприведённого высказывания противоположностью осязания представлено «Я», вертикальное направление роста тела вверх можно рассматривать как Я-носитель, как непрерывное преодоление действия веса вниз, что и представляет собой поворот переживания осязания. Из всего этого в человеческом теле можно указать на такую противоположность «сверху-вниз» и «снизу-вверх», при которой течение словно происходит снизу вверх так, что в нём дано преодоление перевёрнутого чувства жизни, протекающего сверху вниз. Так вот в этом перевёрнутом чувстве жизни необходимо видеть воздействие высшего духовного мира на физическое тело человека. Итак, можно сказать: человеческое тело, поскольку оно является носителем «Я», стремится вверх; физическое тело человека, поскольку оно в своей форме обнаруживает воздействие высшего духовного мира, стремится сверху вниз. Поскольку человек телесно выражает образ существа, принадлежащего высшему духовному миру, его можно рассматривать как встречу тела «Я» с физическим телом вследствие проникновения двух силовых направлений. Своим Я-переживанием человек принадлежит физическому внешнему миру, но наряду с этим представляет собой то, чем является образ переживания, отражённого в самого себя. Это образ того, что было охарактеризовано как чувственные переживания высшего духовного мира, покоящиеся в самих себе. Итак, в теле, поскольку оно носитель «Я», можно

видеть *образ* вещества, погружающего самого себя внутрь. – Другая противоположность обнаруживается в направлениях «сзади-вперёд», «спереди-назад». Органы чувств, *по существу*, с принадлежащими им нервами представляют собой органы, растущие спереди назад. Если представить себе их – что вполне обосновано – растущими так, что их росту противопоставлены их формообразующие силы изначального направления развития, происходящие из низшего духовного мира, то это последнее направление можно искать сзади вперёд. И тогда можно будет сказать, что в завершении направления назад относительно человеческой формы дано нечто по отношению к низшему духовному миру подобно тому, как дано по отношению к высшему духовному миру в завершении направления снизу вверх. Во внешнем оформлении на жизненные органы в таком случае воздействовали спереди назад те силы низшего духовного мира, которые не могут воздействовать на человека из физического мира; ещё силы низшего духовного мира действовали внутрь физического мира человека сзади вперёд. В них проявляется то, что в смысле вышеприведённого рассуждения можно назвать астральным человеком. Итак, поскольку астральный человек проявляет себя в своей телесной форме, он как раз устремляется сзади вперёд, как и физическое тело человека устремляется вверх. Третья противоположность должна быть «справа-налево» и «слева-направо». В симметрии человеческой фигуры в отношении этого направления можно увидеть указание на то, что тут силы противостоят друг другу в равной мере. Такое выявляется, когда в этих направлениях видят взаимодействие человеческой телесной формы, поскольку она уже оформила телесные органы из низшего духовного мира, с формообразующими силами

органов чувств. Итак, формообразующие силы астрального мира, поскольку эти силы в физическом мире напрямую больше не действуют, следовало бы для органов чувств представить в левой, относительно направления вперёд, половине тела человека так, что они из левой половины тела действуют направо; те силы астрального мира, которые продолжают действовать на телесную форму так, что в телесной форме проявляется их воздействие, должны в таком случае действовать налево. Теперь, когда эти силы должны воздействовать на уже определённые из низшего духовного мира органы, они проявляют себя в действии внутрь, равно как силы высшего и низшего духовного мира проявляются в формировании наружу. (Сказанному здесь можно найти подтверждение через антропологию в линиях нервных путей, пересекающихся в организме.) – Это указывает на некое наполнение астрального мира эфирным телом человека, поскольку эфирное тело находит выражение в телесной форме. Можно сказать:

1. Формообразование физического тела человека обусловлено из высшего духовного мира в направлении «сверху-вниз».

2. Форма человеческого тела, поскольку оно является носителем астрального человека, указывает на направление «сзади-вперёд».

3. Форма человеческого тела, поскольку оно является носителем жизненных процессов, указывает как на направление «справа-налево», так и «слева-направо».

4. Результатом этого формообразования в таком случае была бы истинная физическая форма человека. – Чтобы осуществилась истинная физическая форма человека, указанные формообразующие силы должны пронизывать друг друга. Такое проникновение можно вообразить только в том случае, если человек встрאי-

вает себя в физический мир, причём силы астрального мира так захватывают силы внешнего физического мира в направлении «справа-налево» и «слева-направо», что своим формированием они оставляют открытой возможность дальнейшего формирования в направлении от задней стороны вперёд, и в соответствии с этим условием остаётся открытым направление сверху вниз. Ибо только вообразив себе направление, проходящее по принципу «справа-налево» и «слева-направо», действующим всесторонне, ту есть опять изменённым в направлении вперёд и потом вновь перешедшим по направлению вверх, можно представить себе, как осуществляется вышеозначенное. Однако, чтобы это выявило форму человека, следует для этих сил ожидать противоположные им силы из самого физического мира. В таком случае это те силы, которые проявляются уже не как охарактеризованные выше действующие из физического мира, а как силы, действующие непосредственно из высших миров. Но только эти последние следует искать в физическом зачатке человека. В отношении с другими силами человек вступает только *как такой зачаток*. – Итак, если хотят в физическом мире найти в человеке указание на высшие миры, то следует смотреть не на жизненные процессы и не на их связь со своими органами, не на жизнь органов чувств, а также не на головной мозг, а исключительно на это «как», на *очертание* формы тела и органов. В этом «как» может выявиться, что указания на духовные миры могут быть воспринимаемы ещё в физическом человеке. (Отсюда отличие человека от животного относительно высших миров может проистекать из рассмотрения телесной формы, поскольку животное расположено в направлениях пространства по-другому; это другое расположе-

ние вновь обнаруживает, что высшие миры воздействуют на человека иначе, чем на животное.)

Антропософские рассмотрения могут быть плодотворными, если их относить к деталям человеческой телесной формы. Тогда повсеместно получится полное созвучие с антропологическими наблюдениями. Указание на то, как в органе слуха, органе зрения и так далее увидено преобразование из зачатков органов, находящихся в процессе возникновения, или в органе вкуса увиден перевёрнутый орган обоняния, может дать представления, которые должны быть найдены снова в формах органов. Ассиметричные органы становятся понятными, если их понимают так, что формы их были образованы благодаря тому, что силы астрального мира, действующие «слева-направо» и «справа-налево» могли быть исключены. – Если рассмотреть, как это было сделано выше, переворачивание органов чувств, поворот их самих внутрь, то можно будет также согласиться, что преобразование может быть обусловлено ещё и другими принципами. Возьмём орган слуха. Сам он приведён в связь с чувством равновесия. Можно представить себе, что деятельность, которая обнаруживается в чувстве равновесия, отвлекает зачаток органа, направленный внутрь ещё не дифференцированно для органа слуха, от его первоначального направления формирования. Чувство звука осуществляется в том случае, если на соответствующий зачаток органа направляется другая деятельность. Соответствующий зачаток органа мог бы быть приведён в связь с переживаниями чувства собственного движения. Этим был бы пролит свет на тот факт, что орган слуха проявляется в органе, обращённом к внешнему веществу, а орган звука не может быть воспринимаемым внешне. Переживание чувства собственного движения соответствует

внутреннему тела, а переживание чувства равновесия проявляется в отношении внешних направлений пространства. Вследствие этого можно было бы орган звука назвать также органом слуха, скрытым во внутреннем тела. Для самого Я-переживания, которое не соответствует никакому чувственному переживанию, во внимание не принимается никакой отдельный орган, а исключительно стремление вверх другого зачатка органа. Таким образом, в органах звука и понятия можно увидеть образования, физическая форма которых определена благодаря их склонности к Я-переживанию. А в том, в чём тело как носитель «Я» участвует изнутри наружу, можно признать переворачивание в формирующих силах и можно сказать, что если тело как носитель «Я» вновь формирует орган в обратном направлении, то в *образе* этого органа должно снова открыться своеобразие творений высшего духовного мира. Таким органом является орган речи (гортань). Если можно ряд органов – слуха, чувства звука и чувства понятия – назвать продвигающимся внутрь телесным погружением зачатка чувств, то в органе речи можно признать перевёрнутое чувство звука. Тут звук не становится переживанием чувства, стремящимся посредством органа внутрь, к «Я», а является покоящимся в себе самом творческим содержанием чувства, действительно перевёрнутым переживанием чувства. Образование гортани точно соответствует этим условиям. – Кроме того, можно также искать орган, соответствующий в человеке способности, находящейся между говорением и «Я» так же, как понятие – между слушанием и «Я». Благодаря этому органу из человека должно бы проистекать нечто такое, что не так мало-содержательно, как Я-переживание, и что, сверх того, своими откровениями не переливается во внешний мир

непосредственно. В головном мозгу человека это был бы орган, соответствующий фантазии. Постепенно научатся отличать в головном мозгу орган понятия от органа фантазии.

Так как в форме физического тела человека в известной степени звучат формообразующие силы трёх высших миров, то необходимо также признать, что непосредственно из астрального мира на астральное тело могут воздействовать образующие силы обоих более высоких духовных миров; и наконец, что непосредственно из высшего духовного мира вливаются воздействия уже в зачатки жизненных органов, какими они рождаются из низшего духовного мира. Принимая во внимание такие силы, можно выявить форму и положение сердца, органов дыхания и кровообращения, мышечной и костной систем и так далее.

В телесной форме человека внутри физического мира проявляется тот факт, что развитие человека следовало не только приспособляемости к отношениям, чуждым внутреннему существу человека, но что эта форма, в конце концов, образно выражает характер «Я». Развивающийся зачаток человека должен быть помыслен так, что при его формировании силам высших миров даются точки приложения. В чувственном мире для восприятия даны *только* содержания ощущений, которым «Я», когда оно воспринимает само себя, противопоставляет себя как ощущение образа. Но ощущение образа принадлежит астральному миру. Таким образом, ощущение образа при самопереживании «Я» пребывает в пространстве до некоторой степени свободно. У чувства вкуса обнаружилось, что в нём можно увидеть перевернутое чувство обоняния. Если же удар вещества в чувстве обоняния не принимать за то, что вызывает ощущение, а считать, что само переживание

обоняния становится составной частью «Я» как самопереживание в «Я», то в желании или в импульсе движения астрального «Я» можно увидеть ответ этого «Я» на нечто, что исходит от вещества и присоединяется к «Я» без физического посредничества. Тогда за переживанием обоняния, кроме переживания образа, стоит астральное противодействие желанию и импульсу движения «Я». В тоне то, что отделяется от внешнего объекта, должно чётко отличаться от того, что в этом объекте воспринимается другими чувствами, нежели чувством слуха. А это отделившееся является самопереживанием «Я». Однако, можно определённо сказать: когда объект слышат, тогда миру, в котором не присутствует «Я» и в котором оно не может отождествлять себя с переживанием чувства, принадлежит только звучащий объект. В чувстве собственного движения воспринимается расположение и изменение формы собственного организма. Таким образом, для этого чувства напрашивается представление, что вне самопереживания «Я» следует допускать только астральное противодействие импульсу движения. Если же в физическом мире не существует ничего, кроме переживаний чувств, то и говорить в этом мире нельзя ни о чём другом, кроме как о переживаниях чувств. Но так как физическое тело для получения переживаний чувств должно иметь органы чувств, для человека в этом физическом мире нет ничего, кроме переживаний чувств и Я-восприятия как астрального переживания образа. «Я» не имеет никакой другой возможности, кроме как переживать объекты внешнего мира и при этом, комбинируя различным образом, находить переживания чувств. Стало быть, происходящее тут является ничем иным, как свободным парением в пространстве переживаний чувств. Следует, однако, предположить,

что человеческая форма как таковая не является чем-то не имеющим значения, но что очень важно то, в каком направлении и положении находится один орган по отношению к другому. И рассматривать физический мир следует, исходя из этой точки зрения. Кроме того существенно то, что орган вкуса является перевёрнутым органом обоняния. Так как если намереваться теперь представить переживание обоняния, как оно есть, ощущением образа, не отказывая самому веществу в способности заполнять пространство, если представить это переживание таким же ощущением образа, каким является в самом себе Я-восприятие – ощущением образа, свободно парящим в пространстве, то необходимо признать, что нечто зависит от того, что человек поворачивает фигуру поверхностью к объекту так, чтобы обратить к нему тот или другой орган чувств для получения исходящего от объекта ощущения образа. Ну конечно, в физическом мире для человеческого существа из этого следует только то, что в зависимости от использования органа оно один раз воспринимает запах, в другой раз – вкус. А если «Я» не только охватывает Я-восприятие, находящееся в физическом мире, но это «Я» действительно лежит в основе своей телесной формы так, что все переживания образов оно испытывает как свои, то самопереживанием «Я» в этом «Я» один раз было бы ощущение образа запаха, а в другой раз ощущение образа вкуса. Если же имели бы дело не с готовой телесной формой, а с находящейся в процессе формирования, то никакого Я-восприятия не существовало бы; самопереживание «Я» было бы совсем другим.

ПРИЛОЖЕНИЕ

остаётся соединённым с человеком, при размножении порождённое выступает наружу

Разные корректуры в А и В.

- 44,26 В проявляются;
А проявляются,
- 45,8 В противостоит,
А противостоят,
- 45,17 В внешние чувственные восприятия
А чувственные восприятия
- 45,16-17 В переживаются,
А Переживаются
- 45,22-23 В внешних чувственных восприятий
А чувственных восприятий
- 46,22-26 А соответствующее голоду, и это связано с ним так, как человек связывает с чувственным восприятием то, что возникает после вынесения суждения в ответ на это чувственное восприятие.
- В соответствующее голоду, и что с ним связано так, как то, что человек совершает после вынесения суждения, связано с неким чувственным восприятием. /...совершает после вынесения суждения, указывает на некое чувственное восприятие, которое связано с этим чувственным восприятием.

Разные корректуры в А и В. Редакция В имеет два толкования исправленного текста.

- 46,28 В Внешнее
А другое
- 47,16-17 А Этот мир пока названный «жизненным миром».
В Этот мир названный «жизненным миром».
- 47,30 А например, строго отделена
В строго отделена
- 48,20-21 В благодаря усиленной внутренней жизни.
А благодаря себе самому.
- 48,24 А можно было бы использовать
В можно было использовать,
- 48,34-49,7 А В обоих случаях внешнему миру противопоставляется соответствующий телесный орган. Это указывает на то, что во внешнем мире проявляется нечто, имеющее отношение и к одному и к другому органу. Вот только выясняется, что в воздухе, например, проявляется двойное: первое относится к формированию органа дыхания, который поставлен на службу телу; второе касается построения слуха.
В В обоих случаях внешнему воздуху противопоставляется соответствующий телесный орган. Это указывает на то, что для воздуха человеческий организм при его созидании устроен благодаря одному и другому органу. Так обнаруживается,

что по отношению к воздуху в человеческом теле проявляется двоякое; одно формирует наружу орган дыхания и встраивает его в тело; другое строит орган слуха.

Разные корректуры в А и В.

49,14-19 В Из организма навстречу внешнему миру развивается орган дыхания и орган слуха тоже. Так вот орган дыхания служит только внутренней телесной жизни, а орган слуха должен быть приспособлен к внешнему миру, к области звука.

А Из организма орган дыхания прорастает навстречу внешнему миру так же, как и орган слуха. Так вот орган дыхания служит только внутренней телесной жизни; однако орган слуха приспособлен к внешнему миру – к области звука.

Разные корректуры в А и В

49,20 В стоит обращать внимание;

А обращено внимание;

50,13-15 В в человеке воспринять высокое существо;

А воспринять высший мир;

50,17 А Аналогично другое,

В Аналогично другое, находящееся среди них,

50,28-51,3 А ; именно в этом же смысле можно признать, что второй из указанных миров проявляется в эмоциональных переживания-

ниях «астрального человека», которые можно обозначить как жизненные инстинкты. В этих переживаниях обнаруживается нечто, с чем сливаются в одно другие инстинктивные переживания «астрального человека» и являют образ сверхчувственного мира в том же смысле, в каком образ подобного же мира представляет Я-человек.

В ; именно в том же смысле можно признать, что астральный человек в переживаниях эмоций, являющихся ему через жизненные процессы, воспринимает откровения сверхчувственного мира, в котором органы этих процессов (жизненные органы) получают сущность: 1. служить жизни, 2. формировать из себя органы чувств. В этих переживаниях проявляется нечто такое, в чём сливаются воедино другие инстинктивные переживания и свою высшую деятельность обнаруживают в виде формирующей силы.

Разные корректуры в А и В

51,20-32 А Чтобы мог осуществиться «астральный человек», другой мир, присоединяющийся к охарактеризованному сверхчувственному миру как «жизненный мир», строит жизненные органы. Силы этого мира оказались родственными тем из переживаний, которые «астральный человек» имеет в жизненных инстинктах. То,

что строит физического человека обнаруживает себя в вышеуказанном смысле в чувственном мире. Те силы, которые строят жизненные органы, могут обнаруживаться в физическом мире только в жизненных процессах. Ибо они создают жизненные органы и только через таковые может проявляться жизненный процесс.

В Чтобы мог осуществиться «астральный человек», сверхчувственный мир строит жизненные органы. Силы этого мира оказались родственными переживаниям «астрального человека». То, что строит физического человека, обнаруживает себя в чувственном мире в вышеназванном смысле. Те силы, которые строят жизненные органы, могут обнаруживаться только в инстинктивных эмоциональных переживаниях, происходящих от жизненных процессов. Ибо они не создают никаких органов чувств, а видимое может проявляться только благодаря таковым.

Разные корректуры в А и В

52,3-5 В не может стать видимым, а может быть только эмоциональным инстинктивным переживанием.

А не может стать видимым.

52,12-13 В устроено так, что оно передаёт «Я» чувственные переживания;

- А устроено так, что оно тоже становится чувственно воспринимаемым;
- 52,13 В «эфирное тело» может
- А «эфирное тело» как создатель жизненных органов может
- 52,15-23 В Должно быть такое соотношение: «Я» к физическому телу человека относится так же, как «астральный человек» – к «эфирному телу человека». – Так жизненные процессы предполагают наличие сил, которым они сами не служат, но к которым приспосабливаются, формируя, исходя из тела в смысле переживаний, органы чувств, например орган слуха; а органы чувств, наоборот, предполагают жизненные органы, сохраняясь благодаря их процессам.
- Дополнение в варианте В без интервала примыкает к «...может быть переживаемо...эмоционально».*
- А Итак, можно различать: 1. Сверхчувственный мир, в котором располагаются силы для созидания органов чувств. 2. Сверхчувственный мир, в котором находятся силы для созидания жизненных органов. Этот мир предполагает первый; отсюда первый мир может быть назван высшим духовным миром, а последний – низшим духовным миром. 3. Мир, в котором астральный человек находится в таком отношении к жизненным процес-

сам, что последние проявляются в нём в виде жизненных инстинктов. Жизненные инстинкты предполагают жизненные процессы, следовательно второй мир. Его (третий мир – прим. перевод.) следует назвать астральным миром. 4. Мир, в котором благодаря органам чувств проявляются чувственные переживания «Я-человека». Этот мир является физически-чувственным миром.

Весь абзац в варианте А является дополнением, которое с интервалом примыкает к «...может быть переживаемо... эмоционально.». (Вариант А тоже включён в основной текст после варианта В. Прим. перевод.)

52,6-17

Из высшего духовного мира образовано физическое тело человека, поскольку оно является носителем органов чувств. Из низшего духовного мира сформировано эфирное тело человека, поскольку оно вновь воздвигает жизненные органы. В астральном мире астральный человек вступает в отношение с жизненными процессами, так как они проявляются в жизненных инстинктах. В физическом мире «Я» человека вступает в отношение с чувственными переживаниями, представляющими собой внешний мир (звук, тон, тепло, свет и т.п.), поскольку чувственные переживания обнаруживаются

как чувственный мир.

Весь абзац – это отдельно приложенное рукописное дополнение на одном отдельном листе, который отнесён к этому месту указанием соответствующего номера страницы печатного листа.

- 54,6 А прежде всего примыкает
 В прежде всего принадлежит
- 54,18-19 В предстают те*
 А относятся те
- 54,28-29 А является весьма ценным; к нему пробуждается интерес. Если интерес должен
 В является весьма ценным, к нему пробуждается интерес; должен
- 55,23 В деятельности «Я»
 А деятельности «Я»
- 55,31-32 В говорят об органах чувств, для «эфирного человека» о жизненных органах,
 А говорят о чувственной способности, для эфирного человека о жизненных процессах,
- 56,17 А того переживания
 В переживания
- 57,2-3 В в ощущении
 А в ощущении
- 57,31 А в реальности

* В варианте В применён глагол *darbieten, sich*, в варианте А – *anbieten, sich* (прим. перевод.)

- В на самом деле
- 58,32-59,9 А Теперь легко признать, что мир, о котором здесь сказано, что из него происходит «астральное тело», равен охарактеризованному в предыдущей главе «астральному миру». Разве только жизненные процессы должны вначале переместиться в жизненные инстинкты, чтобы быть импульсами в «астральном человеке». Таким образом, жизненные инстинкты, ощущения образов, желания и импульсы движения принадлежат «астральному человеку», поскольку этот «астральный человек» уже предполагает низший духовный мир, а сам происходит из астрального мира.
Весь абзац есть добавление в варианте А.
- 60,1 А В переживании человеком самого «Я»
В В переживании «Я»
- 60,24-25 А итак, возвращается
В итак, поворачивает обратно
- 61,13 В произойдёт, и только,
А произойдёт и только,
- 61,13-15 А если внутренний процесс переживания оказывает некоторым образом сопротивление,
В если затем внутренний процесс переживания оказывает сопротивление,
- 61,22-23 А которое само «Я» снаружи

- В которое «Я» снаружи
- 61,24-25 В запечатлено... которое само
А запечатлено, которое само*
- 62,1-23 А Теперь допустим далее, что внешний мир словно целиком заполняет процесс Я-переживания тем, что он послал во внутреннее с помощью органа чувств; тогда внутреннее продолжает переживать в чувственном восприятии характерное свойство внешнего, несмотря на то, что внутреннее переживание и внешний мир противостоят друг другу. И проникновение со стороны внешнего мира затем обнаружится как нечто однородное с внутренним. «Я» переживает внешнее и внутреннее как однородное. Так происходит в чувстве тепла. – Теперь сравним переживание чувства тепла с жизненным процессом согревания. Впечатление тепла следует признать чем-то подобным теплу, пережитому в самом внутреннем и заполняющему это внутреннее. У чувств обоняния, вкуса и зрения можно говорить о некоем проникновении внешнего мира в Я-переживания. Через чувство тепла внутренняя жизнь наполняется своеобразием внешнего мира. У чувств равновесия, собственного движе-

* Вариант В относится к «свойству»
Вариант А относится к «переживанию». (Прим. перевод.)

ния и жизни известно восприятие чувства изнутри. Через них «Я» переживает своё внутреннее физическое осуществление.

В Далее допустим, что внешний мир как бы целиком заполняет процесс Я-переживания тем, что он послал во внутреннее. Тогда всё внутреннее получит характерное свойство внешнего мира, хотя оно и является внутренним переживанием, а проникшее со стороны внешнего мира обнаружится как нечто одинаковое с внутренним. «Я» будет переживать внешнее и внутреннее как однородное. Так это происходит в чувстве тепла. Впечатление тепла должно быть признано как нечто такое, что однородностью своего происхождения обязано как теплу, выработанному в самом внутреннем, так и заполняющему это внутреннее. (Антропология должна это признать, так как она должна полагать внутреннее тепло возникшим благодаря внутреннему сгоранию, так же как и внешнее тепло возникает через сгорание.) Если мыслят себе продукт внешних тепловых процессов, заполняющий тело, то его представляют себе как второй род внутренних переживаний, как нечто, что заполняет «Я» и воспринимает Я-природу в самом «Я». Таким образом, в Я-переживание вдвигается нечто, что как второе «Я» заполняет

первое. Это второе «Я» действительно является Я-переживанием, противостоящим первому. Но поскольку это первое «Я» ощущает истинным только себя самого, то оно должно представлять это второе как ощущение-образ самого себя. А тот внешний мир, в котором коренится второе «Я», полностью превратился во внутренний мир.

Если для чувства обоняния, чувства вкуса и чувства зрения можно говорить о проникновении внешнего мира в «Я-переживания», то можно представить себе также случай, что та часть внешнего мира, которая признана погружённой во внутреннее, действует не только заполняя внутреннюю жизнь, как в чувстве тепла, но может даже превысить меру этого заполнения и до некоторой степени заглушить внутренние переживания. Тогда она проявилась бы внутри как чувственное восприятие. Эта погруженная часть внешнего мира в самом деле представляет собой соотношение, действующее у чувств равновесия, собственного движения и жизни. Благодаря им «Я» переживает своё внутреннее осуществление.

Разные корректуры в А и В, а также вычёркивание в А: «(Антропология ... превратилась во внутренний мир)»

- В случается
- 64,15 В у чувства звука
А чувстве звука
- 64,15-16 А развитие чувственной способности до
В развитие до
- 64,27 А у чувства звука
В у чувства речи
- 64,29 А уже усвоил другие значения
В уже усвоил другие
- 65,11 А Видно:
В Видно, что
Разные корректуры в А и В.
- 65,22-23 А теперь себе человека
В себе человека
- 66,14 А в эти три
В в три
- 67,21 В от этого
А от него
- 67,26 А теперь то должно бы
В только то должно бы
- 67,34 А гипотетически вымышленное
В вымышленное
- 68,20 А имеет место. Если бы должно
В имеет место; если бы должно
- 68,27-28 В внешнее движение Я-человека пережить.
А внешнее движение пережить.

ройство слуха.

В что в основе возникновения устройства слуха лежит реальность внешнего мира, которая дана в чувственном переживании чувства равновесия, когда последнее представляют себе перевёрнутым, и не воспринятым во внутреннем человека, а излучающимся наружу; эта реальность при контакте с человеком отдаёт своё собственное содержание, вливающееся в качестве тона в Я-переживание, тогда как перевёрнутое чувство равновесия представляет деятельность, которой формируется устройство слуха.

Разные корректуры в А и В.

71,8-9	А некий род жизненного процесса
	В некий род процесса питания
71,9-10	А эта деятельность
	В деятельность
71,11-12	А некий род питания
	В некое питание

2. Рукописные наброски.

Сохранились различные рукописные наброски к «Антропософии». Речь идёт о предварительных этапах находящейся в процессе становления рукописи, которые охватывают от целой главы до маленьких отрывков. Поэтому они начинаются и заканчиваются порой посередине предложения, ибо на этом месте были прерваны или включены в контекст соответствующего места рукописи. Наброски напечатаны в первоначальном стиле по рукописям. По возможности даны ссылки на места в более поздней редакции рукописи и печатных листов. Дополнения ответственного редактора стоят в [квадратных] скобках.

1.

Шесть страниц, причём вторая страница отсутствует. — Более ранний, вероятно первый вариант главы I, начало которого совпадает с началом печатной редакции, но затем, начиная с четвёртой страницы рукописи (см. гл. I, с. 17, последняя строка и далее) тексты иногда отличаются.

Теософия исходит из того, что человек является прежде всего духовным существом. И она стремится познать его как такового. Как человек изживает себя в тех или иных условиях, как он формируется в том или ином климате, в то или иное время, это для неё есть откровение духовного существа. Она стремится познавать различные формы, в которых может обнаруживать себя это духовное существо, и представлять из духа то, что антропология пытается познать посредством внешнего созерцания. Мнение об этом духовном суще-

стве она освещает не как произвольное утверждение. При этом, как и антропология, она опирается на факты, хотя эти её факты тоже вполне естественно оспаривают с многих сторон. Она говорит о том, что внутреннее человека не является замкнутым, незабываемым, а способно развиваться. Для неё в этом внутреннем заключены зародыши, которые могут развиваться. И благодаря этому развитию человек переживает не *только* внутренние факты. Более того, он проникает в мир, являющийся для него внешним миром не менее, чем чувственный мир, предстоящий как таковой. Внутренние переживания становятся посредниками внешнего духовного мира. Они как таковые не являются самоцелью; они являются средством прийти от внутреннего во внешний духовный мир, равно как органы чувств являются средством превратить внешний чувственный мир во внутренний душевный мир. Естественно, отношение человека к духовному внешнему миру должно быть иным, чем к чувственному. Форма последнего всегда будет представляться ему одинаковой, как бы он к ней ни подходил. Что бы ни происходило во внутреннем человека, ничего нельзя изменить в том, каким в своём протекании является видимый факт. Дело обстоит совсем иначе, когда внутреннее должно превращаться в орган наблюдения духовного мира. Тут становится необходимым, чтобы всякий личный производ был приведён к молчанию. И требуется совершенно определённая подготовка, чтобы этого добиться. Поскольку эта подготовка может дать необходимую степень совершенства лишь приблизительно, людям всегда будет трудно достичь согласованности по поводу того, что они переживают в духовном мире благодаря развитию своего внутреннего. У духовных исследова-

телей не возникает такой лёгкости, с которой естествоиспытатели могут добиваться согласия по поводу видимых фактов. Но в самих фактах ничего не изменяет то обстоятельство, что человек благодаря развитию зародышей, дремлющих в его внутреннем, может образовать себе органы, которые приведут его в духовный мир. И только тот, кто ничего не хочет знать об этих фактах, может извлекать возражения против исследования духовного мира из того обстоятельства, что духовные исследователи не приходят к соглашению друг с другом.

Следовательно, теософия покоится на переживаниях человеческого внутреннего. Если однажды эти переживания будут обнаружены одной душой, то могут стать понятными и всякой другой душе, которая не закрыта для понимания. Ибо всё, что переживает одна душа, как бы высоко она ни была развита, может прозвучать откликом в другой. Благодаря этому так же, как это происходит в чувственном мире, духовный мир приносит сообщение от человека к человеку. Относительно видимых фактов должно царить согласие, потому что каждому, кто рассматривает их непредвзято, они представляются в одинаковом роде. О факте духовного мира нельзя добиться согласия тем, что людей проведут внешне перед фактом и покажут его им; однако такое согласие всегда будет достигнуто, если люди сами себя поставят перед соответствующими духовными фактами на внутреннем душевном пути. – Тех людей, которые действительно это делают и при этом руководствуются только истиной, не смутят высказывания различных духовных исследователей. Из трудностей, которые обнаруживаются, они, исключив всякий

личный произвол, вполне находят понимание этих расхождений.

Это понятно, что точка зрения теософии многим кажется сомнительной. Так как она выступает в духовном развитии человечества, она поднимается над переживаниями непосредственного бытия на высшую точку духовного исследования. И хотя люди, с неизбежным удовлетворением использующие в жизни выводы теософии, несут навстречу ей, пожалуй, глубокий интерес, будут всё же и другие, живущие с мнением, что человеку невозможно развить способности до такой высоты. И хотя несомненно, что пути всегда проистекают именно из результатов духовного исследования, чтобы связывать с ними непосредственную жизнь, эти пути, однако, длинны для добросовестных людей. Поэтому во многих отношениях то, что теософия может сказать о человеке, кажется довольно далеко отстоящим от результатов антропологии.

Теперь следует взять следующую, третью, точку зрения, расположенную посередине между антропологией и теософией. И проистекающий отсюда взгляд должен обрисовать *антропософию* как таковую. Результаты внутренних переживаний должны быть показаны непосредственно, не как в теософии, и внешний человек в таком случае изображается как откровение духовного существа человека; более того, само это откровение должно быть внимательно рассмотрено. Внешнего человека следует наблюдать так, как он переживается в видимом мире. Однако это наблюдение должно происходить так, чтобы сквозь всё откровение отыскивать духовную подоснову. Не следует, как в антропологии, оставаться при описании откровения, то есть на очевидном фактическом. Если теософия нахо-

дится как бы на вершине горы и оттуда обозревает ландшафт, а антропология, напротив, остаётся внизу на равнине и исследует лес за лесом, дом за домом, то антропософия для своей точки зрения избирает склон горы, откуда ещё должны быть различимы частности, но уже однако объединившиеся в единое целое.

Здесь должен быть представлен лишь эскиз охарактеризованной таким образом науки. Поэтому почти всё покажется только едва намеченным. Через некоторое время к этому эскизу присоединятся два других, образующих с ним одно целое. В этом эскизе будет описано лишь то, что относится к телесному человека. И в узком смысле это должно называться антропософией. Второй эскиз в отношении душевного должен быть назван психософией, а третий – в отношении духовного человека – пневматософией. И тогда этим на другом пути, нежели избираемый самой теософией, будут снова получены её результаты.

2.

10 страниц. — Ранняя редакция, принадлежащая к гл. III. Этот предварительный этап, разделённый на три отрезка — один раз звёздочками*, другой раз интервалом — начинается такими же словами, как в гл. III (см. с. 36, строка 19 и следующая), но потом текст становится совсем иным.

От начала абзаца – 21 строка: участвует своим «Я», в котором созидает себя на основании чувственных переживаний душевный мир. Он уже не участвует в построении своего организма чувств. Однако размышле-

* В немецком тексте видимо опечатка, должно быть по смыслу Sternchen (прим. перевод.).

ние подсказывает ему, что бытие не может ограничиться тем, что он воспринимает органами чувств, потому что он не смог бы иметь никаких чувств для чувственного восприятия без этого невидимого бытия.

Совершенно справедливо в противовес человеку, представленному в чувственном мире, говорить о другом, не имеющем возможности обнаруживать себя в этом мире. Первый находится во взаимоотношениях с видимым миром и из него развивает свою душевную жизнь; второй находится во взаимоотношениях с другим миром и из него развивает способности к чувственному восприятию. Второй человек как бы помещён внутрь первого. Но находясь в нём, он образует гораздо более устойчивое строение, чем первый. Душевная жизнь, как она строится на основе мира чувственных восприятий, обнаруживается во внешней конфигурации человека. Посмотрите на лицо человека, которому постоянно улыбалось солнце жизни, и сравните его с тем, которому трудные жизненные заботы вчланили многозначительные следы. Если продолжают такие наблюдения, то вскоре приходят к представлениям о том, как характер душевной жизни обнаруживается в физиогномии, в выражении лица, в жесте и конечно даже в фигуре человека. Но это проявление, которое внутри определённых границ является также результатом взаимоотношения между человеком и видимым внешним миром, имеет нечто неопределённое, нечто находящееся в непрерывном колебании и становлении. Оно не даёт никакой устойчивой структуры. Зато результат, представленный способностями самого чувственного восприятия, внутри наиболее широких границ является завершённым, устойчивым, образующим не-

кое основание, на котором человек уже созидает свою подвижную осознанную душевную жизнь.

Как теперь напрашивается мысль о таком различии между внешним миром и внутренней душевной жизнью человека, при котором последняя даже является отражением первого благодаря их взаимоотношению, так же напрашивается предположение о подобном различии между скрытым внешним миром и внутренним миром человека, скрыто расположенным позади мира, в котором прежде всего живёт «Я», когда оно опирается только на видимый мир. Можно различать между миром, простирающимся перед человеком, когда он открывает одно или несколько из своих чувственных врат, и тем, который присоединяется к этому миру во внутреннем человека благодаря взаимоотношению. Тот, простирающийся перед человеком, мир должен быть назван здесь «чувственным миром». То, что в человеке описанным способом выступает ему навстречу, должно быть названо «Я-человеком». Только в настоящий момент с этими именами не следует связывать ничего другого, кроме того, для чего они используются здесь непосредственно. – Мир, исходя из которого образуются способности чувственного восприятия, подобно тому как образуются, например, представления из «чувственного мира», следует назвать «эфирным миром»; а рождённое в человеке из этого «эфирного мира» таким же образом, как «Я-человек» – из чувственного мира, следует назвать «астральным человеком». С «эфирным миром» не нужно связывать «эфир» в физике, а об «астральном человеке» не следует в настоящий момент воображать ничего другого, кроме охарактеризованного здесь. В таком же роде, как «эфирный мир» лежит в основе «чувственного мира»,

«астральный человек» лежит в основе «Я-человека». Как «эфирный мир» не может быть воспринят чувственным образом, потому что он должен сперва породить чувства, так и «астральный человек» не может быть пережит чувственно, так как он должен предшествовать образованию чувственных способностей.

* * *

Теперь можно приступить к рассмотрению человека ещё с другой стороны. Прежде всего сам человек представляет себя существом внутри чувственного мира. Однако это представление подлежит изменению. Характерные особенности человека различны в разные возрастные периоды жизни. Если рассматривать ребёнка как видимое существо, то на основе того, что представляется чувствам, отнюдь нельзя увидеть, как он будет выглядеть во взрослом состоянии. И всё же следует предположить, что предпосылки и силы, позволяющие ребёнку развиваться из детской формы во взрослую, уже в нём существуют. И тут добросовестное рассуждение показывает, что реальность, бытие таит в себе больше, чем можно воспринять в видимом мире. Прослеживание развития позволяет задуматься и составить себе представление о сокрытом здесь. Вплоть до смены зубов – примерно на седьмом году жизни – это сокрытое влияет преимущественно на облик внешнего человека. Примерно в это время органы внешнего тела приняли свою постоянную форму. И хотя с тех пор рост членов тела продолжается, это однако не прямое преобразование уже заложенных прежде очертаний. Кроме того с тех пор в самом себе начинает

жить скрытое внутреннее, и оно становится доступным силам, разворачивающим свою деятельность больше в скрытом внутреннем. В первые годы жизни внутренние силы в качестве формирующих сил стремятся больше к внешней телесности; в последующие годы жизни они больше держатся в самом внутреннем, пока не созреют для переноса своего бытия на другое существо, пока человек не станет способным к продолжению рода. В том, что невидимо развивается в человеке вплоть до полового созревания, необходимо видеть то, что может быть передано потомкам. – Тут надо подключить соображение, являющееся важным для познания человеческого существа. Предпосылки для того, что может человек передать по наследству физическим потомкам, заключены в том, *что* достигает известного завершения своего развития с половой зрелостью. Если в более позднюю эпоху жизни что-либо из усвоенного человеком должно быть передано по наследству, то вначале это должно соединиться с силами, присутствующими тут уже с достижением половой зрелости, и только через них окольным путём может быть передано по наследству. Ибо само собой разумеется, что все условия, существенные для наследования, должны быть уже развиты с достижением половой зрелости. – С половой зрелостью в человеке прекращает развиваться то, что может переноситься изнутри наружу и что обнаруживается как формирующие силы собственного тела в первый детский период жизни, а позже формируется во внутреннем так, что свою форму человек может перенести на потомков. Если с этого момента человеческое развитие продолжается дальше, то тогда оно по-прежнему может касаться только самого внутреннего. Дальнейшее развитие человека продолжает теперь то,

что должно переживаться прежде всего как внутреннее, как душевное содержание. Но теперь это внутреннее не может быть приравнено к тому осознанному, просвечивающему из «Я» душевному содержанию, которое образуется из чувственных восприятий. «Я» не до такой степени владеет неким внутренним развитием, как оно владеет развитием осознанного содержания души. Навстречу душевной жизни, возбуждённой извне чувственным восприятием, изнутри приходит другая, которая действует так, что каждый человек воспринимает чувственный внешний мир с совершенно определённым душевным оттенком. Таким образом, в человеке находится нечто, приходящее изнутри навстречу возбуждению чувств и всё же не принадлежащее самой области человека, возбуждённого органами чувств. Так посредством только чистого рассуждения наталкиваются на «внутреннего человека», скрывающегося позади «Я-человека», потому что он уже должен тут присутствовать, прежде чем «Я-человек» сможет начинать свою жизнь. – Нетрудно признать, что этот «внутренний человек» есть именно тот, о котором говорилось, что он вступает во взаимоотношения со скрытым миром, располагающимся позади «чувственного мира». И всё же *этот* «внутренний человек» не может быть возбуждаем теми внутренними силами, развитие которых находит своё завершение с наступлением половой зрелости, так как он продолжает развиваться ещё и после этого периода. Его вовсе нельзя причислить к человеку, проявляющемуся в формировании тела и в перенесении своей сущности на потомков. Гораздо больше он должен корениться в существе, которое не имеет ничего общего именно с упомянутыми проявлениями человеческих сил. Да и не может он

происходить из внутреннего так же, как проявления этих сил. Ибо проявления этих сил заставляют человека выявлять наружу таящееся в его внутреннем. Однако этот «внутренний человек» действительно должен вступить во взаимоотношение с внешним обликом, так как он продолжает развиваться именно тогда, когда к своему завершению пришли внутренние формирующие силы и предпосылки наследования. У *этого* внутреннего человека есть всё, что позволяет считать его равным названному выше «астральному человеку».

Следовательно, для этого «астрального человека» необходимо в «эфирном мире» предположить воздействия, означающие нечто подобное чувственным впечатлениям «Я-человека». «Астральный человек» сформирован из «эфирного мира» так, как «Я-человек» – из «чувственного мира». Таким образом, между «эфирным миром» и «астральным человеком» существует взаимодействие, лежащее позади всего чувственного мира. – Если снова использовать образ, то представим чувственно невоспринимаемую морскую массу, в которой разыгрывается взаимоотношение между «эфирным миром» и «астральным человеком»; а из этой морской массы выделяется как континент взаимодействие между «чувственным миром» и «Я-человеком».

Можно ли теперь искать «эфирный мир» *только* вне человека? Очевидно нет. Ведь человек воспринимает свою собственную телесность посредством чувства жизни, чувства собственного движения и чувства равновесия, так же как внешние объекты он воспринимает с помощью чувств обоняния, вкуса и т.д. Следовательно, должна быть возможность того же взаимоотношения между «эфирным миром» и «астральным человеком» как для внешнего мира, так и для погружения в

собственную телесность. Но это показывает, что внутри своей собственной телесности человек должен иметь кое-что равное «эфирному миру». Другими словами, он должен нести в себе часть этого эфирного мира как особого «эфирного человека». Так человеческое существо представляется состоящим из трёх членов: «Я-человека», «астрального человека» и «эфирного человека».

«Эфирный человек» – это то, что как чувственно невоспринимаемое лежит в основе воспринимания состояния собственной телесности посредством первых трёх названных чувств. Таким образом между «астральным» и «эфирным» человеком существует взаимодействие. Наблюдение жизни показывает, что даже «Я-человек» проявляется во внешней телесности: в мимике, физиономии, жесте и так далее. Как же это возможно? Выявлено, что силы «внутреннего человека», находящие завершение своего развития с половой зрелостью, действуют на форму внешней телесности. Следовательно, если «Я-человек» должен воздействовать на внешнюю телесность, то это возможно только в том случае, когда он осуществляет это на окольном пути этого «внутреннего человека». Так как это происходит, имеет место воздействие «Я-человека» на *этого* внутреннего человека. Гораздо более глубокая связь существует между «астральным человеком» и этим внутренним человеком, чем между ним и «Я-человеком», и это проявляется в том, что характер отношения «астрального человека» к внешнему миру обнаруживается в телесности значительно сильнее, чем душевное содержание «Я-человека». Когда человек следит за всеми фактами внешнего мира со страстным участием, на телесности это заметно гораздо больше, чем если бы он

переживал то или иное посредством чувственного восприятия. Из этого следует, что на охарактеризованного внутреннего человека воздействует «астральный человек». – Тут внутри человека приходят в противоречие две сферы сил. «Астральный человек», состоящий во взаимоотношениях с внешним «эфирным миром», наталкивается на охарактеризованного внутреннего человека, содержащего в себе формирующие силы и предпосылки размножения. Теперь нетрудно признать, что в этом столкновении дано подобие взаимоотношения между «астральным человеком» и «эфирным миром». Отсюда же и проясняется, что охарактеризованный внутренний человек есть тот же «эфирный человек», но данный уже с другой стороны. Таким образом, «эфирный человек» является носителем телесных формирующих сил и предпосылок размножения.

Видно, как смыкаются человек и внешний мир. Прежде всего во взаимоотношении находятся чувственный мир и «Я-человек». В основе этого взаимоотношения лежит другое – взаимоотношение между эфирным миром и астральным человеком. В эфирном мире должны присутствовать чувственно скрытые образующие силы для внешних чувственных способностей: для чувств обоняния, вкуса и т.д. Астральный человек во взаимоотношении с эфирным человеком ориентирован внутрь, и в этом взаимоотношении проистекают восприятия чувств жизни, собственного движения и равновесия. Но с другой стороны, эфирный человек изживает себя в формообразовании и в предпосылках размножения.

Что же является внешним телом человека, телом, в котором таким образом живёт отображение эфирного человека. Однако это не следует понимать упрощёно.

Если, например, принять во внимание форму уха, то оно по своему характеру сформировано с двух сторон. Живущее в эфирном мире позади звукового мира воздействует так, что ухо может быть органом чувства слуха. Но навстречу этому формированию извне изнутри должно приходить нечто другое, так как в форме телесных органов эфирный человек изживает себя тоже. Каково это соотношение, видно из следующего рассуждения. Силы эфирного мира не везде, где они распространяются, могут вызвать возникновение органа слуха. Наталкиваясь на камень, они этого не смогут. Почему? Камень в себе не обнаруживает ничего подобного охарактеризованному эфирному человеку. Он изнутри не строит из себя свою внешнюю форму подобно человеку. Он даже не размножается. Итак, чтобы мог образоваться орган слуха, формирующее слух должно встретиться в эфирном мире с эфирным человеком. Но этого ещё не достаточно. Растение растёт и размножается. Если к человеку причисляют эфирного человека, то и к растению следует причислить эфирное растение. Однако у него отсутствует взаимоотношение, охарактеризованное выше для человека как взаимоотношение между астральным человеком и эфирным миром. Следовательно, для начала созидания чувственных способностей в столкновение сил эфирного мира с эфирным человеком должно вдвинуться ещё это взаимодействие между эфирным миром и астральным человеком.

Итак, внешний человек по своему формообразованию – сложное существо: таким, каким он представляется, он может быть только благодаря тому, что за этим внешним формообразованием стоят эфирный, астральный и Я-человек. Так, благодаря тому, что к этим трём

членам его существа причисляют ещё четвёртый – внешнюю форму, которая должна быть обозначена как физический человек, получается четырёхчленность человека.

Рассмотрение чувств привело к признанию в человеке четырёхчленного существа. Однако тот, кто тщательно рассматривает данное рассуждение, может найти в нём кое-что неудовлетворяющее, вызывающее дальнейшие вопросы. Так указывалось, что жизнь чувств предполагает взаимоотношение между эфирным миром и астральным человеком. Этого астрального человека противопоставляют впечатлениям чувств как ближайшее внутреннее. Его свойство проявляется в оттенках, принимаемых переживаниями чувств во внутреннем, хотя Я-человек и не имеет на это непосредственное влияние. Ну а теперь без рассуждений должно быть понятно, что переживания астрального человека переносятся на эфирного человека, поскольку в физиогномии, жесте и так далее видно, как переживания этого астрального человека действуют формирующе на физическое. Хотя, насколько тут это видно, происходит это в очень незначительной степени. Ничто, правда, не противоречит тому, что эфирный человек, будучи сильнее возбуждённым *таким же* способом, может также и проявляться гораздо сильнее в формировании физического человека. Но необходимо признать, что силы, побуждающие эфирного человека к образованию жеста и физиогномии, не могут быть теми же силами, которые воздействуют на него так сильно, что он отчеканивает формы органов чувств. Этим обнаруживается в эфирном мире существование некоего двойного бытия. Одно воздействует на астрального человека, а дру-

гое, являющееся более сильным, может воздействовать на эфирного человека, делая его способным чеканить формы органов чувств. Это показывает, что, исходя из самого эфирного мира, действует нечто подобное астральному человеку, возбуждая в эфирном человеке те формирующие силы, которые отчеканивают органы чувств. Таким образом, в той сокровенной области, где необходимо искать эфирный мир, имеют дело ещё с другим миром, воздействующим на эфирного человека и являющимся родственным астральному человеку. Пусть теперь та часть мира, которая находится во взаимоотношениях с астральным человеком, будет названа эфирным миром в узком смысле слова; однако другая, к которой привело рассуждение, из-за её родства с астральным человеком пусть называется астральным миром. Итак, можно сказать, что на Я-человека воздействует мир чувств, на астрального – эфирный мир, а на эфирного человека – астральный мир.

А так как в физическом человеке должно быть сформировано столько органов чувств, сколько выявилось отдельных областей чувств, то в астральном мире необходимо различать столько же различных силовых зон, сколько может быть перечислено чувств. Эти силовые зоны в эфирном человеке возбуждают тогда соответствующие формирующие силы так, что в физическом человеке образуются соответствующие органы чувств. – Конечно, выявленный тут общий факт, претерпевает различнейшие изменения в частных случаях. Такие модификации должны выявляться, поскольку сферы чувств обладают различным бытием. – Возьмём, например, чувство обоняния. С его помощью человек лишь в малой степени проникает во внутреннее какого-либо материального тела. Этому чувству предстаёт

только внешняя сторона материального. Сравним с этим чувство тепла. Благодаря ему человек проникает во внутреннее внешнего тела гораздо больше. Отсюда выявляется, что орган чувства обоняния должен быть построен изнутри более мощными, а снаружи – меньшими силами; орган чувства тепла, напротив, должен быть построен меньшими силами изнутри и более мощными снаружи. Если же рассмотреть отдельные области чувств, то в отношении построения снаружи и изнутри выявляется некая последовательность. Три первые чувства: чувство жизни, чувство собственного движения и чувство равновесия – по-существу построены изнутри; то есть, та часть эфирного мира, которая развивается как эфирный человек, является деятельной в их построении. Этот эфирный человек так формирует физическое тело, что оно пригодно для восприятия названных чувств. И он в состоянии так его формировать, потому что он сам склонён к этому силами астрального мира. Видно, что при созидании человека, поскольку он обнаруживается в трёх названных областях чувств, имеют дело с взаимодействием астрального мира и эфирного человека, вовсе не имеющим ничего общего с тем взаимодействием, которое имеет место между эфирным человеком и астральным человеком. По-другому это обстоит в отношении чувств обоняния, вкуса, зрения, тепла и слуха. В них эфирный человек должен выполнить такое построение, что взаимодействие эфирного мира и астрального человека возможно в соответствующих областях чувств. То есть, для каждого из этих чувств на эфирного человека должна действовать сила из астрального мира. А от воздействия этих сил астрального мира в эфирном человеке возникают формирующие силы, подводящие

соответствующие чувства к своей задаче. Можно также сказать, что астральный мир взаимодействует непосредственно с эфирным человеком в чувствах жизни, собственного движения и равновесия; в чувствах обоняния, вкуса, зрения, тепла и слуха астральный мир действует так, что для формирования органов чувств принимается во внимание астральный человек. – Совсем иначе обстоит дело в отношении чувств речи и понятия. Здесь необходимо более непосредственное взаимодействие между внешним миром и астральным человеком, чем в названных ранее пяти чувствах. Это непосредственное взаимодействие приближается уже к такому, которое имеет место между Я-человеком и восприятиями чувств и физически проявляется в выражении лица и в физиономии. И поэтому эта область чувств может формироваться только при вступлении человека в контакт с внешним миром, то есть после рождения, в то время как формирующие силы других чувств, по-существу, приводятся в мир уже с рождением. Мы вправе сказать: в то время как силы для построения чувств жизни, собственного движения и равновесия скрыты глубоко позади мира чувств, силы для чувств речи и понятия располагаются непосредственно за миром чувств. В таком случае силы, служащие для построения чувств обоняния, вкуса, зрения, тепла и слуха, находятся между ними. Это соотношение становится наглядным внешне благодаря тому, как антропология может описывать органы чувств, обнаруживающие себя в чувственном мире, то есть в физическом человеке. Для трёх первых чувств по существу нельзя описать отчётливо выраженные органы чувств. Только у чувства равновесия намёк на такой орган выступает в полукружных ушных каналах. Причина этого заключе-

на в том, что соответствующие формирующие силы чувств служат общему построению физического человека, и воспринимается этот физический человек тоже в соответствующих областях чувств. Чувствам обоняния, вкуса, зрения, тепла и слуха служат особые органы, встроенные в общее построение физического человека, потому что в их построении с высокой степенью активности соучаствуют именно силы внешнего мира. Для чувств речи и понятия по существу таких особых органов больше не существует, потому что эти чувства уже приближаются к тем областям, где физический человек склоняется к душевному.

Как было выявлено, «Я» с одной стороны и чувство осязания с другой стороны не причислены больше к области чувств. Однако, они до некоторой степени образуют обе границы жизни чувств. «Я» усваивает восприятия чувств и преобразует их впечатления в душевные переживания. Как таковые они являются целиком *внутренними* и перестают принадлежать жизни чувств. Для чувства осязания объекты остаются целиком *внешними*. Переживаемое в них благодаря чувству осязания в сущности является внутренним переживанием, относимым благодаря скрытому суждению к внешнему миру. А эти внутренние переживания принадлежат областям чувств жизни, собственного движения и равновесия. Ясно, что внешний мир, обнаруживаемый человеком с помощью осязания, вначале в определённом смысле можно назвать всецело внешним миром, потому что для его восприятия не нужно встраивать в человека никакого особого чувства. Между этим внешним миром и человеческим «Я» лежат области, из которых четырёхчленный человек развивает себя наружу.

А теперь разница между этими областями чувств вынуждает находить внутри этих областей ещё большее различие. В области чувств жизни, собственного движения и равновесия обнаруживаются формообразующие силы эфирного человека, изживающие себя в физическом человеке. Астральный человек не принимается ими во внимание. Следовательно, в них имеют дело с силами, так работающими во внутренней телесности, как если бы астральный человек для них тут в некотором отношении не существовал. Таким образом, они для своей деятельности спускаются в такие скрытые глубины человеческого бытия, что избегают астрального человека. В области следующих пяти чувств обнаруживаются формообразующие силы, принимающие в расчёт астрального человека. В чувствах речи и понятия проявляются силы, уже совсем близкие тому, что обнаруживается посредством чувств. Сообразно с этим необходимо различать: *мир чувств*, обнаруживающийся в Я-человеке и тем самым формирующий осознанную жизнь; непосредственно за этим миром чувств – скрытый *эфирный мир*, формирующий астрального человека; в этом эфирном мире снова скрывается *астральный мир*, так формирующий эфирного человека, что он развивает формирующие силы физического человека; однако за этим астральным миром должен предполагаться ещё другой. Ибо как было показано

3.

Фрагмент, на обороте листа записки архивный № NZ 226. — Возможно принадлежит к гл. III (см. с. 37, строка 20 и далее).

Вещество внешнего мира следует рассматривать, как оно предлагает себя чувству осязания. В этой форме чувственное переживание человека отходит от него. Следовательно, тут оно не имеет в себе ничего, что может проникать во внутреннее человека. Здесь вещество предлагает только свою внешнюю сторону.

4.

Фрагмент. — Вероятно принадлежит гл. IV (см. с. 52).

Но как же теперь то, что ощутимо воспринимается жизненными органами, относится к «эфирному телу», охарактеризованному именно как чувственно не воспринимаемое. Непредвзятое размышление по этому поводу должно выявить следующее. Невоспринимаемые откровения «эфирного тела» сперва сами должны породиться в такой форме, что они становятся не только переживаемыми «астральной жизнью», но и чувственно воспринимаемыми «Я-человеком».

5.

Две страницы. — Возможно принадлежат к предварительному этапу гл. IV.

Чувство слуха и чувство тепла больше свидетельствуют о своей взаимной принадлежности процессам дыхания и согревания, чем процессам сохранения и роста; зато можно признать единство последних как процес-

сов, которые скорее эмоционально проявляются внутренними чувствами во внутреннем тела, их единство с чувствами движения и равновесия. Жизненные процессы роста и сохранения больше воздействуют в направлении внутренних чувств, а процессы согревания и дыхания больше воздействуют на те чувства, благодаря которым человек открывает врата своей жизни наружу. Вследствие этого внешние чувства получают усиление через жизненные процессы в одном направлении, внутренние чувства получают то же самое в противоположном направлении. Этот факт может стать наглядным благодаря изображению. Представьте себе окружность сферы чувств в виде шара, с поверхности которого действуют переживания чувств. Чтобы правильно оценить противоположность воздействий внешних и внутренних чувств, представьте себе, что в одном месте шара есть сморщивание внутрь, и подобным же образом могут быть символизированы области внутренних чувств во внутреннем шара. Если же с помощью этого шара хотят кроме того наглядно показать усиливающие воздействия жизненных процессов на переживания чувств в одном и в другом направлении, то должны представить себе этот шар растянутым в двух противоположных направлениях. В таком случае на одном конце действуют жизненные процессы, связанные с такими внутренними переживаниями, как дыхание и согревание, устанавливающими связь жизненного процесса с внешним миром; в другом направлении действуют жизненные процессы, обнаруживающиеся в таких внутренних переживаниях, как выделение, сохранение и рост. Таким образом, говоря конечно символически, можно сказать, что человеческому телу силами, проявляющимися в его органах чувств, прида-

ётся шарообразное устройство. Это устройство благодаря жизненным органам вытягивается в длину. – Так существуют благодаря этому два возникающих направления различной жизненной ценности. На одной стороне, где проявляются дыхание, согревание и питание, жизнь, чтобы обновиться открывается наружу; с выделением и процессом сохранения она продвигает свои процессы внутрь собственного тела. Благодаря этому в известной степени она возобновляется в себе самой. Дальнейшие процессы показывают затем, что с ростом и порождением дано нечто такое, что благодаря своей особенности лишено непосредственного жизненного возрождения. Силы, действующие обновляюще на жизнь в дыхании и согревании, уже не поступают к тому, что дано с ростом и порождением. Во внутреннем тела возникают – или точнее, протекают непрерывно изнутри наружу – готовые образования, обречённые на умирание. (В животном царстве видно, как эти образования лишаются своей жизненности и выталкиваются, например у низших животных через сбрасывание кожи. У человека также существует такое непрерывное выталкивание, даже если это менее заметно. Достаточно понаблюдать, как на пальцах выталкиваются изнутри ногти и на своём конце переходят в отмирающую часть.) Обозначенные выше символически обе стороны жизни представляются, таким образом, в виде противоречия возрождения и уничтожения жизни.

6.

Фрагмент. — Возможно принадлежит к гл. V, см. с. 54.

впечатления некоего вождения, которому позволяют в себе действовать. Более того, даже находятся под впечатлением того, что предшествует внутри человека некоему восприятию, чтобы получать это восприятие. «Я-человек» существует, поскольку он образует себе внутренние переживания по восприятиям чувств, когда приходят эти восприятия, когда он, например, вслушивается в звук; процессы во внутреннем

7.

3 страницы. — Предварительный этап к гл. VI. Два первых предложения почти дословно совпадают с теми, которые находятся в начале главы VI более позднего варианта, см. с.60.

В переживании «Я» нет ничего, возбуждённого чувственным процессом. Напротив, «Я» в своё собственное переживание принимает результаты чувственных процессов и из них строит себе структуру своего внутреннего — собственного «Я-человека». Таким образом во внутреннем этого «Я-человека» находятся силовые направления, встречающиеся следующим образом. «Я» изживает свою сущность до известной степени всесторонне; с разных сторон его самопереживание встречает силы, наталкивающиеся на него из разных направлений и по-разному проявляющие себя в зависимости от своеобразия переживаний чувств. В так называемом чувстве осязания переживание таково, что его содержание остаётся всецело заключённым во внутреннем, и только по этому внутреннему переживанию судят о

том, что происходит навстречу снаружи. Отсюда «Я» чувствует себя вправе предполагать в осязаемых объектах нечто по сути дела такое же, как само «Я», с той лишь разницей, что действительность, разыгрывающаяся во внутреннем как переживание осязания, действует снаружи в противоположном направлении. Это суждение более или менее осознанное, а в большинстве случаев как всецело неосознанное суждение, в самом деле лежит в основе всех восприятий осязания. «Я» переживает само себя на обратный манер. Для получения восприятия осязания «Я» должно развить своё переживание наружу, но благодаря соприкосновению с объектом вынуждено затормозить, а затем возвратиться в само себя. Я-переживание существует только тогда, когда беспрепятственно может разворачиваться всеобщность внутренних переживаний, и когда оно наполняется только своей собственной реальностью. Переживания других чувств лежат посередине между этими обеими крайностями. В чувстве понятия процесс переживания «Я» заторможен снаружи в самой значительной степени. Этот процесс переживания таков, что он настраивается на уменьшение относительно Я-переживания. Он уменьшился в своём изобилии. Он поделился своей собственной силой. И можно признать следующее. В восприятии понятия «Я» отдаёт от своего содержания; это происходит потому, что оно чувствует, как навстречу идёт некая сила. «Я» словно бы позволяет самому себе втекать в поток идущей навстречу силы. Если бы имело место только это вытекание Я-переживания, то «Я» почувствовало бы себя в своём переживании лишь обеднённым. Однако идущий навстречу силовой поток является реальностью и поэтому взаимодействует с вытекающим. Результатом их

взаимодействия является переживание понятия. А теперь представьте оба силовых потока как бы текущими в одном направлении, но один существует уже с давних пор, когда другой присоединяется к нему. Затем второй изменяет первый, и это изменение таково, что оно обосновано сутью второго. Благодаря этому образу можно наглядно представить себе восприятие понятия. Оба потока хотят представлять Я-переживания. Более давний поток течёт в переживаниях понятий. Присоединившийся позже – в собственном человеческом Я-переживании. В процессе слияния получается изменение давнего Я-переживания. Это изменение как факт обоих Я-переживаний располагается около них как третья. Если теперь в этом изменении видят орган восприятия понятия, то значение символа дано. Два Я-переживания взаимодействуют; новое является причиной органа восприятия в давнем, и в зависимости от изменения, которое претерпело давнее, новому открывается столкновение с давним. – Для чувства речи может быть использован этот же образ, только необходимо представить себе, что тут новое Я-переживание находит себя противопоставленным гораздо большему изменению давнего по сравнению с его изначальной особенностью, так что новое Я-переживание переживает изменение притекающего к нему давнего Я-переживания в значительной мере. Ещё в большей степени это происходит у чувства слуха. Для него давнее Я-переживание уже сильно отступает за изменение, которое оно испытывает при ударе. У чувства тепла дело обстоит уже так, что давнее Я-переживание испытывает такое изменение, что природа этого изменения существенно уравнивается с природой самого нового Я-переживания. В таком случае в новом переживании

понятия удар ощущается так, как если бы в вызываемом изменении находилось нечто такое, что как импульс уже присутствует в новом переживании. Тепло, приходящее снаружи, ощущают, когда оно в собственные Я-переживания вливается так, что оказывается аналогичным внутренним переживаниям тепла. У чувства зрения это происходит по-другому. Тут образ обоих течений должен быть выбран так, что течение, представляющее собой новое Я-переживание, само претерпевает изменение, которое располагается около изменения давнего Я-переживания. Теперь, после столкновения, друг на друга действуют не сами Я-переживания, а их обоюдные изменения. Новое Я-переживание посылает своё собственное изменение навстречу изменению давнего. И если изменение давнего Я-переживания так же сильно, как и изменение нового, то первое позволяет вливаться в последнее кое-чему от своей сущности и наоборот. И наступает факт некоего равновесия давнего Я-переживания с новым Я-переживанием. Так можно наглядно представить себе взаимодействие человека с внешним миром при переживании чувства зрения. Чувство вкуса в таком случае имеет место, когда изменение нового Я-переживания сильнее обнаруживается изменением давнего, благодаря чему наступает факт, который выглядит как сопротивление изменения нового Я-переживания давнему Я-переживанию. Вытекает до некоторой степени только часть нового Я-переживания, другая же часть снова возвращается в новое «Я». Ещё сильнее оказывается сила нового Я-переживания у чувства обоняния. И сильнее всего она наступает у так называемого чувства осязания. Тут она целиком сохраняет своё своеобразие по отношению к давнему Я-переживанию и при сопри-

косновении отклоняет его, чтобы всё, содержащееся в себе, пережить в самой себе. При осязании собственное «Я» человека посылает свои силы, чтобы не допустить их изменения при соприкосновении с внешним миром, а пережить их, снова отражая в противоположном направлении. Поэтому можно также сказать: при осязании поток Я-переживания течёт наружу, ничего не отдавая от себя во внешний мир, а в направлении снаружи внутрь – снова переживая своё полное содержание. В чувстве обоняния Я-переживание устремляется наружу, теряет часть своего содержания, а оставшуюся часть переживает в таком изменении, которое ему непечатлено снаружи. «Я», будучи переживанием обоняния, предоставило собственное содержание при преобразовании снаружи. При переживании вкуса «Я» должно отдать больше от своего содержания, поэтому тут преобразование собственной сущности переживается даже сильнее, чем при переживании обоняния. При переживании зрения «Я» сколько содержит, столько же примерно передаёт. При переживании тепла давнее Я-переживание оказывается сильнее; новое «Я» должно передать больше, чем оно содержит. Оно переживает другой род преобразования, вызванный в нём не снаружи, а достигнутый им самим изнутри наружу. Тогда становится понятным, как в чувстве слуха преобразование происходит в направлении изнутри наружу. Звук уже не живёт в том же мире, в который должны быть перенесены причины чувств вкуса и обоняния. Звук развивается изнутри наружу. Ещё в большей степени это происходит у чувства речи, а в наивысшей степени – у чувства понятия.

8.

Фрагмент, на обратной стороне записей на листе, архивный номер NZ 63, который воспроизведён на с. 174. — Вероятно, принадлежит к гл. VI, см. с. 62.

несут в себе часть внешнего мира. Однако, этот внешний мир несёт в себе отпечаток «Я».

Если теперь рассмотреть переживания чувства равновесия, то они представляются как процессы, которые не извне проявляются в первом «Я», а изнутри, когда они, впрочем, приведены в соответствие с тремя направлениями пространства. Ещё яснее это обнаруживается при переживаниях чувства собственного движения. В нём внутренние процессы переживают, как внешнее. У чувства жизни внутрь проявляется нечто подобное тому, что у чувства осязания наружу. Чем являются чувственные переживания, проявленные чувством жизни; соответствующие им образные ощущения однако проникают в человека не снаружи, а поднимаются изнутри. В чувственном переживании присутствует «Я»; но тут «Я» выступает во взаимодействии с одним лишь внутренним так, как в другом чувстве оно вступает в отношение с внешним миром.

9.

Фрагмент. — Принадлежит гл. VII, см. с. 64 и далее

У чувства слуха построение его органа в индивидуальной жизни по существу обнаруживается уже не так, как у чувств понятия и речи. Хотя в построения этих обоих чувственных устройств, а также Я-организма, не может быть вложено непосредственно видимое восприятие,

небольшое размышление всё-таки показывает, как осуществляется работа при этом построении. Это возникает из сил, которые, преобразовав вещества, обнаруживающиеся как Я-переживания, проявляются в астральном теле человека. В Я-организме в известной степени налицо само преобразованное «Я». В организме понятия – преобразованное понятие, в организме звука – преобразованный звук. Так как Я-переживание не убегает сверху вниз в бесконечность, а задерживается движущимися навстречу силами, то оно, так сказать, отражается в само себя. Когда понятие, после того как оно пережито, не исчезает бесследно, а удерживается во внутреннем человека, тогда из этого понятия возникает нечто, способствующее пониманию нового понятия. То же самое имеет место у чувства звука. Итак, в изначальном Я-переживании можно видеть стремящееся сверху вниз. В Я-организме, в органе понятия и органе звука – такие Я-переживания, которые благодаря силам, направленным снизу вверх, отражают сами в себя переживания, лежащие в «Я», в понятии и в звуке; они ведут к застою. Само собой разумеется, орган понятия никаким понятием не является. Но он является переживанием понятия, приведённым в себе к застою. – Однако ясно, что данным здесь описанием не может подразумеваться построение какого-либо органа в реальном физическом человеке. Исключением является только сам Я-организм, который, поскольку он отбрасывает в себя и доводит до восприятия совершенно бедное в себе самом Я-переживание, ничем другим не пользуется, кроме силы, подобной самому «Я», только противоположно направленной. Органом понятия, который есть как бы только перевёрнутое переживание понятия, можно передавать *только* переживания поня-

тия, не основанные на мире, подступающем к людям в пространстве и времени. И чувство звука, построенное только охарактеризованным способом, не может относиться к услышанному звуку, а только к чисто душевному пониманию нечувственных процессов, следовательно только к аналогу обычного чувства звука. — Можно ли теперь подобным образом представить себе устройство для органа слуха, осуществлённое через застой двух силовых направлений? Тогда надо принять, что позади тона скрыто нечто, что избегает самого переживания тона. Представьте себе Я-переживание, как оно преобразовано в переживании тона, встречающееся с противодействующей силой, которую оно не воспринимает так, как орган слуха тон, но которую отражает в противоположном направлении. Изначальный силовой поток и отражающий оформляются в таком случае в одно образование застоя.

10.

Фрагмент. — Как и № 9 принадлежит гл. VII.

Построение чувства слуха избегает сферы личной жизни человека. Это чувство дано человеку с его рождением. Органы Я-восприятия, чувства понятия и чувства звука предполагают наличие органа слуха. Подобное имеет место для чувств тепла, зрения, вкуса, обоняния, равновесия и собственного движения. Органы этих чувств должны уже существовать, когда в них следует укорениться органам организмов звука, понятия и «Я». Теперь представьте себе в образе данное в чувстве слуха преобразованное Я-переживание проходящим в одном направлении так, как представлено первоначаль-

ное проходящее сверху вниз Я-переживание, тогда для существования переживания слуха необходимо предположить орган, построенный из противоположного направления. Подобное имеет место для других чувств. – При рассмотрении чувства слуха оказывается, что в его переживаниях необходимо признать нечто, формирующееся непосредственно во взаимосвязи человека с внешним миром. Тон как таковой не может быть перемещён во внешнее пространство, но его можно объяснить чем-то, что возникает благодаря чувству слуха через внешний процесс, не являющийся тоном. Это ведёт к деятельности, охарактеризованной в предыдущем изложении в качестве порождения. Для чувства тепла дело обстоит иначе. Тут передача внешнего теплового процесса происходит непосредственно в человека. Внешний процесс продолжается во внутреннем переживании. Это более чем просто образное высказывание, когда говорят, что переживание тепла есть внешний процесс, воспроизведённый во внутреннем. Но это переживание тепла приводит к охарактеризованному выше процессу роста. – У чувства зрения восприятие перемещается наружу. В переживаниях слуха и в переживаниях тепла чувствуют себя погружающимися внутрь; в переживаниях зрения противопоставляют себя пережитому. Во время слушания тон воспринимается как пережитый внутренне, а сам человек ощущает себя его носителем. В процессе зрения цвет переносится наружу и перекладывается на внешнего носителя. Орган, противопоставляющий себя переживанию зрения, эмоционально с переживанием зрения не связан;

11.

Фрагмент. — Относится к гл. VIII, см. с. 79, строка 19 и далее; следующий за первым абзац данного фрагмента см. с. 77, строка 26 и далее.

называется, причём снова для этого названия не следует подразумевать ничего другого, кроме данного здесь.

В смысле вышеприведённого образа теперь можно сказать, что человек своим формированием, поскольку оно проявляется в направлении «справа-налево» и «слева-направо», указывает на астральный мир и низший духовный мир. Каждый чувственный орган для чувств слуха, тепла, зрения, вкуса и обоняния обнаруживает в своей форме, что симметричное формирование человека своим происхождением обязано взаимному проникновению астрального и низшего духовного миров. В формировании человеческого тела слева направо — относительно направления человека вперёд — следует представлять низший духовный мир; он действует слева направо, сдвигая эфирное тело, в которое вдвигается астральное тело, и достигая с помощью подпора создания человеческой формы. В формировании справа налево следует представлять эфирное тело, устремляющимся справа налево, в которое перемещается астральное тело. — Результатом этого проникновения астрального и эфирного тел следует рассматривать все симметрично сформированные органы чувств.

12.

Фрагмент.

Однако, чтобы эти органы чувств могли реально присутствовать во внешнем мире, их ещё необходимо заполнить веществом, которое в чувстве обоняния переживает своё самовосприятие. То, как они были охарактеризованы до сих пор, они предстают призраками, которым для внешней реальности не хватает наполнения. Как можно объяснить это наполнение веществом?

13.

Фрагмент.

Так каждым из переживаний чувств слуха, речи и понятия указано на что-то во внешнем мире, что не поддается этому переживанию. Исходящее Я-переживание словно пересиливает его. Поэтому само оно не может быть преобразовано в Я-переживание. Но всё-таки оно сможет проникнуть в человека, если дана возможность воздействовать на другой член человеческой природы, как на Я-переживание. В определённом отношении переживания астрального человека слабее, чем переживания Я-человека.

14.

Фрагмент. — Вероятно относится к гл. VIII, см. с. 77 и след.

Другое рассмотрение может продолжить движение в этом направлении. Если рассмотреть размещение чувств человеческого тела и тех жизненных процессов, то оказывается, что последние воздействуют на первые

до известной степени как предписание. Для самих чувственных процессов даже выявляется, что выступает единый порядок в отношении того, что в чувствах понятия и речи существуют внутренние переживания, как и в чувствах слуха, тепла, зрения, вкуса и обоняния. В чувствах равновесия, собственного движения и жизни опять-таки имеют место внутренние переживания, однако они даны более телесным образом, чем в чувствах понятия и речи, которые являются переживаниями душевного рода. Итак, в пределах самой жизни чувств налицо противоположность внешнего и внутреннего для человеческого тела. Через жизненные процессы вступает ещё некий иной порядок. Эти жизненные процессы прежде всего невозможно привести в связь с чувством понятия и с чувством жизни. Зато можно сказать, что до некоторой степени в расположении

15.

Три фрагмента. — Два фрагмента являются вариантами, третий примыкает ко второму. Вероятно относятся к гл. IX, см. с. 85 и след.

В чувстве жизни до определённой степени проявляется охарактеризованное выше внутреннее осуществление Я-переживаний. Теперь допустим некое нарастание сверх этой степени. Тогда силы астрального тела в своём собственном внутреннем повернулись бы и действовали бы в самих себе в противоположном направлении. Чувство жизни излилось бы до некоторой степени наружу. Если бы это имело место, то в человеке проявились бы силы, действующие изнутри наружу, которые были бы откровением того же рода, как они в

В чувстве жизни проявляется охарактеризованное выше осуществление процесса Я-переживания до определённого предела. Теперь допустим, что имеет место некое возрастание сверх этого предела. Тогда ощущения образа чувства жизни не только протискиваются в процесс Я-переживания и он сам их воспринимает, но они подходят к самим себе. То есть, имеет место то, что можно назвать жизнью понятия, хотя живой организм и не является носителем этой жизни. Что же надо добавить к обычной понятийной жизни человека, чтобы могло существовать такое самостоятельное бытие понятия? Мера добавляемого может оказаться в следующем роде: орган понятия обнаружился как

16.

Пять страниц и одна страница с одним вариантом; фрагмент № 17 содержит следующий вариант. — Предварительная ступень, относящаяся к главам VIII — X.

Представьте себе первый зачаток человека со всеми силами, которые он внутренне может иметь в физическом мире, охваченный снизу доверху одной силой, происходящей непосредственно из высшего духовного мира, силой, которая, действуя в одиночестве, породила бы человека, лишь поскольку он является носителем «Я». Прежде чем этот устроенный так человек может вообще возникнуть, эту силу должны захватить другие силы, действующие сзади вперёд (в действительности это означает только, что они заставляют первую действовать дальше, лишь отклоняя её в правый угол), и происходящие непосредственно из низшего духовного мира. Эти силы заключены в содержаниях чувств жиз-

ни, собственного движения и равновесия. Если даже содержания этих чувств и различны, то общим для каждого из них является использование их нашим «Я» для переживания собственного тела в физическом мире. Итак, они не предполагают ничего другого, кроме собственной телесности, когда её нужно пережить. В физическом мире они должны быть переживаемы в собственной телесности. Таким образом, тут они действуют через собственную телесность. Переживание чувств понятия, звука и тона буквально противоположны им. Воспринимаются переживания понятия, звука и тона так, что в них не может участвовать собственное тело. Отличительным свойством этих переживаний является их независимость от собственной телесности. Следовательно, «Я» должно переживать в них нечто, что оно способно включать в себя без взаимодействия этого из телесности. Одновременно это «нечто» должно быть независимо от органов, передающих эти переживания. А точнее, должно быть независимо подобно тому, как независимо само «Я». Итак, в понятии, в звуке и в тоне есть нечто, присоединяющееся в физическом мире к собственной телесности, как к этой телесности присоединяется само «Я». Таким образом, в физической телесности человека должны проявиться зачатки органов, которые вначале даже не имеют своей предпосылкой эту телесность. Эти зачатки органов представляют собой в таком случае особый организм, который внутри физического мира соприкасается с содержанием чувств равновесия, собственного движения и жизни, сначала не вступая в отношение с другими органами. Стало быть, содержания этих чувств должны действовать так, чтобы в уже существующем организме создать наполненные жизнью органы. Следова-

но, они являются силами, обнаруживающими в *физическом мире* свойство низшего духовного мира подобно самому «Я», обнаруживающему свойство высшего духовного мира. Содержания этих чувств должны так же непосредственно излучаться в физический мир, как излучается в него «Я». Если эти силы действуют таким образом на физического человека, поскольку он является носителем «Я», то они разделят этого физического человека на два физических сущностных члена, из которых один существует в жизненных зачатках, приступающих в дальнейшем к формированию физических жизненных органов; а другой эти жизненные зачатки будет формировать так, чтобы они могли стать носителями переживаний в «Я», происходящих из низшего духовного мира так, как само «Я» происходит из высшего. Но такими переживаниями являются переживания понятия, звука и тона, непосредственно родственные сущностному характеру «Я». Если теперь содержания чувств жизни, собственного движения и равновесия представить себе силами, которые, исходя из низшего духовного мира, захватывают в направлении сзади-вперёд изначальный зачаток физического тела как Я-носителя и этому зачатку напечатлевают свою собственную сущность, то они должны были бы этому физическому телу вчеканить органы, благодаря которым «Я» получает переживания, соединяющие его с низшим духовным миром подобно тому, как благодаря самому себе оно соединено с высшим духовным миром. Тон, звук и понятие по своему содержанию являются такими же непосредственными откровениями низшего духовного мира, как Я – откровением высшего духовного мира.

Если же далее представим первоначальный Я-зачаток физического человека не покоящимся в себе, а устремляющимся снизу вверх, то этот Я-зачаток через содержание, заложенное в чувствах жизни, равновесия и собственного движения, развился бы дальше к переживаниям тона, звука и понятия вследствие того, что содержания чувств жизни, собственного движения и равновесия захватили бы его и пронизали в направлении сзади-вперёд. – Допустим, этот преобразованный таким образом физический зачаток человека теперь был бы захвачен справа налево содержаниями чувств зрения, вкуса и обоняния, тепла и слуха, тогда эти содержания чувств не могли бы, разумеется, действовать на него, если бы не существовали соответствующие зачатки чувств. А само вещество ударилось бы до некоторой степени об этот зачаток; вследствие этого в зачатках органов, иначе развившихся бы благодаря содержанию чувств равновесия, собственного движения и жизни в органы понятия, звука и тона, этот зачаток преобразовался бы в такие органы, которые сами в себе переживали бы внешнее воздействие вещества. В физическом мире это возможно только при наличии жизненных органов. Теперь ясно, что только посредством уже имеющихся жизненных органов возможны процессы дыхания, согревания и питания. Выделение, сохранение, рост и порождение, напротив, являются такими процессами, которые в физическом мире вызывают Я-переживания, не зависящие от внешних процессов этого физического мира. Поскольку в чувствах жизни, собственного движения и равновесия проявляются именно такие процессы, то они предполагают наличие только внутренних жизненных органов. Итак, существуют жизненные органы, присоединяющиеся к

«Я» без внешнего влияния вещества, как присоединяются к нему, исходя из физического мира, понятие, звук и тон. А вот для переживаний чувства тепла, зрения и вкуса должно существовать внешнее вещество, от которого «Я» отделяет *своё* переживание. Таким образом, существуют жизненные процессы, ощущаемые только внутренне; и переживания тепла, зрения и вкуса включены в «Я» как ощущения, отделённые от внешнего вещества. Теперь предположим, что «Я» как живущее в физическом мире родственно астральному миру так, как благодаря самому себе оно родственно высшему духовному миру, а благодаря понятию, звуку и тону родственно низшему духовному миру. Это возможно только при наличии в нём самом жизненных процессов, воспламеняющихся другими жизненными процессами так, чтобы внутреннее благодаря этому было возбуждено соответствующим внешним жизненным процессом. Однако, в таком случае в порождении, росте, сохранении и выделении следует видеть такие жизненные процессы, которые могут быть возбуждаемы и снаружи, а в дыхании, согревании и питании – такие, которые могут быть возбуждаемы и изнутри. Только одновременно необходимо предположить, что к внутренним дыханию, согреванию и питанию добавлены процессы, возбуждающие из внешнего мира непосредственные процессы внутри «Я», которые прямо к «Я» присоединяются тоном, звуком и понятием. То есть: из астрального мира в Я-зачаток должны были бы приходиться воздействия, отделяющие одни жизненные процессы от других жизненных процессов в том же смысле, в каком само «Я» отделяет от себя тон, звук и понятие, впрочем даже Я-восприятие. Когда внутренние дыхание, согревание и питание возбуждаются че-

рез «Я», которое непосредственно из внешнего мира принимает то, что это «Я», живущее в физическом мире, отделяет в переживаниях вкуса, зрения и тепла, тогда такое «Я» могло бы действовать в указанном смысле. Таким образом, физический человек должен бы из астрального мира встретить некое «Я», которое благодаря своей сущности не является находящимся за пределами переживаний вкуса, зрения и тепла и только использующим органы для их восприятия, но по самой своей сути существует *внутри* этих переживаний. Переживания вкуса, зрения и тепла следует представлять себе не мертвенно-материальными, а одушевлёнными тем «Я», которое родственно высшему и низшему духовным мирам. Тогда такое «Я» могло бы дать своей внутренней жизни воздействовать на физический зачаток человека, а переживания вкуса, зрения и тепла могли бы изнутри пронизывать этот физический зачаток. Тогда, если бы содержание этих чувственных переживаний пронизали для «Я» физический зачаток, они в таких зачатках органов, которые вызывают жизненные процессы для чувств равновесия, собственного движения и жизни, могли бы вызвать преобразование, которое превратило бы эти зачатки органов в органы порождения, роста, сохранения и выделения. Так, если бы «Я» до определённого момента было бы внешним по отношению к физическому зачатку человека, то можно было бы, начиная с этого момента, зачаткам органов, готовящимся стать органами дыхания, согревания и питания, дать импульс для органов, являющихся органами выделения, сохранения, роста и порождения. Если же «Я», излучающее из астрального мира в физический переживания вкуса, зрения и тепла, предположить не покоящимся в себе, а устремляющимся в направле-

нии слева направо, то возникли бы жизненные органы, развившиеся направо как органы дыхания, согревания и питания, а налево – как органы выделения, сохранения, роста и порождения. Так как теперь в таких органах, как указанные, присутствует полное жизни «Я», то оно принимает процессы этих органов не пассивно, а живёт в своих процессах; эти процессы одновременно являются Я-переживаниями. В органах питания проникновение вещества слева соответствовало бы сохранению справа, нагревание слева – росту справа, дыхание слева – порождению, которое в данном случае было бы выдыханием, справа. Выделение поддерживало бы в равновесии вещество обеих сторон. – Когда питание, согревание и дыхание действуют справа, будут иметь место обратные процессы; здесь сохранение, рост и порождение разворачиваются слева направо. – Теперь уже ясно, что в физическом мире свободно парящие переживания вкуса, зрения и тепла не могут существовать, как ясно и то, что существует вещество, которое может служить не только дыханию, согреванию и питанию, но которое может быть пережито одним «Я» лишь благодаря прикосновению – а именно в чисто душевных переживаниях. Это случается, когда само вещество возникает как ощущение образа и с ощущением образа связаны желание и импульс движения. Таким образом вещество может выступать для чувства обоняния. Если же вещество, извне ударяющее в зачаток физического человека, во внутреннем противостояло желанию и импульсу движения, то ощущение образа может означать лишь его удар в зачаток физического человека; если, кроме того, ощущение образа через желание возбуждает внутренний импульс движения, то орган дыхания, едва начинающий формиро-

ваться, может быть как задержан в своём формировании, так и выведен за пределы своих собственных формирующих сил. Если импульс движения действует сильнее, чем желание, то это ведёт дальше к внешнему органу дыхания; если сильнее действует желание; ... [Пропуск из-за вычёркивания двух строк]... если импульсы желания и движения действуют одинаково, то ощущение образа, испытывающее это на своих границах через удар вещества, противопоставляется снизу вверх своему первоначальному зачатку. Но теперь «Я», происходящее из астрального мира, уже не действует снизу вверх, потому что для него существенно действовать на человека только в направлении горизонтальной плоскости. Тогда для воздействия вверх следовало бы учитывать только активную силу, вначале действующую сверху вниз из высшего духовного мира, и те сформированные прежде зачатки чувств и жизненные органы, не захваченные во время движения справа налево и слева направо, потому что они благодаря своему положению, приобретённому до воздействия астрального «Я», не могли испытать в том направлении никаких влияний этого «Я», приведших бы их к своему завершению. Такое возможно только у охваченных формированием органов тона, звука и понятия, не завершённых во время движения сзади-вперёд, потому что сила, действующая сверху вниз, задержала завершение, которого надо было достичь благодаря силам, действующим сзади-вперёд. Положим, что в указанном тут движении теперь были бы действительны только содержания чувств равновесия, собственного движения и жизни, тогда взаимодействия могли бы произойти лишь между действующим вверх зачатком физического человека и самим «Я», родственным высшему ду-

ховному миру, действующим сверху вниз, а далее – между теми зачатками чувств и «Я», родственным низшему духовному миру и действующим спереди назад. Последнее «Я» со своей стороны снова могло бы вступить во взаимодействие с тем, что может быть самопереживанием «Я» в чувствах равновесия, собственного движения и жизни. Так как внутренние органы теперь уже существуют в физическом зачатке человека, то

Вариант, который вслед за словами «...испытывающее это на своих границах...», с. 159, строка 8, продолжается в другой редакции:

противопоставляется снизу вверх своему изначальному направлению. Тогда для дальнейших процессов во внимание принимаются силы «Я», родственного высшему и низшему духовным мирам и астральному миру. И кроме того, те процессы чувств слуха, звука и понятия, охваченные формированием и не достигшие своего завершения, которые до сих пор сопротивлялись воздействию астрального «Я», действующего в горизонтальной плоскости. Итак, последние подвергаются теперь только этому воздействию. Ныне их дальнейшее развитие благодаря внутренним жизненным процессам, подверженным воздействию ощущения образа, желания и импульса движения астрального «Я», могло бы происходить двояко: либо окончание развития при завершённом движении достигло бы предела своей возможности, либо оно было бы задержано перед пределом своей возможности. Первое произошло бы в том случае, если бы было исчерпано воздействие «Я», род-

ственного астральному миру, на зачаток физического человека в тот момент, когда прекращается движение спереди назад. Второе наступило бы, если бы воздействие того «Я» ещё продолжало действовать даже после прекращения движения. Первый случай наступает для органа слуха, у которого ощущение образа этого «Я» доводит формирование до завершения; второй случай осуществляется у чувств звука и понятия, которые не доводятся до поверхности физического зачатка человека, а задерживаются во внутреннем. Поэтому даже после завершения движения они ещё остаются способными развиваться. Взаимодействие между первоначальным направлением сверху вниз «Я», родственного высшему духовному миру, и зачатком физического человека, устремляющегося снизу вверх, проявляется теперь в прямостоящей фигуре. В ней обнаруживается, что само «Я» имеет направление одинаковое с физическим зачатком человека, так что деятельными являются не только силы «сзади-вперёд», «спереди-назад», «справа-налево» и «слева-направо», но что физический зачаток человека направляет себя вверх в чувстве "Я".

Процессы, обозначенные здесь, соответствуют образу человеческой формы точно так же, как течение человеческой жизни.

Фрагмент. — Вариант к № 16, который примыкает к словам «...и чувство равновесия.», с. 152, 1 строка снизу — относится к главам VIII — X.

Эти силы можно представлять так, что они, действуя в одиночестве, породили бы человека лишь таким, что он был бы способен не только нести «Я», но ещё развивать в нём же зачатки для органов вкуса, зрения, теплового впечатления, тона и звука, и понятия. Теперь представьте себе, что эти силы захвачены другими, происходящими непосредственно из астрального мира, и они поворачивают весь человеческий зачаток так, что новое направление по отношению к только что данному следует изображать справа-налево (это означает, что новое направление повёрнуто уже так, что с двумя другими составляет прямой угол). Эти силы астрального мира могут сохраняться при повороте прежних, а именно так, что для чувства обоняния на зачаток органа действует то, что переживается в самом чувстве обоняния; на зачаток органа чувства вкуса действует переживание зрения; на зачаток чувства зрения — тепло, на зачаток органа тона действует перевёрнутое содержание чувства равновесия; на зачаток органа звука — перевёрнутое содержание чувства собственного движения; на зачаток органа понятия — перевёрнутое содержание чувства жизни. —

Две страницы. — Относится к гл. VIII — X.

отвечал только одним удержанием вещества на границе физического зачатка человека; но если желание становится сильнее импульса движения, то поверхность этого зачатка втягивается во внутреннее, и возникает некая вмятина. Тогда желание обнаруживает вещество внутри границ, которые прежде определялись физическим зачатком. Если теперь зачаток выходит за пределы новой границы, то имеет место некое желание, относящееся к воздействию вещества, находящегося во вмятине. В таком случае веществу не нужно проникать в физический зачаток человека; его можно воспринимать как преобразованное переживание обоняния, то есть как внутреннее переживание обоняния. А это есть переживание вкуса. Теперь допустим, что одновременно в переживании обоняния было дано свойство самого вещества, которое это вещество может излучать в астральном мире, и переживание обоняния будет физическим только в такой степени, в какой оно является переживанием ощущения, — так это переживание обоняния будет самоощущением вещества; и «Я», которое живёт в физическом мире, может воспринять само вещество, если это «Я» к физическому миру относится так, как в физическом мире человеческое «Я» относится к себе самому, к понятию, звуку и тону. Но тогда происходящее из астрального мира «Я» может действовать на границах физического зачатка человека через взаимоотношение ощущения образа, желания и импульса движения, и посредством желания оно смогло бы вывести зачаток органа вкуса за пределы его образующих сил и возникшую вмятину увести так далеко,

что она существовала бы как некое включение внутри границ первоначального зачатка физического тела человека. Благодаря этому свойство видоизменённого переживания вкуса для преобразованного так органа всегда проявляет себя в том случае, когда вещество со своей поверхности излучает через физический мир некое свойство, которое не ощущается посредством желания, как запах, и не может переживаться непосредственно в районе вмятины, как вкус, охваченный органом вкуса, но которое должно быть встречено внутренним переживанием. Если в том месте, в направлении которого «Я» излучается в собственном организме как астральное самопереживание, в охарактеризованном включении находится препятствие, то в этом месте продвижение «Я» с его переживанием может быть задержано только у границы своего тела; во внешнем оно может переживать само себя, если это внешнее излучает со своей поверхности некое свойство, которое, правда, обусловлено внутренними свойствами физического тела, но само физическим не является, а пережито может быть только так, что переживание является самопереживанием некоего «Я». Но этим дана сущность оторванного от вещества переживания зрения. Если охваченный формированием орган зрения через взаимосвязь желания и импульса движения преобразуется так, что охватывает весь физический зачаток человека, то происходящее из астрального мира «Я» через такой орган повсюду находит в физическом мире возможность проникнуть в вещество не физически, а получить в астральном самопереживании самопереживание, подобное излучающемуся из вещества. Если охваченный формированием орган согревания возникает посредством некоего импульса желания, действующего сильнее,

чем соответствующий импульс движения, удержанный прежде, чем достигнута мера того развития, которое может служить внутреннему согреванию, то этот орган попадает на путь, который открыт наружу; благодаря этому возникает орган, вызывающий внутреннее согревание через приём внешнего вещества; и если орган для внутреннего питания удерживается в таком же роде, то возникает орган для внешнего питания. Но если орган питания захватывается импульсом движения, который сильнее импульса желания, то он преобразуется во внутренний орган движения. – Если зачаток физического человека, после того как он претерпел преобразование, сформировавшее в нём органы для непосредственных отношений тона, звука и понятия, указанным способом приводится в движение справа налево с помощью описанного астрального «Я», так что это «Я» физического зачатка человека через ощущение образа при полном равновесии желания и импульса движения включило через запах самоощущение вещества; если затем через соответствующее взаимоотношение желания и импульса движения оно при дальнейшем движении включило такой орган, который через удержание или продолжение предела формирования напечатлел в упомянутом выше роде из органов, охваченных формированием, чувственные органы чувств тепла, зрения, вкуса, обоняния, а также жизненные органы дыхания, согревания, питания, сохранения, роста и порождения; [*в рукописи зачёркнуто*: то тогда среди жизненных органов остались] только ещё жизненные органы секреции, среди органов чувств органы чувства равновесия, чувства собственного движения и чувства жизни. Теперь допустим, что физический зачаток человека, после того как он воспринял все эти влияния, находится

на той стадии, когда названные зачатки чувств сформированы, а жизненные органы ещё не достигли завершения. Допустим, что в таком состоянии зачаток движется спереди назад так, что на него может действовать происходящее из астрального мира «Я» со своими ощущениями образа, желаниями и импульсами движения. Тогда это «Я» может придать завершение соответствующим жизненным органам благодаря тому, что оно разделяет их на две группы. На такие, которые действуют наружу, как органы дыхания, согревания и питания, и на такие, которые действуют внутрь благодаря тому, что, охваченные формированием органы питания, будучи заложенными внутрь, становятся и органами секреции; но затем физический зачаток движется

19.

Фрагмент. — Относится к гл. X, см. с. 88 и след.

формирование жизненных органов извлечено из духовного мира, исходя из этого мира. Теперь однако жизненные органы должны формироваться в смысле всего человеческого тела. Они должны придерживаться направлений, которые напечатлевают этому телу перевёрнутое чувство осязания, чувство жизни и так далее. Эфирное тело, поскольку оно является носителем формирующих сил для жизненных органов, благодаря этому приходит во взаимодействие с внешним физическим миром, из которого определены направление и положение органов, так как органы являются носителями вещества. Поскольку человек организован по своему Я-переживанию, проявление этого в его теле надо

видеть в выпрямлении; поскольку он есть физическое тело – в противодействии сил вниз; итак, можно указать на противоположность сверху и снизу, снизу и сверху как на два вперемешку действующих течения: такое, которое человека телесно приковывает к земле, и такое, которое его развивает навстречу этому

20

Фрагмент. — Относится к гл. X, см. с. 89.

Три последние из этих содержаний не могли бы действовать на «Я», потому что они предполагают органы чувств; но содержание чувства равновесия есть направляющая сила; и поскольку это содержание действует в указанном выше направлении (сзади-вперёд), оно может отклонить уже обозначенную силу от своего первоначального направления. Носитель «Я» благодаря этому есть существо, устремляющееся в одном определённом направлении. Если же само «Я» происходит из высшего духовного мира, и сила высшего духовного мира может продолжать действовать в физическом мире, чтобы заставить вещество отражаться само в себя, то этим дано переживание осязания. Если теперь представить себе «Я» всецело тем, чем оно является, только не покоящимся в себе, а стремящимся снизу вверх, то есть, если помыслить дух существующим так реально, как он проявляется в «Я» физического мира – только с одним стремлением снизу вверх (лучше сказать: стремящимся из одной точки *по всем* направлениям пространства), то этим стремлением он мог бы встретиться кое с чем другим, происходящим из низшего духовного мира, но не существующим больше ни в чём, кроме как

в духе, подобно самому «Я», как оно существует в физическом мире; только *этот* дух, пожалуй, должен стремиться спереди назад вместо снизу вверх. Только так духу следует встречаться с духом; и встречей должно выявляться истинное, которое состоит только в сопротивлении одного духа по отношению к другому. Возникающее на месте встречи тогда полностью соответствует переживанию осязания. Если же это переживание осязания

21.

Фрагмент. — Относится к гл. X, см. с. 90 и далее.

духовном мире существует противоречие между погружённым в себя и непогружённым в себя веществом. Это противоречие из физического мира влияет на тело человека ещё в процессе питания. Процесс питания указывает в физическом теле человека на направление спереди назад. Органы чувств с принадлежащими им нервными путями указывают по-существу сзади вперёд. Отсюда в направлении спереди назад можно увидеть то направление, на котором из физического мира происходит воздействие на физического человека так, как в низшем духовном мире – погружение в себя вещества; в направлении сзади вперёд – то направление, на котором продолжает перерабатываться погружённое в себя вещество. Таким образом, в направлении спереди назад необходимо искать воздействие тех формообразующих сил, которые закладывают жизненным органам органы чувств; зато сзади-вперёд – направление воздействия формообразующих сил, которые происходят из низшего духовного мира. Действовать вперёд

внутри человеческого тела из физического мира низший духовный мир уже не может; спереди назад

22.

Фрагмент. — Запись на листе, архивный номер NZ 42.

которое при преобразовании жизненных органов и органов чувств расходует силы своего «Я», родственные с астральным миром, можно в движении жизненных органов вверх

23.

Фрагмент. — Запись на листе, архивный номер NZ 43.

Из этого видно, что органы чувств, подразумеваемые как продукт преобразования жизненных органов,

24.

Фрагмент. — Вероятно относится к гл. X.

звука и чувства понятия можно распознать признак того, что жизненные процессы, непосредственно происходящие из низшего духовного мира, продолжают по-прежнему и после рождения. В прямостоящей фигуре проявляется изначальное родство «Я» с высшим духовным миром. В формировании органа речи находится доказательство того, что в период последнего движения физического зачатка человека вверх имеются жизненные органы, которые в своём формировании до рождения уже находились под влиянием сил, действующих непосредственно из высшего духовного мира. Этот факт показывает, что в

3. Отдельный лист «к Антропософии»

Отдельный лист (см. факсимиле на стр. 172 – 173), который словами «к Антропософии» определённо присоединён к сочинению «Антропософия».

к Антропософии

Восприятие другого человека есть ощущение образа; как реальность ему противостоит осуществление того, что даёт чувство осязания, так что в этом внутреннем дана действительность, лежащая в основе чувства осязания.

В восприятии понятия из внешнего мира дано то, что как реальность в физической телесности следует считать органом чувств единого образования. В этом органе чувств *живёт* понятие. Так жизненному органу даётся *снаружи* форма органа понятия. За жизненным органом присутствует оформляющее понятие – чувство жизни.

В восприятии звука из внешнего мира дано то, что как реальность в физической телесности следует считать органом чувств звукообразования. В этом органе чувств *живёт* звук. Позади жизненного органа присутствует оформляющий звук – чувство движения.

В восприятии тона из внешнего мира дано то, что в реальности физической телесности следует считать органом чувств тонообразования. В этом органе чувств тон приходит к восприятию. В этом органе, прежде чем он станет органом слуха, деятельно чувство равновесия.

- А. *Жизненные органы*, проявляющие в физическом мире душевные состояния – с одной стороны.
- В. *Жизненные органы*, преобразующиеся в органы чувств – с другой стороны.
- А. 1: весь организм: сознание «Я». – : форма головы
 2: циркуляция крови: устремления. Желания: фантазия
 3: мышечный организм: импульсы движения: речь

«Я» прежде всего живёт в своих душевных состояниях, затем в жизненных процессах, а жизненным процессам напечатлеваются восприятия внешнего мира.

Выделение

Зачаток слуха

Зачаток ощущение тепла Сохранение

Зачаток зрения Рост Согревание Зачаток зрения

Зачаток вкуса Питание Зачаток вкуса

Зачаток обоняния

Равновесие

Выделение

Zur Anthroposophie

Die Wahrnehmung des andern Menschen ist Bildempfindung; als Realität steht ihr gegenüber die Erfüllung dessen, was der Taktspinn ergibt, sodass in diesem

Innern gegeben ist die Wirklichkeit, welche dem Taktspinn ein Gelände liegt.

In der Wahrnehmung des Begriffes aus der Außenwelt ist gegeben, was als Realität in der physischen Leiblichkeit als Sinnesorgan der Einbildung ein gelten hat. In diesem Sinnesorgan lebt der Begriff. So wird ein inneres Lebensorgan von außen die Form des Begriffsorgans gegeben. Es ist hinter dem Lebensorgan der gestaltende Begriff: Lebensspinn.

In der Wahrnehmung des Lautes aus der Außenwelt ist gegeben, was als Realität in der physischen Leiblichkeit das Sinnesorgan der Laut-Bildung ein gelten hat. In diesem Sinnesorgan lebt der Laut. Es ist hinter dem Lebensorgan der gestaltende Laut: Wahrnehmungsspinn.

In der Wahrnehmung des Tones aus der Außenwelt ist gegeben, was in der Realität der physischen Leiblichkeit als Sinnesorgan der Tonbildung ein gelten hat. In diesem Sinnesorgan kommt der Ton zur Wahrnehmung. In dem Organ ist tätig, bevor es geföhrt ist, gleichgewichtig.

A. Lebensorgane, welche die Selenen pändere in der physischen Welt zur Erstfindung bringen: auf der einen Seite

B. Lebensorgane, welche nicht in Sinnesorgane versandeln: auf der anderen Seite

A. 1: der ganze Organismus: Lebensimpulse - : die Hörhoore

2. die Blutcirculation: Strebungen. Regierungen. : unwissender die Phantasi

3.: die Mittelorganismus: Neurgingimpulse. : Bewegungswissenschaft.
die Sprache.

Das Foh lebt einmal in seinen Selenen pändere, dann in Lebensorgängen und
dies prägen sich die Wahrnehmungen der Außenwelt ein.
absonderung

Gehirnanlage

Wärmepfandanlage

Gefäßanlage

Gefäßanlage

Gefäßanlage

Erkennungswicht

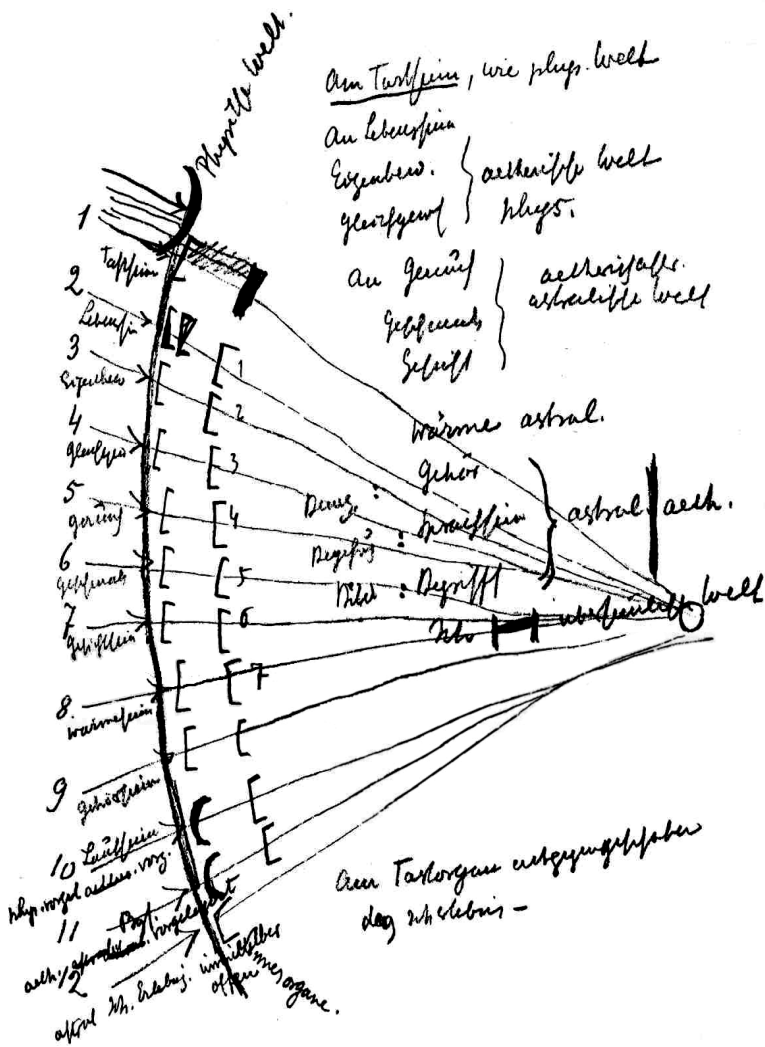
Gefäßanlage

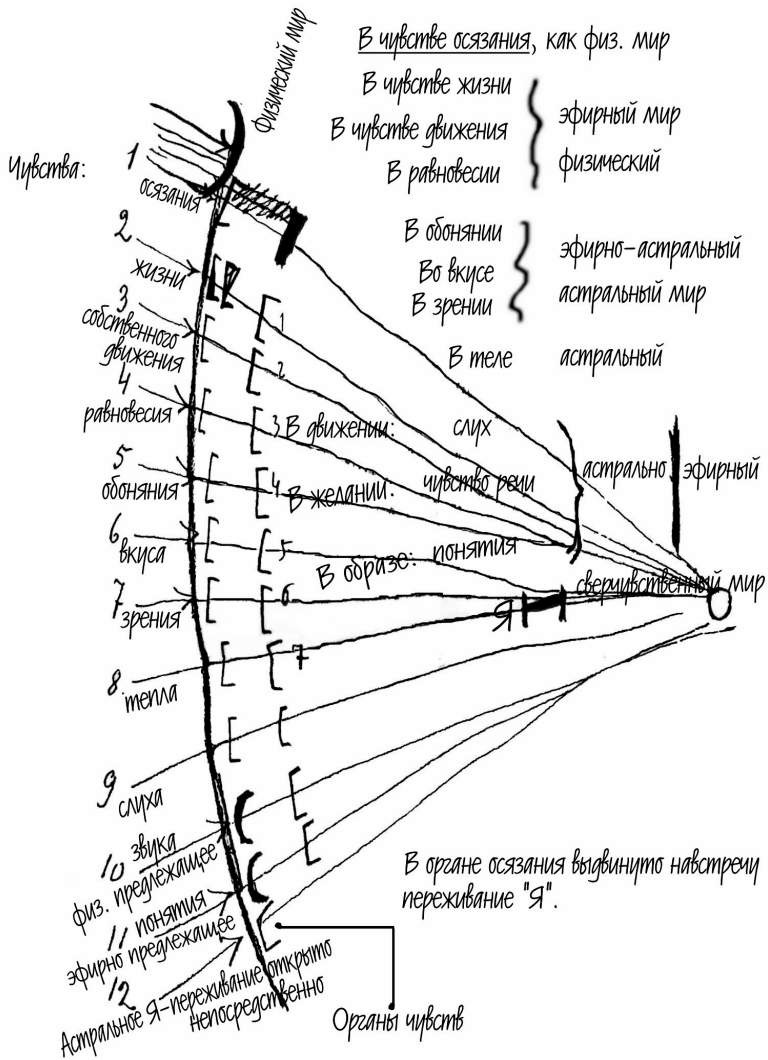
Gefäßanlage

Wärmepfand

Erkennung

absonderung

В осязании образа = чувство понятия непосредственно

В желании = чувство речи

*4. Запись на листе к десяти чувствам
между чувством осязания и Я-переживанием.*

Запись на листе архивный номер NZ 63, см. факсимиле на
странице 174 и факсимиле с переводом на с. 175.

Физический мир

1. Чувство осязания
2. Чувство жизни
3. Чувство собственного движения
4. Чувство равновесия
5. Чувство обоняния
6. Чувство вкуса
7. Чувство зрения
8. Чувство тепла
9. Чувство слуха
10. Чувство звука – физически предлежащее
11. Чувство понятия – эфирно предлежащее
12. Астральное Я-переживание открыто
непосредственно

Органы чувств

В ощущении образа = чувство понятия
непосредственно

В желании = чувство речи

В чувстве осязания, как физический мир

В чувстве жизни
В собственном движении } эфирный мир
В равновесии } физический

В обонянии
Во вкусе
В зрении } эфирно-астральный
 } астральный мир

В тепле астральный

В движении: слух
В желании: чувство речи
В образе: понятие } астрально/эфирный

В «Я» сверхчувственный мир

В органе осязания выдвинуто навстречу
переживание «Я».

5. О слушании и говорении.
Незавершённое исследование, около 1910 г.

15 страниц рукописи, в записной книжке архивный номер NB 210. — Рукопись без названия происходит из одной записной книжки, содержащей помимо записей по органам чувств и жизненным процессам тексты, которые в сочинении «Антропософия» следовало довести до литературного изложения. Отсюда можно предположить, что она возникла в связи и одновременно с работой над «Антропософией». Рукопись нельзя непосредственно присоединить к тексту «Антропософии», но она представляет собой самостоятельное незавершённое исследование. Другие заметки записной книжки опубликованы в «Статьях к полному собранию трудов Рудольфа Штайнера», № 34, 1971. Вид текста следует рукописи, только названия имён даны курсивом. Название дано ответственным редактором (немецкого издания — прим. перевод.).

По Я-переживанию можно распознать, что человеческое существо, исходя из себя, формирует организм, который теперь может создавать в себе образ некоего подобного чужого «Я»⁹. Организм, формирующийся таким образом, можно рассматривать как тип органа восприятия. Тут внутреннее свойство этого организма, его закономерное бытие, не поддаётся непосредственному созерцанию внутри чувственного мира. В глубинах душевной и органической жизни и тканя оно теряется для этого созерцания. Человек осознаёт этот организм только тогда, когда он его использует для восприятия чувственного мира.

В начале в непосредственной чувственной жизни человек даже не направляет своё внимание на собственную деятельность, совершаемую им при преобразо-

вании содержания восприятия в Я-переживание. Для того, чтобы узнать что-либо об этой деятельности, он должен отвлечь «Я» от содержания восприятия и направить его на собственную деятельность. При этом душевные процессы, совершаемые им, когда восприятие присутствует в «Я» как переживание, он обнаружит в себе очень глубоко.

Эти душевные процессы в истинном смысле уже не принадлежат к тем переживаниям сознания, которые человек имеет в обычной жизни. Значит, исследователь души вынужден различать переживания: осуществляемые в отношении внешнего мира и основывающиеся на восприятии собственных душевных переживаний. Стоя перед какой-либо внешней вещью или внешним фактом, их можно наблюдать теми же инструментами познания, с помощью которых они были восприняты вначале. Но какой-либо душевный факт, когда хочешь познать его, направив на него своё наблюдение, ускользает. Положение вещей, рассматриваемое здесь, хорошо представлено *Францем Brentano*¹⁰ (в его Психологии, с.35). Тут звучит решительно, что невозможно внутренне *наблюдать* внутреннее восприятие душевных процессов. «Объекты, как принято говорить, воспринимаемые внешне, *можно* наблюдать; чтобы точно схватить их облик, на них полностью направляют своё внимание. У объектов, воспринимаемых внутри, это, конечно же, совершенно невозможно. Особенно это относится к определённым психическим феноменам, как например, несомненно, к гневу. Ибо кто захотел бы наблюдать пылающий в нём гнев, у того он, очевидно, уже остыл бы и объект наблюдения исчез. Но и во всех других случаях это так же невозможно».

Так как Brentano в своём изложении строго придерживается того, что в чувственном мире доступно обычному сознанию, мимо его внимания проходит

разница, существующая между восприятием таких душевных процессов, которые происходят *при* восприятии внешнего мира, и таких, которые были соединены с этим восприятием. Человек может наблюдать в чувственном мире радость или страдание, получаемые им при определённых восприятиях, но не те душевные процессы, которые протекают в то время, когда «Я» целиком отдано восприятию внешнего мира. Ибо до воспринимания эти душевные процессы ещё не присутствуют тут, а после воспринимания они уже исчезли для обычного сознания. То есть обычное внутреннее восприятие касается только таких душевных процессов, в отношении которых своим внутренним переживанием человек предоставлен внешнему миру не полностью.

Душевные процессы, разыгрывающиеся в то время как «Я» целиком отдаётся объекту, не располагаются внутри мира, в котором находится этот объект. Таким образом, для объектов чувственного мира они таятся в сверхчувственном мире. Восприятие таких душевных процессов может стать возможным, если только «Я» воспользуется совсем другими способностями, нежели те, которые служат ему в чувственном мире. «Я» должно суметь направить познание на процессы, которые начинаются, когда внимание направляется на некий чувственный объект, и исчезают, когда это внимание на него уже не направлено.

К этому следует лишь добавить, что такое восприятие возможно. Для этого «Я» должно целиком высвободить себя из сферы чувственного мира и суметь созерцать устройство душевной деятельности, разыгрывающейся, когда «Я» отдано внешнему объекту в своей обычной жизни. Тогда «Я» переместилось бы в сверхчувственный мир и в нём самом восприняло бы душевную деятельность, обычно скрывающуюся от

сознания. Только тут как раз следует указать, что к такому перемещению «Я» из его обычных душевных переживаний ведёт выполнение определённых душевных упражнений. (Для ознакомления с такими душевными упражнениями смотрите мою книгу «Как достигнуть познания высших миров?»¹¹.)

Итак, восприятие соответствующих душевных процессов принадлежит сверхчувственному миру. Да и размышление, остающееся в пределах чувственного мира, должно открывать такие процессы. Ибо чувственный мир указывает на эти процессы так же, как дым указывает на огонь, даже если он не виден. (*Это сравнение Гербарта*¹² несомненно меткое.)

Судя по этому изложению, кажется, что для обычного сознания, живущего в чувственном мире, возможно только признание охарактеризованного сверхчувственного мира и, конечно же, ему должно быть отказано во всяком детальном ознакомлении с самим этим миром. Так оно и было бы, если бы в сфере этого сознания не могло происходить ничего, ведущего к одновременному созерцанию внутренней деятельности души и восприятия объекта. Говоря точнее, что же такое это происходящее? Тут переживание восприятия должно присутствовать не только внутри чувственного мира, но человек должен также суметь направить внимание на это переживание таким образом, чтобы во время процесса переживания воспринимать свою собственную деятельность. В более или менее ограниченной степени это происходит в сфере чувственных переживаний в зависимости от того, в каком отношении находится человек со своим собственным процессом говорения. Только при этом не следует думать о слушании ухом собственного звука. Ибо это выслушивание собственного звука ничем не отличается от выслушивания чужого звука. Благодаря этому вызывается

лишь чувственное восприятие. Гораздо больше следует обратить внимание на притуплённое восприятие, которое можно получить от движений органов речи, когда должен произноситься звук. Если бы не существовало такого восприятия, то человек никогда не был бы властен сделать необходимое для произнесения определённого звука. Так что же присутствует в душе, когда произносится звук? Помимо самого звука, принадлежащего чувственному миру, присутствует образ собственного движения соответствующего органа. – Этот образ ни в коем случае не является подобным образу представления, добываемому через внешнее восприятие. Последний тем правильнее, чем больше он совпадает с восприятием. Образ собственного движения органов у высказываемого звука может вовсе не совпадать с самим этим звуком. Возможно конечно, что человек никогда не доведёт этот образ до своего сознания; в этом случае собственные движения, необходимые для говорения, он будет осуществлять всегда бессознательно. Но у такого бессознательно говорящего всё же в глубинах организма должно происходить то же, что разыгрывается у того, кто всё больше проникает в речевой организм и так поднимает в виде образов в своё сознание формообразование органов звука. Знание последнего, конечно, не только приводит к возникновению реальности того, что воспринимается. Воспринятое есть душевный процесс, протекающий одновременно с чувственным фактом звучания.

Ну а в процессе говорения этот душевный процесс более или менее скрывается в высказанном звуке благодаря самоотверженности «Я». Требуется специальное упражнение, чтобы в этом случае направить внимание на собственное движение организма. Но по существу восприятие собственного движения при говорении не отличается от восприятия при поднятии ноги

или при движении руки. Только при этих собственных движениях отсутствует звук. В них внешнее восприятие уже не принимается во внимание. Так как даже то, что можно, например, видеть свои собственные движения, не имеет значения для живущего в душе восприятия собственного движения. Таким образом, при отдаче восприятию собственного движения душевный процесс представляется таким же, какими должны быть те, которые происходят одновременно с внешним восприятием. Но зато при этих душевных процессах восприятие процесса, соответствующего внешнему восприятию, пока целиком остаётся вне обычного сознания. В сознание приходит один только душевный процесс; по сути дела то, что разыгрывается в теле во время протекания этого душевного процесса, не может непосредственно стать объектом сознания.

В смысле изложенного оправдано заключение, что у внешних восприятий осознанным становится содержание воспринятого, а соответствующие им душевные процессы, напротив, остаются скрытыми; содержание воспринятого при восприятии внутренних процессов организма не становится явным непосредственно, зато в сознание вступают соответствующие душевные процессы.

На основе этого заключения теперь возможно представление о природе обоих видов восприятий. У внешнего восприятия к горизонту сознания поднимается содержание восприятия; под этим горизонтом в человеке происходит возбуждение, не поднимающееся в сознание. Это возбуждение подобно душевному процессу, вступающему в сознание, например, при каком-либо собственном движении организма. Если бы внешнее чувственное восприятие в соответствующем случае могло остаться неосознанным, а вместо этого «Я» могло бы целиком отдаться внутреннему душевному про-

цессу, то было бы пережито нечто подобное происходящему, например, при некоем собственном движении. Только побуждение для этого душевного процесса следовало бы искать не во внутреннем процессе.

Теперь вновь обратим внимание на процесс слушания звука. Только представим себе, что слушаем не собственную речь, а речь другого человека. Тогда собственное движение органов речи, а вместе с ним и деятельность «Я» в собственном организме отпадают. На место собственного вступает другое «Я». Звук порождается его деятельностью. Охарактеризованный душевный процесс, не вступающий в сознание, имеется налицо в слушающем. А так как он существует, он выступает навстречу звуку. Звук наталкивается на сопротивление душевного процесса и таким способом осознаётся. А теперь, если представим себе, что «Я» переплетается со звуком после того, как он удержан душевным процессом, получим понятие об осознании звука. Это есть вызванное собственным душевным процессом эхо звука, которое достигает сознания «Я». В этом случае звук сперва живёт в говорящем, затем отражается собственным душевным процессом слушающего, а после отражения живёт в слушателе. Если обдумать то, что звук, о котором идёт речь, по существу присутствует как у говорящего, так и у слушающего одинаково, то никакого труда не составит представить себе описанный процесс осознания. И тогда окажется совсем само собой разумеющимся, что для слушания звука, исходящего от говорящего человека, осознающее «Я» присутствует не внутри, а вне своих собственных бессознательных, но существующих вместе с восприятием звука душевных процессов.

На этом же держится восприятие тона, исходящего от безжизненного тела. Осознающее «Я» переплетено с этим тоном точно так же, как и с чужим звуком. Отсю-

да и осознание его должно достигаться таким же способом. Душевный процесс должен сопротивляться тону, а задержанный таким образом тон присоединяться к «Я». – Так выглядит процесс, когда его соотносят с восприятием звука. Однако, если его рассматривают со стороны мира чувственных восприятий, то возникают сомнения относительно такой точки зрения. В этом мире восприятий за исходную точку тона считают тело, часть которого пребывает в определённом движении. Обнаруживают, что в воздухе это движение продолжается. Возбуждённый воздух попадает в ухо, и тон возникает в сознании «Я» как следствие удара воздушного потока в ухо и в нервный организм. А теперь можно легко прийти к представлению, что во внешнем мире вообще не существует ничего другого, кроме движения тела и воздуха, а тон возникает только внутри души как противодействие физическому движению. Это представление имеет в себе нечто такое заманчивое, что оно как вера живёт во многих философских мировоззрениях. Затем его переносят на все чувственные восприятия и говорят: тон, свет и так далее существуют якобы только в душе человека; вне души мир безмолвный и тёмный.

Тому, что нельзя иметь безусловное доверие к этому представлению, способствует восприятие звука от говорящего человека. Ведь тут несомненно то, что звук услышанный тождествен произнесённому. Поэтому имеет место не образ, а абсолютное соответствие действительному процессу, когда говорят, что звук говорящего переносится к слушающему посредством потока внешней передачи, а слушающий в воспринимаемом имеет действительную копию существующего во внешнем мире, а не только реакцию своей души на безмолвный внешний процесс.

Конечно, даже здесь возможно возражение. А именно, могли бы сказать следующее. Говорящий возбуждает определённые движения своих органов речи, а благодаря этому – и воздух. Но вне говорящего нет ничего, кроме этого движения воздуха. Так как теперь это движение воздуха в некотором роде присутствует, то в душе слушающего как раз и возникает противодействие, соответствующее процессу, благодаря которому говорящий произвёл движение. Но такое возражение всё же во внимание не принимается. Ибо речь идёт о том, имеет ли некую действительность вне «Я» как такового то, что в конце концов вызывается в «Я». А это, несомненно, так и есть в услышанном звуке.

Ну а связь «Я» с тоном, исходящим от безжизненного тела, является такой же, как связь со звуком говорящего человека. Поэтому о внешнем или внутреннем бытии тона по отношению ко всему организму человека следует также думать не иначе, как о соответствующем бытии звука.

Объективное бытие звука присутствует в говорящем. Слушающий соотносит звук с этим говорящим. Каким образом это происходит? Конечно, слушающий одновременно со звуком связывает впечатления: звук исходит от существа, которое подобно мне. Если же человек в совсем безлюдном пространстве, зная о своём одиночестве, услышал бы с какой-либо стороны звук, то очевидно он не соотнёс бы этот звук с говорящим человеком. К восприятию звука добавляются ещё другие восприятия, вызывающие эту связь. Эти другие восприятия вовсе не являются тут чем-то вроде зрительных восприятий, получаемых благодаря облику говорящего, а всем тем, благодаря чему человек приходит к суждению: говорящий есть существо подобное мне, и причина произнесённого звука лежит во внутреннем этого существа, как она, соответственно, может

находиться и во мне самом. Процесс возникновения этого суждения очень сложен. Его возникновение теряется во множественности всех тех переживаний, благодаря которым человек приходит к признанию в другом человеке себе подобного существа. Однако результат всех этих переживаний основывается на том, что «Я» обнаруживает себя переплетённым с таким звуком и относит этот звук к существу, подобному себе. Кажущаяся для наивного сознания простота в формировании суждения «говорит человек» является в самом деле результатом очень сложных процессов. Эти процессы заостряются до того, что в звуке, в котором переживаешь *себя*, переживаешь одновременно другое «Я». У этого переживания всё другое упускается из виду, а поскольку внимание тогда отвлекается, то учитывается отношение «Я» к «Я». Всё таинство *сочувствия* чужому «Я» проявляется в этом факте. И если хотят его описать, то сделать это нельзя никак иначе, нежели сказать: в чужом «Я» человек чувствует собственное «Я». Если в таком случае он воспринимает звук чужого «Я», то собственное «Я» живёт в этом звуке и вместе с тем и в чужом «Я».

Если же собственное «Я» живёт переплетённым с тоном безжизненного объекта, то внутри чувственного мира это можно соотнести только с этим безжизненным объектом. Однако, если оно приближается к этому объекту, то прежде всего оно не может в нём жить так, как живёт в звуке в чужом «Я». Оно переплетено с тоном, но не с безжизненным объектом. Но пожалуй, наблюдение чувственного мира обнаруживает связь безжизненного объекта с органом слуха (и с соответствующим организмом нервов). Но и между организмом речи говорящего и ухом и организмом нервов слушающего существует та же связь. И всё же для звука, объективно существующего в «Я» говорящего, эта

связь означает тут только передающее течение. Следовательно, эта связь не говорит о том, что данную в ней объективную реальность тона безжизненного объекта и воспринятое содержание тона следует считать лишь реакцией человеческой души. Никакой другой возможности не существует, нежели представлять, что даже в этом случае «Я» связано с тоном так же, как со звуком. Тогда в смысле вышеизложенного тон должен бы удаться в слушающего, ниже горизонта сознания должны бы возникнуть охарактеризованные душевные процессы, а «Я» жило бы тогда в тоне, когда тон обнаруживает его сопротивление в соответствующих душевных процессах. В таком случае во внешнем мире тон существовал бы, как и в звуке говорящего, только не было бы никаких причин, способных побудить слушающее «Я» соотнести тон безжизненного объекта с существом себе подобным. Но это не означает ничего другого, кроме того, что при звуке человеческого голоса слушающий предоставляет своё «Я» чужому «Я», при звучании безжизненного объекта – только самому тону. При звуке слушающее «Я» чувствует побуждение пронизать себя им, при тоне безжизненного объекта – нет. В остальном тон безжизненного объекта и звук принадлежат чувственному миру одинаковым способом и слушающее «Я» одинаково связано с обоими. Но поэтому и отношение тона к тому, что разыгрывается между звучащим объектом и слушающим человеком в виде движения воздуха и так далее, необходимо представлять таким же, как и отношение звука к соответствующему внешнему движению.

Согласно этому тон должен быть связан с внешним безжизненным объектом, как звук связан с говорящим человеком. Этого не произойдёт без соотнесения безжизненного объекта с его собственной внутренней жизнью. Но пока соответствующий безжизненный

объект рассматривают как заключённую в себе сущность, это, несомненно, будет затруднено. Но такое представление похоже на то, которое собиралось бы рассматривать гортань человека как замкнутую сущность. Для создания звука или тона гортань должна находиться во взаимосвязи с душевными процессами и с процессами в «Я» говорящего. Эти душевные процессы и процессы в «Я» не могут быть наблюдаемы снаружи в чувственном мире. Они являются сверхчувственными процессами. К чувственному миру человек может причислить только воспринимаемое чувственно. Звук принадлежит чувственному миру, душевное содержание звука – нет. То, что в чувственном мире можно теперь наблюдать как движение звучащего безжизненного тела, как движение воздуха и так далее, должно быть полагаемо в чувственном мире как следствие живущего в тоне. А поскольку сам тон, как его воспринимает «Я», не может считаться причиной движения, то лежащим в основе тона необходимо принять сверхчувственный мир, порождающий в безжизненном движении и открывающийся «Я» в качестве тона. Но отношение, устанавливаемое «Я» в чувственном мире к себе подобному при человеческом звуке, для тона безжизненного объекта необходимо искать в сверхчувственном мире, лежащем позади тона.

Если тон воспроизводит сам поющий человек, то этот тон, который в конце концов должен быть услышан «Я», можно распознать: он принадлежит чувственному миру. Во-вторых, душевное побуждение (душевный процесс), оно лежит в основе тона.

Его нельзя наблюдать в чувственном мире. Оно принадлежит сверхчувственному миру, от которого человек, так как он живёт в этом мире, имеет лишь сознание.

6. *Личные высказывания*
о фрагменте «Антропософия».

Но тогда мы можем сказать: теософия – это то, что исследуют, когда Бог говорит в человеке. – По сути дела это истинное определение теософии: дай Богу говорить в себе, и то, что он скажет тебе в этом случае по поводу мира, и есть теософия. Антропософию можно охарактеризовать так: поставь себя посередине между Богом и природой, дай в себе говорить человеку о том, что существует над тобой и светит в тебя, и о том, что снизу вдаётся в природу, тогда ты получаешь антропософию, мудрость, которую высказывает человек. – Эта мудрость, высказываемая человеком, конечно же может быть важным ключом ко всей области теософии. И после того как вы некоторое время усваивали теософию, вы едва ли можете сделать что-нибудь лучшее, чем приобрести эту твёрдую точку опоры, действительно ища её. Поэтому я позабочусь о том, чтобы как можно скорее по окончании этих докладов можно было сделать короткий очерк о том, что представляет собой антропософия.

Доклад от 23 октября 1909, Берлин, в: «Антропософия-психософия-пневматософия», GA 115, первый доклад серии «Антропософия».

В этом отношении часто упускается из виду, что тот, кто должен осознавать свою полную ответственность по отношению к духовному миру, имеет строгую обязанность чеканить наиточнейшим образом всё, что на

физическом плане он может высказывать как теософскую науку. И нельзя упускать из виду, что время, необходимое для высказывания в докладе теософских истин, минимально по сравнению с тем, которое необходимо для того, чтобы перевести познания высших миров в формы, предназначенные для высказывания на физическом плане. Здесь двойная тяжесть ответственности: во-первых, по отношению к высшим мирам – нельзя сказать ничего, что не может быть действительным для них; во-вторых, по отношению к физическому миру – всё должно быть сделано так, как только возможно, чтобы добиться полного совпадения физического слова с фактами высшего мира. Это должно быть принято во внимание при оценке времени необходимого для теософской работы. Так, например, случилось, что моя «Антропософия» с ноября лежит наполовину напечатанная и ни разу с того времени нельзя было к ней прикоснуться, так как было невозможно заставить истины, стоящие передо мной спиритуально, пройти путь через перо к бумаге. Притом я знаю из духовного мира, что работа по возможности должна быть представлена.

Письмо к Эдуарду Зеландеру, вероятно начало марта 1911, в: *«Рудольф Штайнер – Мария Штайнер-фон Сиверс. Переписка и документы 1901–1925»*, GA 262, 2 издание, с. 238 и далее.

Док. Штайнер дал мне тогда книгу с незакреплёнными листами и сказал: «Посмотрите, вот я написал книгу, напечатанную теперь до 64 страницы, однако я не могу её закончить». На моё безмолвное удивление док.

Штайнер сказал: «Да, я действительно не могу, мне не удаётся придать вещи такую форму, чтобы кто-то мог это понять. Книга останется фрагментом. Но я хотел бы, чтобы эту книгу, насколько я её написал, Вы прочитали сегодня ночью, а рано утром снова пришли ко мне. Но Вы не должны переписывать книгу целиком дословно. Вы можете из неё делать себе только записи».

Запись Вальтера Иоганна Штайна к беседе с Рудольфом Штайнером 17 июля 1917, в *Познании цвета. Дополнение к тому «Сущность цвета»*, GA 291a, с. 136.

Я хотел бы теперь здесь позволить себе по поводу этого факта отрывочно привести кое-что, основанное мной в проработанных созерцаниях в самых разных направлениях. Разумеется, эти созерцания требуют, чтобы их кроме того давали в подробном виде – со всеми обоснованиями. Однако пока условия позволяют мне высказать только в устных докладах кое-что, относящееся к этому. То, что я могу здесь привести, суть *результаты* в кратком эскизном изложении. И я прошу читателя пока принять их как *таковые*. Речь идёт не о «фантазиях», а о чём-то, обоснования чего я искал научными средствами современности в течение многолетнего труда.

О *загадках души*, 1917, GA 21, в гл. 5 «Эскизные расширения к содержанию этого сочинения». В сочинении дано описание двенадцати чувств человека.

Чтобы действительно физиологически исследовать человека, надо с выключенным мышлением загнать внутрь образное представление таким образом, чтобы даже телесность человека реагировала на это в имажинациях. Это, конечно, лишь начало пути для западного развития, но это тот путь, который должен быть выбран. Тому, что перетекает с Востока и может привести к упадку, хоть оно и имеет исключительную ценность, необходимо противопоставить нечто, развившееся из него, чтобы мы пришли не к нисхождению нашей цивилизации, а к её подъёму. Но можно сказать: в общем, сама человеческая речь ныне ещё не дошла до того, чтобы полностью выразить переживания, которые мы застаём здесь в глубинах своей души. Это имеет место и сейчас, когда я хочу рассказать вам о личном переживании.

Много лет тому назад я пытался в определённой области выразить словами то, что можно назвать учением о человеческих чувствах. В устном докладе мне удалось некоторым образом облечь в слова такое учение о человеческих чувствах, учение о 12-ти чувствах, так как тут ещё большие возможности крутить и переворачивать речь и через повторения добиваться понимания, чтобы не так сильно ощущались недостатки нашего языка, который ещё не справляется с такой сверхчувственной сущностью. Но когда я потом – это было, как сказано, много лет тому назад – хотел написать то, что я дал в докладах как непосредственную антропософию, чтобы оформить это в книгу, выявилось удивительное – пережитое внешне при внесении его внутрь души стало чем-то таким очень чувствительным, что язык не находил слов, и лет 5-6, я думаю, откладывалось нача-

ло печатания некоторых листов. Я не мог писать дальше, так как хотел продолжать писать всё в целом, как это было начато, и не мог просто потому, что для моей тогдашней ступени развития прежде всего язык не давал мне достичь того, чего я хотел. После этого наступила перегрузка в работе, и я до нынешнего времени ещё не смог закончить эту книгу. Кто менее добросовестно овладевает тем, что, исходя из духовного мира, даёт своим окружающим, тот, пожалуй, будет усмехаться по поводу такой остановки при временно непреодолимой трудности. Но кто действительно пережил и с полным чувством ответственности смог проникнуть в то, что даётся, когда хочешь описать пути к имажинации, которые должно избрать теперь западное человечество, тот знает, как много необходимо, чтобы найти правильные слова именно для такого описания. Относительно просто это можно описать как путь обучения. Это осуществлено в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?». Но когда желают добиться совершенно определённого результата, каким должен быть результат описания мудрости самих человеческих чувств, т.е. части внутренней человеческой организации, когда должны добиться такого вполне определённого результата, тогда возникает трудность в том, чтобы схватить имажинации и с помощью слов представить их чёткими контурами.

Доклад от 2 октября 1920, Дорнах, в т. *«Границы естественного познания и их преодоление»*, GA 322. —

В русском переводе: М.: Титурель, 2003.

«Однажды я прочитал для Антропософского Общества доклады о том, что в этих докладах я назвал «Антропософией». В то время я читал доклады об этой антропософии в той мере, в какой мне это открывалось именно моим духовным исследованием. Потом была просьба опубликовать эти доклады, и я пошёл на то, чтобы их написать. При написании из этого вновь возникло нечто иное. Не то, чтобы изменилось что-либо в данном первоначально, но только возникла необходимость внести некоторые добавления, дающие дальнейшие разъяснения. А это уже потребовало сформулировать эти факты ещё точнее. На это ушёл год. И вот снова представилась возможность. В Обществе в свою очередь проходило Генеральное собрание. Там люди и сказали, что на Генеральном Собрании всё же следовало бы продавать доклады по «Антропософии», а значит их надо было подготовить. Тогда же я уведомил о другом цикле докладов для этого следующего Генерального Собрания и первые листы этой «Антропософии» отослал в типографию. Они тотчас же были напечатаны. Я полагал, что теперь мог бы продолжать писать дальше. И некоторое время я продолжал писать. Но для более точных пояснений всё больше и больше появлялась необходимость дальнейших добавлений. Тогда всё закончилось тем, что все листы были напечатаны. До тех пор я писал. Кроме того, один лист получился таким, что не было полных шестнадцати страниц, а всего лишь, я думаю, полных было тринадцать или четырнадцать. Другие страницы были не заполнены, и я должен был писать дальше. Тем временем мне стало ясно, что для всего этого были и другие причины, но именно сейчас я хочу привести вам одну из причин, вызвавших

то, о чём здесь идёт речь. Пришло время, когда я сказал себе: «Чтобы теперь действительно довести эту работу до конца в таком виде, в каком ныне, спустя год, я должен и хочу её иметь, необходимо уже более детально развить определённый способ представления, особую разработку имажинативного и инспирированного познания, и применить этот способ познания к этим антропософским вопросам». Тут я пришёл всё же к тому, чтобы вначале сделать нечто негативное – отложить всю «Антропософию». Она и сегодня всё ещё лежит так, как тогда, с уже напечатанными многими листами. И я даже уже намеревался именно теперь действительно продолжить исследование. Однако тут я основательно познакомился кое с чем, о чём хочу теперь сообщить вам. Я могу вам это изобразить только схематически. Но это схематическое изображение является огромной суммой внутренних переживаний, которые по сути дела в исследовании человека являются методами познания.

Становилось всё яснее, что завершить «Антропософию» в соответствии с поставленными когда-то целями можно только тогда, когда, внутренне созерцая, дойдёшь до видения того, как, работая в нервной системе, можно продвигать реально увиденное тут во внутреннем обзоре как духовно-душевную деятельность до тех пор, пока здесь внутри не придёшь к одной точке (точка, собственно, является линией, расположенной в вертикальном направлении, но я хочу представить это здесь только схематически; для определённых явлений точка находится далее вверх, затем более глубоко и т.д., пожалуй, в этих докладах описать это в деталях будет невозможно, я до известной степе-

ни приведу только некий обзор целого), к той точке, где потом ясно замечаешь, что вся продвигающаяся снаружи внутрь, духовно-душевная деятельность, схватываемая в имагинировании и инспирировании, пересекается. Но в то время как она пересекается, ты уже не свободен в осуществлении этой деятельности. Конечно, как я и описывал, ты и раньше не был вполне свободен. Теперь же становишься ещё несвободнее. Замечаешь, что всё изменяется. В имагинативно-инспирированном процессе представленияходишь в более сильно фиксированное становление. Говоря конкретно, когда в имагинативно-инспирированном процессе представления схватываешь то, что для глаза является чувственным восприятием и его мыслительным продолжением, и приходишь благодаря этому к имагинации органа зрения, следовательно когда приходишь через проинспирированную имагинацию воспринять орган зрения, тогда эта деятельность продолжается внутрь, затем здесь возникает пересечение, и тогда-то той деятельностью, которой сперва здесь был охвачен глаз, охватываешь другой орган. По существу это почка.

И примерно так же для других органов. Продолжая во внутреннее человека эту имагинативно-инспирированную деятельность, всегда обнаруживаешь, что до определённой степени охватываешь этой инспирированной имагинацией уже готовые органы (по крайней мере в своих зачатках это полностью готово, когда человек родился) и так продвигаешься к истинному внутреннему обзору человеческого организма. Это совершенно особая трудность. И так как к тому времени я должен был не только закончить книгу, но, кроме того, прочитать ещё и другой цикл лекций, для которого бы-

ли необходимы новые исследования, то вы можете себе представить, что закончить её с этими в то время развитыми методами – теперь этому уже много лет – было нелегко.

Я должен лишь упомянуть ещё о трудности, состоящей именно в том, что вначале тебя непрерывно отбрасывает. Это истинное продвижение, если его необходимо осуществить, есть нечто такое, что требует уже крепкого удерживания внутренней силы. Фактически необходимо всё вновь и вновь браться, я бы сказал, за укрепление силы представления, силы внутренней работы в душе в направлении любви к внешней природе, делать её интенсивнее. Иначе всегда будешь просто легко отброшен. Замечаешь, чтоходишь в себя, но всегда снова отбрасываешься назад и в действительности вместо чего-то, что я хотел охарактеризовать этим внутренним обзором, получаешь нечто ошибочное. Надо преодолеть то, что развивается здесь как некое отражение.

Итак, я хотел рассказать вам о прошлом для того, чтобы вы видели, что духовный исследователь может указывать даже на те моменты, когда он борется с некоторыми проблемами духовного исследования. Однако, к сожалению, в годы, последовавшие за событием, о котором я рассказал, моё время, особенно в последние годы, было так заполнено всевозможным, что я не смог осуществить подлинно необходимую деятельность, обозначенную мной как особенно нужную, – завершение этой «Антропософии». Ибо всякий раз, когда чуть-чуть открывалась перспектива для дальнейшего продвижения «Антропософии», меня забирали к тому или к этому, необходимо было то или иное, в той

или иной области нашей нынешней деятельности надо было проводить то или иное заседание.

Доклад от 22 марта 1921, Штутгарт, в томе «Наблюдение природы, эксперимент, математика, и ступени познания духовного исследования» (с точки зрения антропософии), GA 324.

Стоит вам только рассмотреть органы чувств, например глаз, в котором вы имеете сначала карман – глазницу, а затем наполнение. И это наполнение, происхождение главным образом у органов чувств, связано с зодиаком точно так же, как форма кармана связана с планетарными сферами. Человек, имеющий в этом отношении самую совершенную животную организацию, отсюда же имеет двенадцать карманов с наполнением, хотя они и замаскированы различным образом. Поэтому я и должен был в своей «Антропософии» перечислить двенадцать органов чувств.

Доклад от 5 ноября 1921, Дорнах, в: «Антропософия как космофизика» — вторая часть: «Формирование человека как результат космических воздействий» GA 208.

К данному изданию

Основы текста

Исправления текста

Примечания

Именной и предметный указатели

*Дальнейшие высказывания
к учению о чувствах и к двенадцати чувствам
в трудах Рудольфа Штайнера*

Библиографический список прежних изданий

*Обзор Полного собрания трудов
Рудольфа Штайнера*

К данному изданию.

Сочинение «Антропософия», оставленное фрагментом, возникло между концом октября 1909 г. и ноябрём 1910 г. В Берлине 23 октября 1909г. в первом же докладе из серии докладов по «Антропософии», прочитанных по случаю восьмого Генерального Собрания немецкой секции теософского общества, Рудольф Штайнер сообщил, что он хотел бы как можно быстрее опубликовать «Краткий очерк по антропософии». Короче, на следующий год до девятого Генерального Собрания, в конце октября 1910 г., он начал сдавать в типографию ещё незавершённую рукопись. Он корректировал поступающие напечатанные листы и продолжал писать рукопись. В ноябре 1910 г. он прекратил работу над сочинением, которое с тех пор осталось незавершённым. Оставленные открытыми вопросы исследования, вопросы языковой формы, а также недостаток времени из-за перегрузки другими работами помешали завершению сочинения, которое Штайнер в 1920/21 гг. по-прежнему характеризовал как особо важную задачу своей деятельности. Смотрите по этому поводу собственные высказывания о незавершённом фрагменте сочинения, собранные в приложении 6, с. 190 и далее.

Работа над сочинением, стилистически отмеченным систематическим употреблением духовнонаучной и естественнонаучной терминологии, падает на годы начинающегося отделения антропософского течения Рудольфа Штайнера от теософского общества. Это – фаза деятельности, во время которой Штайнер опубликованным в 1910 г. «Очерком тайноведения» завершил основной труд антропософской духовной науки о создании и развитии человека и мира и начал разработку

специальных областей по различным направлениям. Тогда среди прочего он планировал написать трилогию, в которой «Антропософия» должна была образовывать первую часть. Как он обещал в конце первой главы, вслед за первой книгой должны были следовать книги «Психософия» и «Пневматософия». Если первая часть замысла была посвящена духовнонаучному пониманию телесности человека, то вторая должна была дать очерк основных элементов чисто душевного, истинной психологии, и третья – исследование духовного в человеке. Намерение осуществилось в цикле докладов, прочитанных Штайнером по случаю следующих Генеральных Собраний в 1910 и 1911 гг. – соответственно четыре доклада по «Психософии» и четыре – по «Пневматософии». Вместе с первым циклом докладов по «Антропософии» эти доклады в полном собрании трудов содержатся в томе «Антропософия – Психософия – Пневматософия», GA 115. Методика и содержание выбранного направления должны были не только выразить новое обоснование антропософской духовной науки, но и найти применение в науках, принимая во внимание их тогдашнее состояние, причём на передний план выдвинуто разъяснение с помощью философии и психологии Франца Brentano. Штайнер отказался от осуществления плана письменных изложений, после того как он вынужден был оставить незавершённой «Антропософию». Однако он включился в дальнейшие исследования, которые дали новые результаты. «Эскизными расширениями» своего, опубликованного в 1917 г. сочинения «О загадках души», GA 21, он возобновил изложение начатых тем, недвусмысленно указав, что в основу нынешнего опубликованного содержания текстов положены лежащие годами и десятилетиями исследования с помощью «научных средств современности»; осуществление этих исследований в

действительности потребовало бы обширных изложений, что ему однако не позволили бы обстоятельства времени. Вследствие этого фрагмент «Антропософия» надо рассматривать как этап исследовательского пути; результаты этого этапа Штайнер причислял к своим центральным научным открытиям, и они настолько созрели в 1916/17 гг., что он торопился опубликовать их письменно по крайней мере в кратких набросках. Широко распространённые импульсы, идеи и практические инициативы, которые Штайнер мог дать после Первой мировой войны для формирования социальных отношений, науки, педагогики, медицины и других областей жизни, во многих отношениях основываются на этих открытиях.

Ход мыслей сочинения «Антропософия» берёт своё начало от духовнонаучного исследования чувств человека. Уже в конце XIX столетия в своих познавательнотеоретических сочинениях и комментариях к естественнонаучным сочинениям Гёте Штайнер философски основательно исследовал сущность восприятия чувств. Теперь в 1909/10 гг. он развил учение о чувствах, которое увеличило признанное в то время число чувств до десяти. Притом, Штайнер в этот период времени ещё имел точку зрения, что процесс осязания и восприятия другого «Я» в действительности являются не чувственными восприятиями, а ограничивающими местами сферы чувств относительно физически-чувственного внешнего мира и сверхчувственного мира. Эту точку зрения он сам никогда не публиковал. Начиная с 1916 г. он излагал в устных докладах всегда вновь с различных сторон своё, расширенное в этом промежутке времени, воззрение о всех двенадцати чувствах человека. В 1917 г. в своём сочинении «О загадках души», GA 21, он опубликовал очерк о двенадцати чувствах человека, включая теперь также осязание и непосредствен-

ное воспринимание чужого «Я». Только этот очерк можно рассматривать в качестве достаточного письменного представления его труда. Подготовительной работой для этого следует считать доклады и фрагмент от 1909/10 гг., в которых, разумеется, данное в очерке изображается подробнее. И это объясняет, почему позже Штайнер неоднократно не вдаваясь в подробности и кратко говорил о том, что его исследование двенадцати чувств человека относится к 1909/10 гг., – ведь для него произошло лишь видоизменение прежнего очерка. При этом следует иметь в виду, что Штайнер уже в 1910 г. исходит из двенадцати областей переживания, поместив десять чувств между границами органа осязания и органа «Я», о чём говорят как высказывания во фрагменте, так и многие пометки в записных книжках. Разница заключена лишь в том, что осязание и восприятие другого «Я» тогда он ещё не рассматривал как собственные чувства в пределах физическочувственного мира. Это можно хорошо проследить также на воспроизведённом листе записи (архивный номер NZ 63), с. 174 и след., рисунок которого показывает двенадцать областей переживания и десять областей чувств. Именно развитие учения о чувствах от десяти вначале и затем к двенадцати чувствам указывает, что Штайнер во время своего исследования чувств ни в коем случае не исходит априори из двенадцатиричной схемы, что он, хотя и описывал двенадцать областей переживания, но как подлинные чувства рассматривал сначала только десять чувств. Только дальнейшее развитие его исследования привело его к тому, чтобы, начиная с 1916 года, рассматривать как процессы осязания, так и восприятие другого «Я» в качестве полноценных чувств с соответствующими органами чувств человека, что отныне он и представлял всегда с большой силой, особенно в отношении чувства «Я». По-

смотрите по этому вопросу собранные в конце этой части фрагменты из полного собрания трудов, ведущие дальше в вопросе учения о чувствах, с. 239 и след.

Со времени работы над «Антропософией» основное строение организации человеческих чувств в трёх областях остаётся во всех изложениях Штайнера таким: нижняя область внутренних, телесных чувств; средняя область наполовину внутренних, наполовину внешних чувств; верхняя область чувств душевного рода целиком проникающих наружу. Своим различием чувств, относящихся к телесности, и исследованием чувств речи, понятия и «Я» как высших чувств Штайнер видел себя, с одной стороны, хотя и в оппозиции к господствующей науке, но с другой стороны, и в созвучии с некоторыми вершинами стремлений естествознания и философии своего времени: в докладах по «психософии», прочитанных им в ноябре 1910 г. одновременно или несколько дней спустя после работы над рукописью и печатными листами «Антропософии», он приступает к подробному рассмотрению философии Франца Brentano (1838 – 1917); затем в сочинении «О загадках души» он высказывает в 1917 году некую резюмирующую точку зрения в отношении мышления только что умершего Brentano; в том же сочинении Штайнер указывает по поводу своего очерка о чувствах человека на аналогично направленные тенденции идей у Вильгельма Дилтей (1833 – 1911); вечером 2 октября 1920 г. в докладе, GA 322, в связи с изображением чувства «Я» он обратил внимание на Макса Шелера (1874 – 1928) и его теорию непосредственного восприятия другой личности; и в «Антропософии» в некоторых местах он из перспективы своего духовнонаучного исследования явно наметил будущие естественнонаучные открытия, связанные с органами человека.

Цель изложения сочинения «Антропософия», как и изложения одноимённых докладов в предыдущий год, состояла в том, чтобы показать формирующие силы человеческой фигуры и органов человеческого организма как некую проблему, многослойно проходящую через весь его труд. Прямостоящая фигура человека как встреча двух силовых направлений сверху вниз и снизу вверх, симметрия сторон, установка вперёд, положение и форма отдельных органов должны быть поняты из деятельных телесных и душевно-духовных факторов в созидании человека. Следует принять во внимание, что Рудольф Штайнер примерно в то же время исследовал силы человека, стремящиеся вверх из бессознательных глубин, которые в раннем детстве ведут к обучению прямостоянию, говорению и мышлению; смотрите по этому вопросу доклады, прочитанные им в 1911 г. в Копенгагене: «Духовное водительство человека и человечества. Духовнонаучное рассмотрение развития человечества», GA 15. Кроме того, применительно к исследованию человеческой формы следует рассматривать как существенное расширение воззрения, положенного первоначально в 1909/10 гг. во фрагмент «Антропософия», лишь позже созревшее и опубликованное в 1917 году в «Загадках души», познание трёхчленности человеческого организма. Только благодаря этому стало возможным проследить, как связаны воедино душевные процессы представления, чувствования и желания и духовные миры имажинации, инспирации и интуиции вплоть до телесности трёх взаимно пронизывающих друг друга сфер деятельности нервно-чувственной системы, ритмической системы дыхания и циркуляции крови, а также системы обмена веществ.

Основы текста.

Документы текста.

Фрагменту «Антропософия» нельзя придать никакой окончательный вид текста, так как хотя Рудольф Штайнер в октябре 1910 г. и начал давать сочинение в типографию, но тогда оно не было ни закончено, ни опубликовано. В его наследии имеются тексты на разных стадиях завершения, которые к тому же отчасти содержат варианты. Данное издание содержит десять глав незаконченного сочинения в соответствии с последними существующими стадиями текста и в приложении – все материалы к литературному тексту фрагмента. В качестве документов к тексту фрагмента в архиве Рудольфа Штайнера содержатся:

а) Рукопись из 52 страниц, пронумерованная рукой Рудольфа Штайнера, причём страница 29 отсутствует и не сохранена. В остальном всё сочинение, насколько оно было завершено, содержит, таким образом, главы I – X до того места, где в главе X текст обрывается. Кроме того, существует одна рукописная страница оригинала с перечнем содержания десяти глав.

б) В каждом случае один или несколько экземпляров печатных листов первой и второй корректур, типография А.В. Гайнса Эрбена, Потсдам. Печатные листы датированы типографией и содержат по 16 страниц книги. Пять печатных листов первой корректуры содержат 80 книжных страниц свёрстанного и пронумерованного текста. Они содержат текст вплоть до предпоследней страницы главы IX. Они снабжены рукописными корректурами Рудольфа Штайнера, а именно следующим

образом: лист 1, 24 окт. 1910, 1 экземпляр с корректурами; лист 2, 25 окт. 1910, 1 экземпляр с корректурами; лист 3, 26 окт. 1910, 2 экземпляра с отчасти подобными, отчасти отличающимися друг от друга корректурами; лист 4, 28 окт. 1910, 2 экземпляра с частично подобными, частично отличающимися друг от друга корректурами; лист 5, с. 29, окт. 1910, 1 экземпляр с корректурами. – Имеющиеся также печатные листы второй корректуры содержат только первые два листа первой корректуры с выполненными корректурами, причём первые листы не разрезаны. Все листы второй корректуры не обнаруживают никаких новых корректур.

с) От того места, где в гл. IX кончаются печатные листы, вплоть до начала гл. X, имеются ещё четыре страницы печатных гранок. Следующий печатный лист уже не полный; рукопись продолжает сочинение за пределы последних гранок лишь ещё несколько страниц. Только первая из гранок пронумерована и имеет в двух экземплярах со стороны типографии даты 31 окт. 1910 и 28 ноября 1910; вторая свёрстана ещё как страницы книги, в то время как третья и четвёртая по страницам уже не свёрстаны. Печатные гранки не имеют никаких корректур.

d) Наряду с рукописью, печатными листами и гранками в архиве Рудольфа Штайнера сохранилась подборка отдельных рукописей разной протяжённости, которые представляют собой предварительные ступени и наброски к разным местам рукописи сочинения. Все эти отдельно имеющиеся рукописи-наброски опубликованы в приложении 2 в оригинальной орфографии, смотри с. 117 и далее.

Доклады по «Антропософии» 1909.

К кругу архивных материалов, относящихся к фрагменту, следует причислить также документы докладов по «Антропософии», прочитанных с 23 по 27 октября 1909 г. в Берлине. Основное направление содержания этих докладов соответствует тому, что Рудольф Штайнер стремился литературно кратко изложить в сочинении «Антропософия», и замысел опубликования книги восходит ко времени этих докладов. Эти доклады опубликованы в четвёртом издании в полном собрании трудов в томе «Антропософия – Психософия – Пневматософия», GA 115, Рудольф Штайнер Издательство, Дорнах 2001.

Записи в записных книжках и на отдельных листах.

Далее в записных книжках и на листах имеются многочисленные записи Рудольфа Штайнера, которые присоединяются к сочинению «Антропософия» по обстоятельству возникновения, по содержанию и периоду работы. Главным образом они содержат схемы и установки для членения чувств человека. Большая часть этих записей опубликована как «Записи Рудольфа Штайнера к учению о чувствах» в «Статьях к полному собранию трудов Рудольфа Штайнера», № 34, 1971, под редакцией Хендрика Кнобеля. Как и в прежних изданиях в этом издании не приняты во внимание записи в блокнотах и на листах, за исключением листа, который Рудольф Штайнер явно пометил – «к Антропософии», и следующего примера, указывающего на двенадцать областей переживания и десять сфер чувств, которые Штайнер хотел изобразить в своём фрагменте,

смотри приложение 3 и 4, с. 170 и далее. Несмотря на свою содержательную принадлежность к становлению и идейному развитию фрагмента рисунки представляют собой некий своеобразный комплекс работы и могут рассматриваться не в качестве предварительной стадии рукописи, а как непосредственный набросок для *литературного* текста «Антропософии».

Незавершённое исследование о слушании и говорении.

Незавершённой, но самостоятельной рукописью, вероятно, связанной с работой над «Антропософией», являются рассуждения на 15 страницах в записной книжке, архивный номер NB 210, о слушании и говорении. Незавершённое исследование, напечатанное по рукописи, приведено в качестве прилож. 5, смотри с. 178 и далее.

Название сочинения.

Рукопись и печатные листы никакого названия не имели, но начинались соответственно с текста в гл. I. В конце первой главы, имеющей программное название «Характер антропософии», Штайнер говорит (с. 21) о кратком наброске «Антропософии», которая должна быть написана как книга. Уже оповещая о четырёх докладах в Берлине в 1909 г., которые впервые устно представили это содержание, сам Штайнер назвал их «Антропософия»; и в первом докладе 23 октября 1909 г. он говорил о плане скорого литературного изложения содержания докладов как «краткого очерка того, что такое антропософия»; см. в «Личных высказываниях», с. 190. И как в письме от 1911 г., так и в некоем обзоре десятью годами позже, в 1921 г., Штайнер говорит о своём оставшемся незавершённым сочинении под на-

званием «Антропософия» (см. личные высказывания, с. 191 и 195). Из всего этого название «Антропософия» может быть принято как твёрдо установившееся. – Подзаголовок «Фрагмент» присоединён ответственным редактором издания, чтобы ясно показать на незавершённый характер посмертного произведения, притом это выражение было определённо приведено для сочинения уже Штайнером, см. личные высказывания, с. 193.

Расположение и вид текста.

В этом издании, насколько возможно, текст всегда следует соответственно последней сохранённой стадии текста, то есть вначале просто или в двух вариантах откорректированные печатные листы, затем неоткорректированные гранки, и наконец, когда они заканчиваются, рукопись. В частности это означает, что порядок следования текста таков:

- а) от гл. I до III печатные листы, откорректированные один раз;
- б) от гл. IV до места «некий род питания» в гл. VII, с. 71, строка 11 дублированные и отличающиеся друг от друга печатные листы из набора вариантов для главного текста и список всех вариантов в приложении, на что указывается ниже;
- в) с этого места в гл. VII до места «жизненными органами» в гл. IX, с. 85, строка 24 печатные листы снова только в одном варианте;
- д) от этого места в гл. IX до места «перевёрнутого» в гл. X, с. 89, строка 16, неоткорректированные гранки;

е) от этого места в гл. X до конца текста, с. 97, рукопись.

Правописание главного текста принципиально основывается на варианте печатных листов. В сомнительных случаях сравнивается с рукописью. Стиль печатных листов применяется также для принятых в тексте корректур и вариантов, а также для части последней главы, для которой в качестве основы текста имеется только рукописный текст. Невозможно решить, в какой мере Рудольф Штайнер подверг бы существующий текст дальнейшим содержательным и стилистическим изменениям. На основании многих приводимых к главе VI вариантов это можно допустить как очень вероятное. По крайней мере один раз он всё-таки просматривал и корректировал печатные листы.

Относительно рукописи правописание печатных листов отличается прежде всего: у иностранных слов (*эфирный, инстинктивный*); написания *gibt* вместо *giebt*; унифицирования написания *ß* (*daß, außen* вместо *dass, aussen*); в нескольких случаях при написании с большой и маленькой буквы, а также раздельное и слитное написание (*zugrunde, in beruf auf, zutage treten* вместо того, как всегда в рукописи *Zu Grunde, in Beruf auf, Zu Tage treten*); введение окончания *e* (иногда *höheren, inneren* вместо *höhern, innern, insofern* вместо того, как часто в рукописи *insoferne*); при использовании на стыке слов *S* (чаще всего *Geruchssinn, Geschmakssinn* для *Geruchsinn, Geschmacksinn*); и в отдельных случаях при пунктуации.

Относительно прежних изданий сокращения оставляются по форме оригинала (так всегда *Z. B.* вместо *Zum Beispiel*) и кроме того обычно текст вновь просматривается, сравнивается с документами и порой приводит-

ся ближе к оригиналам. На предварительных стадиях рукописей в приложении не принимается во внимание единая стандартизация правописания. Они публикуются в оригинальной орфографии рукописного текста. В них речь идёт о набросках к оставшемуся незавершённым произведению, которые ещё больше, чем само произведение, должны рассматриваться только как предварительные варианты.

Издательские вмешательства в основной текст при правописании и орфографии по отношению ко всем последним оригиналам печатных листов, корректур и рукописи отмечены ниже.

Варианты двойных корректурных редакций к гл. IV – VII.

Особую проблему для издания фрагмента представляет собой тот факт, что Штайнер двойко в двух экземплярах корректировал третий и четвёртый печатные листы от IV главы по VII главу. Почему – неизвестно. Можно допустить, что Штайнер здесь корректировал текст в два прохода, это указывает на то, что во многих местах формулировок он ещё не был свободен. Так корректуры частично подобны корректурам тех же мест в обоих вариантах, частично это корректуры, выполненные только в одной редакции, частично это – и это случается часто – разные редакции корректур для того же места в тексте в обоих экземплярах. Итак, существуют параллельные варианты корректур, которым невозможно дать никакого предпочтения. Ввиду этого состояния рукописи здесь невозможна единая форма текста по его последней стадии. Для данного издания предоставляются обе редакции корректур с обозначением А и В, и применяется следующий метод:

а) *Похожие* в *обоих* редакциях корректуры без дальнейшего доказательства включаются в основной текст как последняя ступень текста.

в) Места же, скорректированные в *одной* редакции, тоже всегда включаются в основной текст, так как место откорректировано по крайней мере один раз и поэтому может считаться переделанным, причём неисправленное место второго печатного листа тоже просмотренного и откорректированного Штайнером, как вариант показывается в приложении.

с) У *разных* корректурных редакций *одного и того же* места в редакции А и В одна выбирается для основного текста, а другая как вариант показывается в приложении. Выбор, произведённый соответственно стилистическим или содержательным точкам зрения, не следует однако рассматривать как существенный, так как здесь на основании текстовой основы нельзя дать никакой действительно последний вариант, а лишь альтернативное формулирование Штайнера.

В приложении 1, с. 101 и далее можно прямо сравнивать все варианты. Проблема исправленных вариантов становится относительной, если принять во внимание, что они чаще всего показывают языковое выражение содержания, и редко – новый вид содержания. Они проявляют борьбу Рудольфа Штайнера с трудной языковой формой для этого сочинения, борьбу, которую он сам многократно описывал, смотри личные высказывания с. 190 и далее. Наконец, надо определённо подчеркнуть, что и весь остальной текст не является окончательным вариантом единого сочинения Рудольфа Штайнера, но одним фрагментом оставленного наброска, на котором он прервал работу.

Корректурь текста.

В дальнейшем отмечены все издательские вмешательства в текст, когда он отличался от последнего оригинала, который в сомнительных случаях сравнивался с рукописью. Приведение в соответствие рукописных корректур в печатных листах, как и в оригинале рукописи для последней части гл. X, к орфографии печатных листов и гранок от гл. I до гл. X специально не показываются, когда дело заключатся в одном лишь применении соответствующего правописания (например *daß, direkt* вместо *dass, direct* и так далее), а кроме того в других случаях. Вначале при указании страницы и строки всегда дан вид текста в данном издании, рядом с этим следует вид текста оригинала, начиная с печатных листов:

19,3 духовного / духовного, 19,5 физическое / физического 19,14 миров?», / миров., 29,24 Gegebenen / gegebenen 34 *Заглавие гл. III : zugrunde / рукопись: zum Grunde / Корректурь Штайнера в печатных листах: zu Grunde что в отличие от рукописи в печатных листах всегда пишется как zugrunde, как и в тексте в названии главы.* 36,27 кому-то / кого-то 37,17 действующему / действующему 38,32 областях / областях, 43,16 и сл. стр*. Этот превышает / Эта превышает 45,28 «Я», / «Я»; 46,12 суждения, / суждения 47,9 разыгрываются, / разыгрываются 50,19 проявляются / проявляется 52,30 духовный мир, / духовный мир; 52,32 и сл. стр. жизненные процессы, / жизненные процессы; 53,17 обнаруживаются. / обнаруживаются. –

* и сл. стр. – означает: и следующая строка (прим. перевод.).

54,6 примыкает / примыкают 54,27 чувственно вос-
принятое / чувственно-воспринятое 55,11 жизненные
процессы / жизненные процессы, 56,20 названное чув-
ство – / названное чувство 61,25 снаружи / извне 65,33
и сл. стр. вышеуказанному / вышеуказанный 67,12 пе-
реживает, / переживает; 67,14 внутрь, / внутрь; 68,33
порождение, / порождение; 69,8 можно, / можно 69,33
организм понятия, / организм понятия 71,6 должно
этой / должно себя этой 71,17 принято, / принято
71,20 представляет, / представляет; 72,3 по содержа-
нию / по содержанию, 72,23 То есть, / То есть 73,5 из-
вне, / извне 74,15 быть, [гл. связка 3 лицо мн. число;
прим. перевод.] / быть, [гл. связка 3 лицо един. число;
прим. перевод.] 74,19 формирующие чувственные ор-
ганы / формирующие чувственные органы 75,27 *Руко-*
пись: затормаживаются / *Печатный лист*: разделяются
76,7 образуют, / образуют 78,9 Обратное / обратное
79,29 существующее, а / существующее и 80,30 пред-
полагает, / предполагает; 82,2 веществом / веществом,
82,11 выводит, / выводит; 82,12 то есть, / то есть 82,21
вывело / выводит 84,6 предполагают, / предполагают
85,4 вещественно-внутренним / вещественно-внутрен-
ним 86,1 заключены? / заключены. 87,19 погружён-
ным внутрь / погружённое внутрь 89,10 *Дополнено*:
носитель «Я» как одно / носитель «Я» одно

Отсюда вмешательства в текст касаются только имею-
щегося оригинала рукописи:

90,22 из того / из, того 90,24 *Дополнено*: человек себя в
/ человек в 91,7 продолжает действовать, / продолжает
действовать 92,25 и сл. стр. *Дополнено*: не на / не
92,31 миры / миры, 93,1 *Дополнено*: однако (?) / ab
[приставка, имеющая значение отказа, лишения чего-л.

и др.; прим. перевод.] 93,13 формы / форма 93,15 «справа-налево» / справа-налево 93,18 Поворот внутрь / поворачивание внутрь 93,23 проявляется, / проявляется 94,32 есть / есть, 95,11 воздействия / уже воздействия 96,13 возбуждающий звук / возбуждающий звук 96,29 возможность, / возможность 97,2 *Добавлено:* является незначительным, / незначительный, 97,12 Я-восприятие / восприятие «Я» 97,20 органа, / орган 97,26 обоняния, / обоняния;

Примечания

Антропософия. Фрагмент.

Стр.

3 *Антропософия*: во время работы над сочинением ещё не было обозначено название для духовнонаучного движения, исходящего от Рудольфа Штайнера (смотри об этом также на с. 212), оно возникло лишь с отделением от Теософского общества, последовавшем в 1912/13 г. Во время написания «Антропософии» Штайнер был ещё генеральным секретарём основанной в 1902 году Немецкой секции Теософского общества, причём обозначились растущие разногласия. К вопросу о докладах, прочитанных под тем же названием в Берлине в 1909 г., смотри с. 203, с.204, с. 211 и далее с. 212.

Выражение «антропософия», образованное по аналогии с названием «теософия» и составленное из греческих слов *антропос* и *софия*, примерно означает «мудрость о человеке», соответственно «мудрость, которую говорит человек», как это сформулировал Штайнер в первом докладе из серии докладов «Антропософия» (Берлин 1909, GA 115, см. в этом издании в «Личных высказываниях об „Антропософии“», с. 190). Рудольф Штайнер по собственному свидетельству (см. доклад в Дорнахе от 11 июня 1923 г., GA 258) позаимствовал выражение, которое в 1902 году он однажды уже применил для обозначения одного цикла докладов, из названия книги философа Роберта Циммермана. Во время своей учёбы в Вене он слушал его лекции. Роберт Циммерман (1824 – 1898), австрийский философ и эстетик, издал в Вене в 1882 г. своё произведение «Очерк антропософии. Эскиз мировой системы идеального мировоззрения на реалистической основе». В предисловии антропософия отмежёвывается от антропологии и теософии,

там говорится: «Антропософия – это наименование книги. Философия, избирающая такое же название, хочет этим показать, что как целью её спекулятивно-го направления не будет теософия, так её не удовлетворит и быть подобной эмпирической нефилософии и некритической антропологии».

Это возможное среднее положение антропософии между антропологией и теософией Штайнер подхватывает здесь в охарактеризованном им в первой главе смысле, чтобы охарактеризовать иную, чем в антропологии и в теософии, методическую и содержательную направленность.

№, №
прим, стр.

- 1, 16 *Антропология*: наименование широкого круга наук, направленных на понимание человечества, которые простираются от физического знания о человеке в аспекте культурных эпох до философской антропологии.
- 2, 17 *Теософия*: выражение образовано из греческих слов *теос* «Бог» и *софия* «мудрость», то есть примерно означает «мудрость о Боге» и является традиционным обозначением высшего мистического познания. Кроме того, это слово входит в наименование международного движения, основанного в Нью-Йорке в 1875 году Еленой Петровной Блаватской (1831 – 1891) и Генри Стилом Олкоттом (1832 – 1907) – Теософского общества, внутри которого Штайнер работал с 1902 года, занимая независимое положение в качестве генерального секретаря немецкой секции. Это выражение стало определяющим для названия его основополагающего произведения 1904 г.: «Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека», GA 9.

- 3, 19 *«Как достигнуть познания высших миров?»*: основополагающее произведение Рудольфа Штайнера о развитии всеобъемлющих высших форм познания, опубликованное в 1904/05 гг. GA 10.
- 4, 21 *психософия, которая рассматривает душевное, и пневматософия, которая занимается духом*: под этими названиями Штайнер прочитал по случаю Генерального собрания немецкой секции Теософского общества в ноябре 1910 г. и в декабре 1911 г. серии докладов, продолжившие доклады «Антропософия», прочитанные в 1909 г. Три серии докладов изданы в томе «Антропософия – Психософия – Пневматософия», GA 115. Прежде всего Штайнер намеревался опубликовать соответственно этому ряду три книги, от чего он, однако, отказался, поскольку остался незавершённым труд «Антропософия». Выражение «психософия» по аналогии с теософией и антропософией образовано из греческих слов *психо* – «душа» и *софия* – «мудрость», то есть примерно означает «мудрость души». Название «пневматософия» (от греческих слов *пневма* – «воздух», «дыхание», «дух») соответственно примерно означает «мудрость духа».
- 5, 23 *что сказал Гёте*: изречение взято из стиха четвёртой строфы позднего стихотворения Иоганна Вольфганга Гёте (1749 – 1832) «Завет», где в переводе это звучит так:
- «Тогда доверься чувствам, ведай:
Обманы сменятся победой,
Коль разум бодростью дарит».
- (Перевод Н. Вильмонта.)
- 6, 31 *которое обычно называют осязанием*: как и в серии докладов «Антропософия», Берлин 1909, GA 115, Штайнер здесь определённо понимает чувство осязания не как самостоятельное чувство, а как суждение,

которое основывается на свойствах впечатлений некоторых других чувств. Но всё же процесс осязания рассматривается им как собственная область переживания на внешней границе чувственной жизни (см. об этом с. 37 и 39 и далее), почему также во многих местах речь идёт о «чувстве осязания», об «органах осязания» и о «восприятии осязания». Во всех своих докладах о двенадцати чувствах, начиная с 1916 г., и в опубликованном Штайнером письменном наброске (глава «О реальной основе целенаправленной связи» в книге «О загадках души» 1917, GA 21) чувство осязания также считается независимой чувственной функцией, причём там заявляется, что человек «никогда не получает какое-либо впечатление только через одно чувство, но сверх того – всегда ещё, *по меньшей мере, через второе*».

7, 38 как чувство осязания, так и «Я» в малой степени могут быть отнесены к собственной жизни чувств: в контексте «Фрагмента» Я-переживание понимается в смысле собственного «Я» и рассматривается по отношению к осязанию как противоположная внешняя граница жизни чувств в направлении сверхчувственного – смотри об этом также воспроизведение записи на листе (архивный номер NZ 63) на с. 174 и далее. Кроме того, в незавершённом исследовании о слушании и говорении (смотри приложение 5 с. 178 и далее) слушание звука хоть и считается душевно-чувственным процессом восприятия, но всё-таки не комплексным представлением другого «Я». Во всех поздних высказываниях Штайнера о двенадцати чувствах, начиная с 1916 г. и позже, чувство, простирающееся от переживания собственного «Я» до чувства *другого* «Я», Я-чувства, считается самостоятельным чувством человека; смотри, например, в сочинении «О загадках души» в месте, данном в предыдущем примечании:

«Кто примет во внимание всё, что учтено для характеристики одного человеческого чувства, тот обнаружит, что необходимо назвать ещё другое «чувство», помимо того, что обычно так называют. Например то, что превращает «глаз» в «орган чувства», налицо и тогда, когда переживают факт наблюдения *другого «Я»*, ...Руководствуясь тем, что физиология и психология выявляют в этом отношении при целостном рассмотрении, достигают следующего воззрения на человеческую организацию чувств. Необходимо распознавать: чувство для «Я-восприятия» другого человека; ...». О том, насколько Штайнер уже в 1910 году занимался, наряду с восприятием понятия и звука речи, восприятием другого «Я», явствует, например, из записи в записной книжке (архивный номер NB 210/3), смотри «Статьи к полному собранию трудов» №34, 1971: «Восприятие чужого «Я» предполагает орган, не имеющий никакого физического содержания в восприятии (только силу восприятия): организм «Я»». См. также описание в другом аспекте на отдельном листе «к антропософии», с. 170 и далее, а также высказанные вначале незавершённого исследования о слушании и говорении мысли о том, что именно Я-организм можно рассматривать как «тип органа восприятия», с. 178. Разница более позднего воззрения Штайнера состоит не в общем смысле, который он с самого начала придавал переживанию другого «Я», а в том, что лишь позже рассматривал это переживание как собственный чувственный процесс.

- 8, 42 *Жизненные процессы*: смотри также изображение двенадцати чувственных сфер и семи жизненных процессов в докладе в Дорнахе 12 августа 1916 г. в: «Загадки человека. Духовные подосновы человеческой истории», GA 170.

*О слушании и говорении,
незавершённое исследование ок. 1910.*

- 9, 178 *образ некоего подобного чуждого «Я»*: смотри о проблеме восприятия другого «Я» примечание к с. 38.
- 10, 179 *Франц Brentano*, 1838 – 1917, философ, католический теолог и священник, который в 1873 году из-за толкования догмы о непогрешимости вышел из церкви. Brentano благодаря своей строгой методологии, своим ученикам и исследованиям Аристотеля, исследованиям в области психологии и логики оказал большое влияние на философию, предшествующую XX столетию, особенно на феноменологическое направление мышления. Цитата взята из первого тома его впервые появившейся в Лейпциге в 1874 г. «Психологии эмпирической точки зрения», первый том, глава II, §2. Штайнер в свои студенческие годы в Вене слушал лекции Brentano и видел в философии Brentano значительнейший опыт реальной научной психологии. Он многократно обращался к личности Brentano, к его мыслям и его произведению, особенно часто в своих докладах по «Психософии» и «Пневматософии», Берлин 1910/11, GA 115, как и в своём сочинении «О загадках души», 1917, GA 21, которое содержит некий обстоятельный некролог по поводу смерти Brentano.
- 11, 181 *«Как достигнуть познания высших миров?»*: смотри примечание к с. 19.
- 12, 181 *Иоханн Фридрих Герbart*, 1776 – 1841, философ, психолог и педагог, профессор в Гёттингене и в Кёнигсберге, особенно влиятельный в педагогической науке. Приведённое сравнение находится в опубликованном впервые в Кёнигсберге в 1828 г. сочинении «Общая метафизика наряду с началами философского учения о природе», первая часть, §117,

где Герbart в критическом рассмотрении кантианства и понятий мира явлений Канта пишет:

«После того как он объяснил весь опыт на стороне одного лишь явления; после того как для него стало неопределённым – субстанционально ли в нас мыслящее, и в такой же степени стало неопределённым, что за вещи в себе хотят прятаться позади телесных явлений, он довольствовался неопределённой догадкой, что существующее, пожалуй, скрыто позади видимости. Решительное требование начинать теперь исследование, чтобы *определить существующее как таковое, каким оно должно быть, чтобы явления со своей стороны происходили так и не иначе*, – эта движущая сила метафизического мышления на него не действовала. Но она должна была действовать на него.

Как дым указывает на огонь, так внешнее указывает на существующее; он не только указывает, но напоминает нам, чтобы мы отправились посмотреть, где горит».

Смотри также изложение Штайнера о философии Гербарта в «Загадках философии, изложенных в виде очерка её истории.», 1914, GA 18, гл. «Реакционные мировоззрения», где упоминается то же сравнение. Вероятно Штайнер заимствовал это сравнение из книги Роберта Циммермана, находящейся в его библиотеке, «История эстетики как философская наука», Вена 1858, с. 754. О Циммермане, принадлежащем к мыслительному направлению Гербарта, смотри также примечание к с. 3.

Именной и предметный указатели.

Именной и предметный указатели относятся к основному тексту, с. 13 – 97, и к приложениям 1 – 5, с. 101 – 189 (*курсив*).

Именной указатель

- Брентано, Франц 179
– Эмпирическая психология 179
Гёте, Иоганн Вольфганг 23
– Изречение о чувствах из стихотворения «Завет» 23
Гербарт, Иоганн Фридрих 181
Штайнер, Рудольф
– «Как достигнуть познания высших миров?» (GA 10) 19,
181

Предметный указатель

- Антропология
– наука 16 – 21, 117 – 121
– чувства, органы чувств 16, 24 сл. *, 39 – 41, 47, 134
– орган равновесия 25, 40, 134
– чувство тепла 41
– чувство осязания 41 сл.
– процесс дыхания 42
– органы жизни 47
– линии нервных путей 91
– и антропософское рассмотрение телесной формы 93

* сл. – (здесь и далее) и следующая страница (прим. перевод.)

– тепло 111

Антропософия

– род познания 20 сл., 120 сл.

– рассмотрение чувств 22 сл. сл. **

– рассмотрение телесной формы 92 – 97

– запись на листе «к антропософии» 170 – 173

Асимметричные органы 93 сл.

Астральное тело 56 – 58, 66 сл., 78 сл., 95 сл., 110, 151

Астральный мир 52 сл., 59, 79, 87 сл., 91 сл., 95 сл., 107 –
110, 132 – 134, 136, 160, 164, 169, 177

Астральный человек 47, 50 – 59, 54, 64, 66, 78, 90 сл., 95
сл., 104 – 108, 124, 127 – 134, 136 сл., 159, 164 сл.

Боль 29

Вещество 26 сл., 70 – 73, 75, 79 – 85, 87, 90, 93, 95 сл.,
97, 133, 137, 155 сл., 158 сл., 163 – 165, 166, 168

Вкус, смотри Чувство вкуса

Восприятие, смотри Чувства

Выделение 43 – 45, 50, 68, 79, 83, 101, 138, 155 – 158, 165
сл., 171

Выделение пота 44

Высший духовный мир, смотри Духовный мир

Глаз 22, 35 сл.

Головной мозг 92, 95

Головокружение 25

Голод 44, 46, 55, 102

Гортань, смотри также Орган речи 94, 188 сл.

Духовный мир

– высший духовный мир 52, 84 – 86, 87 сл.сл., 107 сл. 152,
154, 156 сл., 159 – 161, 167, 169

** сл.сл. – (здесь и далее) и следующие страницы (прим. перевод.)

– низший духовный мир 52, 59, 79, 84, 87 сл.сл., 107 – 110, 149, 152 – 154, 156 сл., 159 сл., 167 – 169

Душевная жизнь 34 сл., 38 сл., 40, 121 – 123, 158, 171

Душевные процессы и восприятие 178 – 189

Дыхание 42, 44 – 49, 58, 68, 80, 83, 95, 103 сл., 137 сл., 155 – 159, 165 сл.

Желания 34, 54 – 59, 64, 66, 78 сл., 95 сл., 110, 140, 158 сл., 160, 163 – 166, 171, 176 сл.

Жест 30, 122, 128, 131

Животное 16, 88 сл., 92 сл., 139

Жизненные инстинкты, смотри Эмоциональные переживания

Жизненные органы 47 – 53, 74 – 80, 83 – 85, 87 сл., 92, 95, 105 – 109, 137, 139, 155, 157 – 159, 165 сл., 168 сл., 170 сл.

Жизненные процессы 42 – 53, 58 сл., 68, 70 сл., 74, 76 сл., 79 сл., 83, 91 сл., 105 – 111, 116, 138 сл., 150 сл., 155 – 158, 162, 169, 171

Жизненный мир 47, 51, 103, 105

Жизнь эмоций, чувств 34, 36, 180, 187

Звук, звук речи 28 сл., 53, 94, 108, 144, 146 сл., 170, 181 сл., 184 сл.

Зрение, смотри Чувство зрения

Изнутри наружу, смотри Направления

Импульс движения, способность движения 54, 55 – 59, 64, 78 сл., 96, 110, 114, 158 сл., 160 – 166, 171, 177

Инстинктивные внутренние переживания, смотри Эмоциональные переживания

Костная система 16, 95

Кровообращение 48, 95, 171

Лёгкое, смотри также Дыхание 48

Мимика, выражение лица 30, 122, 128, 134

Мир чувств, чувственный мир, смотри Физический мир

Мышечная система 16, 95, 171

Нажатие 31

Направления пространства, смотри также Направления
человеческой формы 69 сл., 81 сл., 92, 145

Направления человеческой формы

– изнутри наружу, снаружи внутрь 39 сл., 60 – 63, 140 –
145, 151

– слева-направо, справа-налево 77 сл., 90 сл., 149, 155, 157
сл., 161 сл.

– сверху-вниз, снизу-вверх 65 сл., 74, 89 сл.сл., 146 – 148,
152, 154, 159 – 162, 167 сл., 169

– сзади-вперёд, спереди-назад 90 сл.сл., 152, 155, 160 сл.,
165 сл., 168 сл.

Наследование, передача по наследству 125 – 127

Нервы, нервные пути, организм нервов 16, 32, 90, 168, 185,
187

Низший духовный мир, смотри Духовный мир

Ногти пальцев 139

Обман чувств 22 сл.

Обоняние, смотри Чувство обоняния

Образ, ощущение образа, смотри Ощущение

Орган речи, смотри также Гортань 94, 181 – 189

Организм звука 65 сл.сл., 74, 83

Организм понятия 64 сл.сл., 74, 83, 114 сл., 145 – 148

Организм «Я» 65 сл.сл., 74, 83, 114 сл., 145 – 148, 178

Органы циркуляции, смотри Кровообращение

Ощущения, ощущения образа 16 сл., 55 – 59, 64, 66 сл., 78,
95 – 97, 110, 113, 145, 152, 156, 158 сл., 163 – 165, 170,
176 сл.

Питание 42 сл., 44, 46 – 48, 50, 68, 71, 79 сл., 83, 87, 116,
139, 155 – 158, 165 сл., 171

Пища, смотри Питание

Пищеварение 43, 48

Пневматософия 21, 121

Познание

- познание человека 13 сл.сл.
- разнообразие точек зрения истинного познания 13 сл.сл.
- антропологическое познание 16 – 20, 93, 117, 121 сл.
- теософское познание 17 – 21, 117 – 121
- антропософское познание 20 сл., 93, 120 сл.
- истина, заблуждение, обман чувств 22 сл.

Половая зрелость 125 – 129

Порождение 43 сл., 68, 79, 83, 87, 101, 139, 149, 155 – 158,
165

Представление 16, 34 сл.

Приятность, хорошее самочувствие 44, 46, 48

Прямая форма, см. Направления

Психософия 21, 121

Размножение 43 сл., 101, 125, 129

Расположение

- восприятие расположения 24 сл., 96
- расположение органов 88, 96 сл.

Речь, говорение 17, 28 сл., 94, 171, 181 – 189

- собственное движение при говорении 181 – 186

Рождение 74, 134, 147, 169

Рост 43 – 45, 46, 48, 68, 83, 89 сл., 124, 137 сл., 148, 155
– 158, 165, 171

Сбрасывание кожи 139

Сверху-вниз, см. Направления

Свет 27, 35 сл., 53, 72, 108, 185

Сверхчувственный, духовный мир 18 – 21, 37 – 40, 50 –
52, 64 – 66, 105 – 107, 118 – 121, 177, 180 *сл.*, 189

Сердце 95

Сзади-вперёд, см. Направления

Симметричное строение человека 77 *сл.*, 90, 93, 149

Слева-направо, см. Направления

Слух, см. Чувство слуха

Слюна 42, 50

Смена зубов 124

Снаружи-внутри, см. Направления

Снизу-вверх, см. Направления

Согревание 42, 44 – 48, 62, 68, 71, 83, 138, 155 – 158, 162,
164 *сл.*, 171

Состояния страха 44

Сохранение, процесс сохранения 43 – 45, 58, 68, 79, 83, 137
сл., 155 – 158, 165, 171

Сочувствие чужому «Я» 187

Спереди-назад, см. Направления

Справа-налево, см. Направления

Статическое чувство, см. Чувство равновесия

Страсти, см. также желания 34, 36

Суждение, судить, деятельность суждения 22, 28 – 32, 34,
46 *сл.*, 54 *сл.*, 61, 102, 140 *сл.*, 186

Тело, см. Физическое тело

Тепло, см. Чувство тепла, нагревание

Теософия 17 – 21, 117 – 121

Тон 28 *сл.*, 39, 45, 49, 53, 63, 69 *сл.*, 75, 96, 104, 108, 114,
115 *сл.*, 130, 140, 146 – 148, 170, 184 *сл.*, 187 – 189

Утомление 24

Ухо 22, 78, 94, 130, 185

Фантазия 171

- образ фантазии 57 сл.
- орган фантазии в головном мозгу 95
- Физиогномия 30, 122, 128, 131, 134
- Физический мир, чувственный мир 25, 35, 46, 50 — 53, 78, 87 — 97, 106 — 108, 122 сл., 126 сл., 135 сл., 152 — 156, 158, 163 сл., 167 сл., 176 сл., 178 сл.сл., 185 сл.сл.
- Физическое тело, физический человек, физическое тело человека 51 — 53, 55, 79, 87 — 97, 106 — 108, 120, 124 — 136, 152 — 169
- Форма головы 171
- Форма человека 41, 65 сл., 74, 76 сл., 87 — 97, 122, 152 — 169
- Цвет 27, 29, 63, 71, 80, 148
- Чувства, органы чувств, чувственные восприятия и т.д.
 - чувства человека 22 — 33
 - обман чувств и заблуждение 22 сл.
 - всеобщий характер одного чувства 24
 - чувства, отнесённые к собственной телесности 25 сл., 32, 127 сл., 136, 138, 150, 152 сл.
 - чувства, отнесённые к физическому внешнему миру 25 сл., 32, 127
 - чувства, отнесённые к внутреннему внешнему миру 32, 135, 150 сл.
 - различие между областями чувств 31 — 33, 131 — 136
 - основа душевной жизни 34 — 36, 121 сл.сл.
 - построено из сверхчувственного мира 35 — 40
 - чувства и «Я», Я-человек 36 — 40, 45 — 48, 50 — 53, 64, 107, 121 сл.сл., 140 сл.сл., 150 сл.сл.
 - чувства как окружность душевной жизни и «Я» 37 — 39, 56, 74

- чувства и жизненные процессы 44 – 53, 74 – 76, 145 – 147, 152 *сл.сл.*, 162 *сл.*
- чувства как разделённые по ступеням переживания «Я» 60 – 64, 140 *сл.сл.*
- органообразующие силы чувств 64 – 75
- перевёрнутые чувственные процессы 67 – 75, 78 *сл.*, 84 – 86, 145 – 147, 152 *сл.сл.*, 162 *сл.*
- зачатки чувств в жизненных органах 76 – 87, 154 *сл.сл.*
- чувства и вещьественность 79 – 87, 150, 163 *сл.сл.*
- формообразующие силы чувств 88 – 97, 152 – 169
- Чувствование, см. Жизнь эмоций, чувств.
- Чувство вкуса 23, 26 *сл.*, 32, 39, 47, 50, 61 *сл.*, 71 – 73, 80 *сл.*, 83, 95, 97, 111 *сл.*, 127, 129, 133 – 135, 143 *сл.*, 147, 149 *сл.сл.*, 155 – 158, 162 – 164, 165, 171, 176 *сл.*
- перевёрнутое чувство вкуса 71 *сл.*, 80 *сл.*
- Чувство жизни 24 *сл.*, 32, 38 – 40, 62, 68 – 70, 82, 85 *сл.*, 111, 113, 127, 129, 133 *сл.*, 135, 144, 151 – 155, 157, 159, 162, 170, 176 *сл.*
- перевёрнутое чувство жизни 65 – 70, 81, 82, 84 *сл.*, 88 *сл.*, 115, 162
- Чувство звука 28 *сл.сл.*, 39 – 41, 63 – 67, 82 *сл.*, 86, 93 *сл.*, 114, 133 – 135, 142, 144 – 148, 149 *сл.*, 153 – 156, 159 – 161, 169, 170, 176 *сл.*, 181 – 189
- Чувство зрения 23, 27 *сл.*, 32, 39, 47, 61 – 63, 71 *сл.*, 80 *сл.*, 83, 93, 111 *сл.*, 133 – 135, 143 *сл.*, 148 – 150, 155 – 158, 162, 164 *сл.*, 171, 176 *сл.*
- Чувство обоняния, переживание обоняния 23, 26 *сл.*, 32 *сл.*, 39, 61 *сл.*, 70 – 73, 80 *сл.сл.*, 83, 95 *сл.*, 97, 111 – 113, 127, 129, 132 – 135, 143 *сл.*, 147 *сл.*, 149 *сл.*, 155, 158, 162 – 165, 171, 176 *сл.*
- перевёрнутое чувство обоняния 70 – 73, 80 *сл.*, 95, 97

- Чувство осязания 23, 31 сл., 37 сл., 40 сл., 60 – 62, 67, 77, 83, 89, 135 сл., 141, 143, 145, 168, 170, 176 сл.
- перевернутое чувство осязания 68, 89, 167
- Чувство понятия 30, 32 сл., 39 сл., 63 – 68, 83, 85, 88 сл., 94 сл., 115, 134 – 136, 141 сл., 144 – 147, 150 – 156, 159 – 165, 169, 170, 176 сл.
- Чувство равновесия 25 сл., 32, 39 сл., 69 сл., 82 сл., 93, 94, 111, 115, 129, 133 – 135, 145, 147, 151, 153 – 155, 157, 160, 162 сл., 167, 170 сл., 176 сл.
- перевернутое чувство равновесия 69 сл., 75, 81 сл., 83, 84 сл., 93, 115 сл., 162 сл.
- Чувство речи, см. Чувство звука.
- Чувство слуха 23, 28 – 30, 32 сл., 35, 39, 45, 48 – 50, 62 сл., 68 – 70, 82 сл., 83, 86, 93 сл., 96, 103 сл., 107, 115 сл., 130, 133 – 135, 137, 142, 144 – 151, 153 – 156, 159 – 162, 163 сл., 170 сл., 176 сл., 181 сл., 184 – 189
- Чувство собственного движения 24 сл., 32, 38 – 40, 68 – 70, 93, 96, 111, 114, 127, 129, 133 сл., 136, 145, 147, 151, 153 – 155, 157, 160, 162, 170, 176 сл.
- перевернутое чувство собственного движения 68 – 70, 81 сл., 83, 84 сл., 162
- собственное движение при говорении 181 – 186
- Чувство тепла 27, 31 – 33, 35 сл., 39, 41, 62, 70, 81, 83, 108, 111 – 113, 133 – 135, 137 сл., 142 – 144, 147 – 151, 156 – 158, 165, 171, 176 сл.
- Эмоциональные переживания, инстинктивные переживания благодаря жизненным процессам 44 – 47, 48, 50 – 55, 58 сл., 104 – 108
- Эфирное тело 52, 53, 79, 91, 107 – 109, 127 – 134, 137, 166
- Эфирный мир, см. также Жизненный мир 123 сл., 126 – 134, 136, 177

- «Я», Я-ощущение, Я-переживание, Я-человек
- чувственные восприятия и «Я» 34 – 40, 45 – 48, 50 – 53, 60 – 64, 96 сл., 123 сл., 129, 132, 134 – 136, 178 – 189
 - Я-переживание – противоположность осязанию 40, 66, 89, 135 сл., 167 сл., 177
 - физическое тело и Я-человек 50 – 53, 128
 - Я-переживание у разных чувств 60 – 70, 74, 86, 88, 94 – 97, 140 – 148
 - переживание «Я», Я-ощущение, самопереживание «Я» 64 – 68, 94 – 97, 171, 176 сл., 178 сл.сл.
 - физическое тело человека как носитель «Я» 50 сл., 89 сл., 95, 161 сл., 166 сл.
 - человеческая форма как образ «Я» 95
 - восприятие чужого «Я» 170, 178, 184 – 186

Дополнительные высказывания об учении о чувствах и о двенадцати чувствах в трудах Рудольфа Штайнера.

GA = Полное собрание трудов Рудольфа Штайнера.

Сочинения

Предисловие к естественно-научным сочинениям Гёте, 1884-1897, GA 1.

О загадках души, 1917, GA 21.

Доклады

Антропософия-Психософия-Пневматософия, GA 115. «Антропософия», 4 доклада, Берлин 23-27 октября 1909, и «Психософия», 4 доклада в Берлине, 1-4 ноября 1910.

Искусство и художественное познание: основы новой эстетики, GA 271. «Сущность искусств», доклад в Берлине, 29 октября 1909.

Ответы духовной науки на великие вопросы бытия, GA 60. «Дух человека и дух животного» и «Дух в растительном царстве», доклады в Берлине, 17 ноября и 8 декабря 1910.

Существа мира и собственная личность, GA 169, «Двенадцать чувств человека», доклад в Берлине 13 июня 1916.

Загадка человека – духовные подосновы истории, Космическая и человеческая история, том I, GA 170. О двенадцати сферах чувств и семи жизненных процессах, о двенадцати чувствах и органах высших чувств, доклады в Дорнахе, 12 августа и 2 сентября 1916.

Наука о становлении человека, GA 183. О двенадцати чувствах в связи с трёхчленностью человека и зодиаком, разделение на дневные и ночные чувства, доклад в Дорнахе 25 августа 1918.

Общая антропология как основа педагогики, GA 293. «О двенадцати чувствах в связи с мышлением, чувствованием и желанием и их значением для педагогики», доклад в Штутгарте 29 августа 1919.

Духовная наука как познание основных импульсов социального формирования, GA 199. «Двенадцать чувств человека в их связи с имагинацией, инспирацией и интуицией», доклад в Дорнахе 8 августа 1920.

Границы естественного познания и их преодоление, GA 322. О научном познании и высших формах познания в соответствии с разными чувствами, доклады в Дорнахе 28 сентября, 1, 2 и 3 октября 1920.

Становление человека, душа и дух мира – вторая часть: Человек как духовное существо в ходе исторического становления; *Человек в его связи с космосом*, том VI, GA 206. О двенадцати чувствах человека и о высших и низших чувствах в ходе исторического развития, доклады в Дорнахе 22 и 23 июля 1921.

О здоровье и болезни – основы духовнонаучного учения о чувствах, доклады для рабочих Гётеанума, том II, GA 348. Об ухе, глазе, носе, обонянии и вкусе, чувстве осязания, чувстве вкуса, чувстве обоняния и чувстве тепла, доклады в Дорнахе 29 ноября, 13, 16 и 20 декабря 1922.

Момент возникновения естествознания в ходе мировой истории и его развитие до нынешнего времени, GA 326. О первичных и вторичных свойствах чувств, доклад в Дорнахе 1 января 1923.

Статьи к полному собранию трудов.

Наброски Рудольфа Штайнера к учению о чувствах, 1910, № 34, 1971.

Библиографический список прежних изданий

1. Издание, в авторском издательстве управления наследием Рудольфа Штайнера, Дорнах 1951
(под редакцией Иоганна Ваегера)

Полное собрание трудов Рудольфа Штайнера:

2. Издание, с более широким приложением, Дорнах 1970
(под редакцией Хендрика Кнобеля)
3. Издание, Дорнах 1980
(под редакцией Хендрика Кнобеля)

Дело Рудольфа Штайнера

Рудольф Штайнер (1861 – 1925), который вначале проявил себя как философ, публицист и педагог, развернул из Берлина XX столетия широкую культурную и социальную деятельность и основал современную духовную науку, антропософию. Его обширная деятельность охватывает сочинения и статьи, записи и письма, художественные эскизы и модели, а также тексты нескольких тысяч докладов в форме записей слушателей.

Со времени смерти Марии Штайнер фон Сиверс (1867 – 1948), спутницы жизни Рудольфа Штайнера, руководство его литературным и художественным наследием осуществляет основанное ею *Управление наследием Рудольфа Штайнера*. С тех пор в созданном для этого *Архиве Рудольфа Штайнера* работают по сохранению, исследованию и изданию существующих документов. Издаваемые книги публикуются в *Издательстве Рудольфа Штайнера*, организационно связанном с Архивом.

Главной задачей издательской деятельности является полное издание публикуемых с 1955 – 1956 гг. трудов Рудольфа Штайнера (GA, смотри нижеследующий обзор). Оно охватывает свыше 350 томов, а также дополнительно опубликованные труды из художественных произведений. Дело доходит до многочисленных отдельных специальных изданий, изданий записных книжек и других сопутствующих публикаций. Издания подготавливаются профессиональными компетентными издателями на основании существующих в архиве документов и дополняются примечаниями, алфавитным списком и так далее. При новом издании текст часто проверяется ещё раз на основании первоисточников.

Полное собрание трудов издано ещё не полностью; к тому же многие архивные документы нуждаются в обособленной издательской обработке. Это связано с боль-

шими временными и финансовыми затратами, которые не могут финансироваться за счёт сбыта книг, но их необходимо поддерживать вкладами пожертвования. В такой же мере это имеет место для многих других сфер деятельности архива, который не получает никаких социальных дотаций. Чтобы Архив и в будущем мог выполнять свои задачи в качестве центра сохранения, разработки, издания и предложения трудов Рудольфа Штайнера, в 1996 году было основано *Международное общество содействия Архиву Рудольфа Штайнера*.

Для более широкой информации или за бесплатными каталогами обращайтесь по адресу:

Rudolf Steiner Verlag/Rudolf Steiner Archiv

Postfach 135

CH-4143 Dornach 1

[Verlag @ rudolf-steiner.com](mailto:Verlag@rudolf-steiner.com)

www.steiner Verlag.com/www.steinerarhiv.info

А. ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

1. Книги

1. Введения к естественнонаучным трудам Гёте. 1884 – 1897
2. Основные черты теории познания мировоззрения Гёте, с особым вниманием к Шиллеру. 1886
3. Истина и наука. 1892
4. Философия свободы. 1894
5. Фридрих Ницше, борец против своего времени. 1895
6. Мировоззрение Гёте. 1897
7. Мистика на заре духовной жизни нового времени и её отношение к современным мировоззрениям. 1901
8. Христианство как мистический факт и мистерии древности. 1902
9. Теософия. Ведение в сверхчувственное познание мира и назначение человека. 1904
10. Как достигнуть познаний высших миров? 1904/05
11. Из летописи мира. 1904 – 1908
12. Ступени высшего познания. 1905 – 1908
13. Очерк тайноведения. 1910
14. Четыре драмы-мистерии. 1910 – 1913
15. Духовное водительство человека и человечества. 1911
16. Путь к самопознанию человека. 1912
17. Порог духовного мира. 1913

18. Загадки философии. 1914
19. (Включен в т.24)
20. О загадке человека. 1916
21. О загадках души, 1917
22. Духовный облик Гёте, как он раскрывается в «Фаусте» и «Сказке о Змее и Лилии». 1918
23. Сущность социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего. 1919
24. Статьи о трёхчленности социального организма. 1915 – 1921
25. Космология, религия и философия. 1922
26. Антропософские тезисы. Антропософский путь познания, Мистерия Михаила. 1924/25
27. Основы расширения искусства врачевания из духовнонаучных основ. Совместно с Итой Вегман. 1925
28. Мой жизненный путь. 1923 – 1925

II Сборники статей

29. Статьи по драматургии. 1889 – 1990
30. Методические основы антропософии. Сборник статей по философии, естественным наукам, эстетике и психологии. 1884 – 1901
31. Общие статьи по истории культуры и современности. 1887 – 1901
32. Статьи по литературе. 1884 – 1902
33. Биографии и биографические очерки. 1894 – 1905
34. Люцифер-Гнозис. Основополагающие статьи по антропософии и сообщения из журналов «Люцифер» и «Люцифер-Гнозис». 1903 – 1908

35. Философия и антропософия. 1904 – 1923
36. Мысли о Гётеануме среди культурного кризиса современности. Статьи из еженедельника «Гётеанум», 1921 – 1925

III Публикации из наследия

38. Письма 1881 – 1890
39. Письма 1890 – 1925
40. Изречения. 1906 – 1925
44. Планы, фрагменты и дополнения к Драмам-мистериям. 1910 – 1913
45. Антропософия. Фрагмент 1910 г.

В. ДОКЛАДЫ

I. Открытые доклады

- 51 – 67. Берлинские открытые доклады («Доклады в Доме Архитекторов»). с 1903/04 по 1917/18
- 68 – 84. Открытые доклады и курсы, прочитанные в разных городах. 1906 – 1924

II. Доклады для членов Антропософского Общества

- 93 – 265. Доклады и циклы докладов общеантропософского содержания. – Рассмотрение Евангелий. – Христология. – Духовнонаучная антропология. – История космоса и человека. – Духовные основы социального вопроса. – Человек в его взаимосвязи с космосом. – Кармические рассмотрения. – Доклады и статьи к истории антропософского движения и Антропософского Общества.

Ш. Доклады и курсы по специальным областям

- 271 – 276. Доклады по искусству
- 277 – 279. Доклады по эвритмии
- 280 – 282. Доклады по формированию речи и драматическому искусству
283. Доклады о музыке
- 284 – 291. Доклады по строительному искусству и архитектуре
292. Доклады по истории искусства
- 293 – 311. Доклады о воспитании
- 312 – 319. Доклады по медицине
- 320 – 326. Доклады по естественным наукам
327. Доклады о земледелии
- 328 – 341. Доклады о социальной жизни и трёхчленности социального организма
- 347 – 354. Доклады для строителей Гётеанума

С. РЕПРОДУКЦИИ И ПУБЛИКАЦИИ ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ

Эскизы для живописных, пластических и архитектурных работ в первом Гётеануме. – Учебные эскизы для художников. – Эскизы оформления эвритмических постановок. – Эвритмические формы. – Наброски для эвритмических фигур и др.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТИТУРЕЛЬ»

Издательство «Титурель» основано в 2003 году группой энтузиастов духовного познания. В основе работы коллектива лежит издание трудов основоположника духовной науки (антропософии) Рудольфа Штайнера. Первоначально в планах издательства стоят те из трудов Р. Штайнера, в которых он уделяет особое внимание естественным и точным наукам, а также психологии и медицине. Помимо этого основного направления мы рассматриваем возможности публикаций редких или не издававшихся на русском языке книг естественнонаучного, поэтического, религиозного содержания, памятников древней мудрости, всего, что так или иначе соответствует основному направлению.

Сведения об имени Титурель можно найти в литературе, посвящённой Святому Граалю, в том числе в трудах Рудольфа Штайнера, а также в «Энциклопедии Духовной Науки» (ANTHROPOS. Сост. Г. А. Бондарев – М.: ИНСТИТУТ ОБЩЕГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, 1999)

Изданы:

- Книга, в которую вошли: том № 322. «Границы естественного познания и их преодоление» и цикл из четырёх докладов, входящих в том № 202 «Поиск новой Изиды, Божественной Софии».

Рассматриваются встающие перед человечеством в новейшее время проблемы, связанные с одной стороны с мировоззрениями, основанными на результатах естественнонаучных экспериментов, и, с другой стороны, – с социальными отношениями, возникающими как следствие таких мировоззрений. Даны пути преодоления этих проблем: как в естественных науках – с помощью гётеизма, так и в социальных отношениях – с помощью новых, основанных на духовопознании деяниях в социальной жизни.

Доклады тома 322, читанные Р.Штайнером с 27 сентября по 3 октября в Дорнахе (Швейцария), были адресованы в основном учёным, представителям естественных наук, – людям, воспитанным на строгом логическом мышлении, – тем, кто в достаточной степени знаком с математическими законами.

М.: Титурель, 2003. – 272 с.

➤ Том № 45 «Антропософия. Фрагмент».

Впервые на русском языке издан том № 45 Полного собрания трудов основателя духовной науки (антропософии) Рудольфа Штайнера. Учение о чувствах является одним из центральных его открытий. Опубликован перевод последнего, наиболее полного, переиздания незавершённой работы автора, название которой было определено им самим исходя из представленного в ней учения о связи конкретного телесного строения человека с душевным и духовным содержанием, о взаимодействии двенадцати областей сознания с десятью органами чувств.

Книга предназначена для широкого круга читателей. Особый интерес данная работа должна вызвать у врачей, физиологов, психологов, педагогов и других специалистов для углублённого изучения существа человека.

М.: Титуфель, 2005. – 504 с.

Готовятся к печати:

- ⌚ **323. Связь различных естественнонаучных областей с астрономией.**

Третий естественнонаучный курс:

Астрономия в отношении к человеку и к антропософии.

18 докладов, Штутгарт, с 01.01.21 по 18.01.21.

Этот курс наводит мост от человека и окружающих его природных царств к воздействию космоса. Изобилие фактов геологии, ботаники, сравнительной анатомии, физиологии, математики и астрономии обзревается со всеохватывающих точек зрения. Древние воззрения по поводу небесных явлений оцениваются как соответствующее выражение других ступеней сознания.

См. также: Дополнение к полному собранию трудов Р. Штайнера, тетрадь 104.

⌚ **324. Наблюдение природы, эксперимент, математика и ступени познания духовного исследования.**

8 докладов и один вотум дискуссии в рамках «Свободной антропософской высшей школы», Штутгарт, с 16.03.21 по 23.03.21

В этих докладах Р. Штайнер подвергает данные и условия естественнонаучных методов – наблюдение природы, эксперимент и в особенности математическую обработку природных фактов – тщательному анализу и развивает его по аналогии и при дальнейшем ведении математического знания имагинативное познание, как следующие друг за другом ступени познавания. К этому имагинативному познанию примыкает в последовательном продвижении изложение инспиративного и интуитивного познания.

Доклады завершают дальнейшие методологические высказывания по поводу основополагающих вопросов духовной науки и короткий обзор социального воздействия антропософии.

Готовятся к печати:

⌚ **324а. Четвёртое измерение. Математика и действительность.**

Записи слушателей докладов о многомерном пространстве и ответов на вопросы на математические темы.

6 непосредственно связанных докладов, Берлин, с 24.03.05 по 07.06.05; 2 отдельных доклада, Берлин, 07.11.05 и 22.10.08. Ответы на вопросы от 1904 по 1922 гг.

Первая часть этого тома образует серию докладов о много дискутируемой тогда в культурном мире проблеме реального существования четвёртого измерения. При этом Р. Штайнер развивает тему четвёртого и более высоких измерений, исходя из совершенно принципиальных точек зрения. К тому же конструкции в теории четырёхмерных тел занимают некоторое большое пространство.

В более обширной второй части собраны ответы на вопросы, которые касаются любой связи математического образования понятия и представления к духовной реальности. Вместе с тем, наряду с проблемами измерения пространства, важным являются темы: проективная геометрия, скорость света, свободная (текучая) геометрия между ори-

гиналом и отражением, положительные и отрицательные числа, мнимые и сверхмнимые числа, третий закон Коперника, а также особенно теория относительности Альберта Эйнштейна.

Эти доклады и ответы на вопросы происходят не только из узкоспецифических интересов, но всецело из всеобщих антропософских интересов, т.к. Р. Штайнер просто обращает внимание на глубоко лежащие связи.

См. также: Дополнение к полному собранию трудов Р. Штайнера, тетрадь 114/115. Эта тетрадь также будет издана.

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР
АНТРОПОСОФИЯ
Фрагмент

RUDOLF STEINER
ANTHROPOSOPHIE
Ein Fragment

Творческая группа:

Алексеева М. Ч.

Ганелин Л. М.

Елин Т. Я.

Памфилов В. Ч.

Памфилова Л. Б.

Усачёв Д. А.

Издательство «Титурель», г. Москва

Телефоны для справок

По книгам: в Москве (095) 194-32-65 – фонд “Эвидентис”,
в Санкт-Петербурге (812) 340-67-01 – ООО «Деметра»

По издательству: (095) 689-45-55

По содержанию духовной науки (антропософии):
(095) 291-23-84 – Антропософское Общество в России

ISBN 5-902490-01-4

9 785902 149001 2 >

Формат 60х90/16. Объём 31,5 печ. л.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.